БЕЛЫЕ ПЛАНЕТЫ ТЕМНЫЕ НОЧИ

ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ

Беглые планеты
Боб Шоу

Аннотация
Боб Шоу. Беглые планеты
ЧАСТЬ I. ВОЗВРАЩЕНИЕ НА МИР
Глава 1
Глава 2
Глава 3
Глава 4
Глава 5
Глава 6
Глава 7
ЧАСТЬ II
Глава 8
Глава 9
Глава 10
Глава 11
Глава 12
Глава 13
Глава 14
Глава 15
Глава 16
Глава 17
Глава 18

Глава 19
Глава 20

Аннотация

Bob Shaw. The Fugitive Worlds (1989)
Пер. с англ. А. Жикаренцева.

Перед вами – один из оригинальнейших миров за всю историю существования жанра научной фантастики.

Здесь вокруг друг друга вращаются две планеты, соединенные общей атмосферой…

Здесь межпланетные путешествия совершаются на воздушных шарах, а главным оружием в межпланетной войне являются лук и стрелы.

Здесь привычные нам вещи используются весьма непривычными способами – и используются удачно!

Здесь происходит действие бесконечно увлекательной фантастической трилогии Боба Шоу!

Боб Шоу
Беглые планеты

ЧАСТЬ I
ВОЗВРАЩЕНИЕ НА МИР
Глава 1

БЕГЛЫЕ ПЛАНЕТЫ
ТЕМНЫЕ НОЧИ
ЗОЛОТАЯ БИБЛИОТЕКА ФАНТАСТИКИ
SOS

Преодолев наконец зону невесомости, одинокий астронавт углубился в тысячемильный слой постепенно уплотняющейся атмосферы и начал падение, которому суждено было продлиться не один день. Спустившись пониже, человек попал в воздушные потоки, которые отнесли его далеко к западу от столицы. Возможно, по причине элементарной неопытности, а быть может, желая побыстрее выбраться из неудобного кокона, он раскрыл парашют слишком рано. Купол, затрепетав, развернулся, но до поверхности планеты оставалась еще добрая дюжина миль, и в результате астронавта унесло еще дальше — в малонаселенные области, раскинувшиеся за Белой рекой.

Толлер Маракайн-младший патрулировал этот район вот уже восемь дней. Он поднес к глазам мощный бинокль и внимательно изучил серую каплю парашюта, практически незаметную на фоне неба, усеянного дневными звездами. Человек был словно приколот под огромным диском планеты-сестры, заполняющей всю центральную часть небосвода. Постоянная качка воздушного корабля мешала как следует рассмотреть цель, но все-таки Толлер различил крошечную фигурку, ухватившуюся за стропы, и почувствовал радост-

ное предвкушение.

Какие известия несет этот астронавт?

Как считал лично Толлер, сам факт того, что экспедиция продлилась дольше ожидаемого, уже был хорошим признаком, и теперь оставалось лишь побыстрее подобрать агента и оттранспортировать его в Прад. Часами висеть над бесконечно однообразной равниной, время от времени обмениваясь приветствиями с редкими фермерами, — занятие не из веселых, и Толлер страстно желал поскорее вернуться в город, где всегда можно пропустить глоток доброго вина в хорошей компании. Кроме того, он не довел до конца кое-какое дельце во время последней встречи с Харианой, красавицей блондинкой из Гильдии Ткачей. Толлер столько дней преследовал ее, и надо же было такому случиться: он уже чувствовал, что она вот-вот сдастся, как вдруг его срочно отослали в этот весьма утомительный патруль.

Судно легко мчалось на крыльях восточного бриза, изредка используя реактивные двигатели, чтобы держать курс на несомого ветром парашютиста. Несмотря на тень от нависшего над головой эллиптического газового баллона, жара на верхней палубе была невыносимой, и Толлер

видел, что всем двенадцати матросам ничуть не меньше, чем командиру, не терпится покончить с этой миссией. Их шафрановые форменные рубашки насквозь пропитались потом, а настроение команды упало до критической отметки, дозволяемой кодексом бортовой дисциплины.

Под гондолой, двумя сотнями футов ниже, степенно проплывали возделанные поля, превращаясь в бесконечные полосы, уходящие за горизонт. Прошло чуть больше пятидесяти лет со времен переселения на Верхний Мир, а колкорронские фермеры уже успели разукрасить своими рисунками естественный ландшафт. На планете, где смена времен года отсутствует, всевозможные злаки и овощи представлены во всем великолепии, причем каждая культура плодоносит в свое время. Фермерам пришлось немало попотеть, но они все же рассортировали их по группам и теперь собирали до шести урожаев в год, как испокон веков на Старой планете. Каждое поле состояло из нескольких разноцветных полос, демонстрируя нежную зелень всходов, золото налившегося зерна и чернь вспаханной земли.

— К югу от нас еще один корабль, сэр, — крикнул Нискодар, рулевой. — Следует на нашей

высоте, может, чуть выше. Примерно в двух милях.

Толлер нашел глазами судно — темный штрих на озаренном пурпуром горизонте — и навел бинокль. На корабле стояли голубовато-желтые эмблемы Небесной Службы, чему Толлер немало подивился. За прошедшие восемь дней всего несколько раз вдалеке мелькал экипаж, патрулирующий соседний, расположенный к югу, сектор, но встречи эти были мимолетны, и команды успевали обменяться лишь традиционными приветствиями. Этот же корабль вторгся на территорию, закрепленную за Толлером, и приближался на всех парах, видимо, намереваясь перехватить возвращающегося парашютиста.

— Включите мигалку. — Толлер повернулся к лейтенанту Фиру, облокотившемуся на поручни рядом с ним. — Передайте командиру судна мои приветствия и посоветуйте изменить курс — я исполняю волю королевы и вмешиваться не позволю никому.

— Есть, сэр, — бодро ответил Фир, довольный, что небольшая стычка хоть немного оживит погоню за несомым ветром парашютистом. Открыв рундук, он вытащил оттуда солнечный телеграф новой, облегченной конструкции с по-

серебренными зеркальными пластинами вместо обычного многослойного стекла. Фир настроил прибор и заработал клавишей — послышалось быстрое резкое пощелкивание. Примерно с минуту после передачи послания корабли следовали своим курсом, а потом на неизвестном судне в свою очередь ожило крохотное солнышко.

«Добрый утренний день, капитан Маракайн, — гласил ответ. — Графиня Вантара также приветствует вас. Она решила лично принять участие в этой операции. Ваша помощь больше не требуется. Настоящим вам предписывается немедленно возвращаться в Прад».

Толлер подавил уже готовое вырваться проклятие, вызванное наглостью послания. Он никогда не встречался с графиней Вантарой, но прекрасно знал, что она, являясь капитаном Небесной Службы, приходится внучкой самой королеве и частенько пользуется этим, дабы подкрепить свою власть. Многие командиры в подобной ситуации немедленно развернули бы корабли, опасаясь за свою карьеру — ну, может, поспорили бы чуть-чуть для приличия, — но Толлер не привык отступать при столь явном нарушении правил. Рука его легла на рукоять меча, когда-то принадлежавшего деду; нахмурившись, он мрач-

но разглядывал нарушителя границ, составляя в уме ответ на высокомерное требование графини.

— Сэр, должен ли я подтвердить прием? — Голос лейтенанта Фира звучал бесстрастно, но яркие искорки, мелькавшие у него в глазах, выдавали удовольствие от того, что начальник попал в весьма затруднительное положение. Несмотря на субординацию, лейтенант, будучи несколько старше возрастом, считал, как, впрочем, и многие другие, что Толлер так быстро получил звание капитана только потому, что происходил из влиятельного семейства. Было видно, что стычка между двумя привилегированными персонами доставляет ему истинное наслаждение.

— Разумеется, подтвердите, — кивнул Толлер, скрывая раздражение. — Из какого семейства происходит графиня?

— Она урожденная Дервонай, сэр.

— Хорошо, отбросьте в сторону все эти графские ужимки и обращайтесь к ней как к капитану Дервонай. Передавайте. «Искренне благодарим за любезное предложение, но на данный момент присутствие в районе еще одного экипажа может скорее помешать, нежели помочь. Возвращайтесь на прежний курс и не препятствуйте исполнению приказов, данных самой короле-

вой».

Фир с выражением явного удовлетворения на узком лице принялся пульсировать слова Толлера в сторону другого судна — он сам не ожидал, что неповиновение капитана проявится столь открыто. Ответ не заставил себя ждать.

«Отмечу неучтивость, если не сказать наглость вашего послания. Обещаю не докладывать бабушке о нашей беседе, если вы немедленно удалитесь. Советую быть благоразумным».

— Самоуверенная сучка! — Толлер выхватил у Фира мигалку, настроил ее и защелкал клавишей: — «Считаю более благоразумным предстать перед Ее Величеством по обвинению в неучтивости, нежели в предательстве, которое немедленно вменят мне в вину, стоит нашему кораблю сойти с курса. Вам же от души советую оставить мужские дела и вернуться к вышиванию».

— Вернуться к вышиванию! — довольно фыркнул лейтенант Фир, прочитавший послание. Он принял из рук Толлера мигалку. — Подобного совета эта небесная леди не простит, сэр. Интересно, каков будет ее ответ.

— Собственно, она уже ответила, — заметил Толлер, поднеся к глазам бинокль как раз вовремя, чтобы различить клуб дыма, вырвавшийся из

кормовой части корабля. — Либо она в гневе покидает сцену, либо набирает ход, чтобы достичь цели первой — а если то, что я слышал о графине Вантаре, правда… Точно! Гонки начинаются!

— Отдать приказ «полный вперед»?

— А есть другой выход? — поинтересовался Толлер. — И велите команде надеть парашюты.

При упоминании о парашютах ликующее выражение на лице Фира сменилось гримасой озабоченности.

— Сэр, неужели вы считаете, что может дойти до…

— Когда два корабля начинают спорить из-за клочка небосвода, случиться может что угодно. — Толлер намеренно добавил в голос нотку веселья, наказывая лейтенанта за неподобающее отношение к командному составу. — Столкновение легко может закончиться гибелью как судна, так и команды, а я предпочитаю, чтобы потери понесла противоположная сторона.

— Так точно, сэр. — Фир отвернулся, подавая соответствующие сигналы инженеру, и мгновение спустя главные двигатели гулко заурчали, набирая обороты. Нос продолговатой гондолы задрался, и судно чуть не закрутилось вокруг центра тяжести, но рулевой быстро исправил

ситуацию, умелым движением изменив угол машин. Он проделал это чуть ли не одной рукой, потому что на борту были установлены особые облегченные двигатели, состоящие из заклепанных металлических труб.

До недавнего времени на каждую машину требовалось по целому стволу молодой бракки, поэтому вся конструкция представляла собой громоздкое и весьма трудноуправляемое устройство. Источник энергии оставался прежним — пикон плюс кристаллы халвелла, вытягиваемые из почвы корневой системой бракки. Теперь, однако, при помощи метода химической очистки, разработанного отцом Толлера, Кассиллом Маракайном, кристаллы добывались непосредственно из земли.

Химическая промышленность и металлургия стали не только краеугольным камнем необъятного состояния и безграничной власти семейства Маракайнов, но и источниками постоянных разногласий Толлера с родителями. Те надеялись, что наследник пойдет по стопам отца, дабы в скором времени взять управление семейной промышленной империей в свои руки, но самого Толлера подобная перспектива никогда не прельщала. Отношения в семье осложнились еще

больше после того, как в погоне за романтикой и волнующими приключениями Толлер поступил в Небесную Службу. Вот только романтики там оказалось меньше, чем он ожидал, и это, кстати, стало одной из причин его нежелания уступать в сегодняшнем состязании…

Он снова обратил внимание на астронавта, летевшего высоко в небе, — по крайней мере до холмистых фермерских угодий ему оставалось еще не меньше мили. Не было никакого смысла мчаться наперегонки до предполагаемой точки посадки парашютиста, но если Вантара прибудет на место первой, это послужит лишним оправданием ее действиям. Как догадывался Толлер, благодаря чистой случайности она перехватила послание, направленное им во дворец за несколько часов до этого, и решила поучаствовать в самой захватывающей стадии прежде весьма скучной и утомительной миссии.

Он колебался, посылать последнее предупреждение или нет, когда на горизонте появилась темно-голубая полоска. Разглядев в бинокль внушительное водное пространство впереди и сверившись с картами, Толлер обнаружил, что сия стихия носит название озера Амблараат. Протяженность его от края до края превышала пять

миль, а это означало, что без посторонней помощи астронавт вряд ли выберется на сушу; однако озеро пересекала полоска небольших плоских островков, на одном из которых опытный парашютист мог приземлиться без особого труда. Толлер вызвал Фира и указал ему на карту.

— Похоже, нам предстоит пережить несколько волнующих минут, — объяснил он. — Вряд ли эти островки можно считать подходящим местом для посадки. Если наш одуванчик вознамерился посеяться на одном из них, вызволить его оттуда может оказаться не так-то легко. Интересно, будет ли эта небесная леди, как вы ее окрестили, по-прежнему настаивать на такой чести?

— Сейчас главное — доставить посланца к королеве целым и невредимым, — ответил Фир. — Неужели действительно так важно, кто это сделает?

— О да, лейтенант, очень важно, — одарил его широкой улыбкой Толлер.

Он облокотился на поручни гондолы, наслаждаясь обдувающим ветерком, и принялся внимательно изучать идущее наперерез судно. Точка увеличилась, однако не настолько, чтобы можно было разглядеть команду корабля, но Толлер и без бинокля знал, что на борту соперника

находятся одни лишь женщины. Королева Дасина лично настояла на том, чтобы женщинам разрешили вступать в Небесную Службу. Случилось это двадцать шесть лет назад, во времена, когда над Верхним Миром нависла угроза вторжения со Старой планеты, но традиция сохранилась и по сей день, хотя из некоторых чисто практических соображений было решено не создавать смешанные команды. Толлеру, который нес службу по преимуществу на окраинах Верхнего Мира, до сих пор не приходилось сталкиваться с кораблями, укомплектованными женщинами, да и неудивительно, ведь таких команд были единицы. Теперь он с интересом ждал ответа на вопрос, играет ли какую-нибудь роль при управлении судном пол экипажа.

Как он и думал, оба корабля достигли озера Амблараат намного раньше парашютиста. Толлер выбрал один из островов, наиболее благоприятный для посадки, приказал рулевому снизиться до ста футов и начал курсировать вокруг треугольника зеленого клочка суши. Назло ему Вантара избрала аналогичную тактику, пристроившись прямо напротив. Два судна кружились, словно привязанные к концам невидимой жерди, и перемежающиеся выхлопы двигателей

поднимали в воздух целые колонии птиц, гнездившихся на островках.

— Только кристаллы зря тратим, — пробурчал Толлер.

— Подсудное дело, — кивнул Фир, шутливо намекая на то, что его командир не раз получал выговор от начальника снабжения Службы за постоянный перерасход пикона и халвелла: нетерпеливый Толлер тратил горючего куда больше любого другого капитана.

— Этой женщине лучше приземлиться… — Толлер оборвал себя на полуслове. Парашютист, по-видимому, разделив мнение встречающих насчет выбора места посадки, резко подтянул стропы, увеличивая скорость и угол падения.

— Вниз, и как можно быстрее! — выкрикнул Толлер. — Как только коснемся земли, палите сразу изо всех якорных пушек — мы должны приземлиться с первого раза.

По лицу Толлера вновь скользнула улыбка — он заметил, что критический момент настал, когда его судно находилось несколько к западу от острова, а следовательно, исполнив маневр, корабль зайдет с подветренной стороны. Похоже, воздушное колесо фортуны не благоволит Вантаре. Он снова бросил взгляд на судно графини и был

поражен, увидев, что оно тоже резко снижается к острову, намереваясь таким образом совершить незаконную наветренную посадку.

— Сука, — прошептал Толлер. — Сука и дура к тому же.

Он беспомощно смотрел, как корабль-соперник, подгоняемый бризом, пронизывает нижние слои воздуха и сворачивает прямо к центру острова. «Слишком быстро, — подумал он. — Якорные канаты не выдержат!» Корпус гондолы, выпустив с боков клубы дыма, заскользил по траве, и четыре пушки разом выпалили, вгоняя гарпуны глубоко в землю. Судно резко замедлило ход, газовый баллон смялся, и на какой-то момент Толлеру даже показалось, что он ошибся в своем предсказании, но тут раздался громкий треск, и оба каната с левого борта гондолы лопнули. Корабль дернуло и развернуло, а кормовой якорь с легкостью вылетел из земли. Судно непременно сорвалось бы, ибо теперь с островом его связывал один-единственный канат, если бы один из членов экипажа не начал лихорадочно вытравливать линь, ослабляя натяжение. Благодаря какому-то чуду канат выдержал и не порвался, но все это произошло буквально в считанные секунды, и Толлер просто-напросто был не в со-

стоянии прервать посадочный маневр, а между тем раскачивающийся из стороны в сторону корабль Вантары преградил ему путь.

— Отставить посадку! — завопил он. — Поднимаемся! Быстрее!

Немедленно сработали главные двигатели, и, следуя правилам поведения в экстремальных ситуациях, свободные от вахты члены экипажа кинулись на корму, чтобы своим весом помочь поднять нос. Но даже несмотря на то что необходимые меры были приняты практически незамедлительно, инерция многих тонн газа, заключенного в плывущем над головами баллоне, замедлила коррекцию маневра. Кошмарные секунды растянулись в вечность, корабль продолжал неуклонно нестись вперед, а прямо по курсу надвигалась громада замешкавшегося противника. Медленно-медленно, вытягивая все нервы, линия горизонта пошла вниз.

Перегнувшись через поручень, Толлер заметил развевающиеся локоны графини Вантары — эта картинка стояла перед его глазами лишь мгновение, и тут же ее сменили изгибы газового баллона, скользнувшие настолько близко, что он свободно мог различить все швы в местах соединений ткани. Толлер затаил дыхание, жалея, что

его судно не может подниматься вертикально, и только-только начал надеяться, что столкновения не будет, как снизу донесся громкий скрежет. Визгливый, дрожащий, укоризненный звук поведал Толлеру, что корпусом они пропороли верхний слой газового баллона.

Он резко развернулся и увидел, как из-за кормы медленно выплывает корабль Вантары. Сшитый из ткани и покрытый лаком баллон был поврежден по меньшей мере в двух местах, и драгоценный газ уходил в атмосферу. Однако последствия, хоть и были серьезными, катастрофой не грозили — баллон терял форму постепенно и опадал, потихоньку опуская гондолу на землю.

Толлер отдал приказ выровнять судно и, описав еще один круг, снова заходить на посадку. Этот маневр предоставил ему и его команде великолепную возможность во всех подробностях рассмотреть поверженного противника — корабль графини бессильно опустился на землю, а сверху на него позорно рухнул сморщенный баллон. Как только стало очевидно, что никто не погиб и даже не ранен, Толлер облегченно расхохотался. Фир и остальная команда последовали его примеру, а когда парашютист — о чьем существовании все позабыли — спланировал на поле

брани и, неловко приземлившись, шлепнулся мягким местом прямо в одну из болотистых луж, общее веселье дошло чуть ли не до истерики.

— Так, теперь можно не торопиться, поэтому я хочу, чтобы посадка прошла без сучка без задоринки, — скомандовал Толлер. — Снижаемся медленно и плавно.

Исполняя приказ, рулевой развернул судно против ветра и начал опускать его, плавно замедляя ход. Мягко коснувшись травы, корабль едва заметно вздрогнул. Как только якоря были закреплены, Толлер одним движением перемахнул через поручень и спрыгнул на траву. Из-под складок газового баллона, опутавшего корабль графини, начали выбираться первые члены экипажа. Подчеркнуто не замечая их, Толлер прямиком направился к посланцу, который уже поднялся на ноги и теперь собирал раскинувшийся на земле купол парашюта. Он поднял голову и, завидев приближающегося Толлера, отдал честь. Это был худощавый светлокожий юнец, выглядевший так, словно только вчера впервые решился надолго расстаться со сводами родного дома. Однако, напомнил себе Толлер, проникаясь невольным уважением, этот парнишка совершил двойной перелет между планетами-сестрами.

— Добрый утренний день, сэр, — начал паренек. — Капрал Стинамирт, сэр. Имею срочное донесение Ее Величеству.

— Ничуть не сомневаюсь, — улыбнулся Толлер. — Мне отдан приказ без промедлений доставить вас в Прад, но, думаю, мы все-таки можем потратить несколько секунд и освободить вас от небесной экипировки. Вряд ли вы предпочитаете сухой одежде мокрый зад.

Ответной улыбкой Стинамирт приветствовал легкость, с которой Толлер отверг напыщенную официальность.

— Признаюсь, посадка была не из лучших.

— Похоже, нынче день неудачных посадок, — ответил Толлер, бросая взгляд за спину Стинамирта.

К ним направлялась графиня Вантара, высокая черноволосая женщина, чья грудь и фигура производили неизгладимое впечатление, тем более что сейчас, выражая гнев и ярость, графиня держала себя нарочито подтянуто. По пятам за ней, стараясь идти след в след начальству, семенила невысокая и куда более пухленькая девушка, одетая в форму лейтенанта. С растущим изумлением Толлер вновь повернулся к Стинамирту — подумать ведь, этот мальчишка только что вернулся

из небывалого путешествия. Несмотря на свою юность, Стинамирту довелось увидеть и пережить нечто такое, чего Толлер даже представить себе не мог. Маракайн откровенно завидовал ему и вместе с тем горел желанием узнать результаты этого полета на Мир — первого с тех самых пор, как пятьдесят лет назад началась колонизация Верхнего Мира.

— Скажите, капрал, — обратился он к юноше, — как там, на Старой планете?

Стинамирт на секунду замялся:

— Сэр, я обязан отчитаться лично перед Ее Величеством.

— Да забудьте вы про отчеты! Как мужчина мужчине, расскажите, что вы видели? Что пережили?

Стинамирт тем временем освобождался от своей экипировки. При этих словах лицо его приняло мечтательное выражение — было видно, что ему самому не терпится поговорить о своих приключениях.

— Пустые города! Огромные города, мегаполисы, по сравнению с которыми Прад выглядит невзрачной деревушкой, — и все они пусты!

— Пусты? А как же…

— Господин Маракайн! — Графиня Вантара на-

ходилась еще по меньшей мере в дюжине шагов, но голос ее был достаточно силен, чтобы Толлер замолчал, так и не закончив фразы. — Пока вы будете дожидаться отставки по обвинению в преднамеренной порче одного из воздушных кораблей Ее Величества, командование вашим судном я принимаю на себя! Вы же помещаетесь под арест!

От такой самоуверенности и абсолютного безрассудства Толлер на мгновение лишился дара речи. Им овладела ярость настолько всепоглощающая, что по здравом размышлении ни в коем случае нельзя было дать ей вырваться наружу. Нацепив одну из своих небрежных улыбочек, он не торопясь развернулся к графине — и немедленно пожалел, что не встретился с ней при более располагающих к знакомству обстоятельствах. Она относилась к созданиям, чья внешность наполняет мужчин безнадежным восхищением, а женщин — беспомощной завистью. Овальная форма лица, серые глаза — совершенство; в ней не было ни одного изъяна, благодаря чему обладательница подобной красоты сразу выделялась на фоне всех женщин, с которыми Толлер встречался до нынешнего дня.

— Чему вы так радуетесь? — Сердитый голос

Вантары вернул его на землю. — Может, вы не расслышали, что я сказала?

Толлер постарался на время позабыть о своих внутренних терзаниях.

— Не глупите, — сказал он. — Вероятно, вам требуется помощь в починке судна?

Несколько секунд графиня гневно взирала на подчиненную, которая наконец нагнала ее, а затем вновь перенесла свою злость на Толлера.

— Господин Маракайн, кажется, вы не в состоянии оценить всю серьезность положения. Вы арестованы.

— Послушайте меня, капитан, — горестно вздохнул Толлер. — Вы повели себя крайне опрометчиво, но, к счастью, никто не пострадал, поэтому нужда в официальном рапорте как с вашей, так и с моей стороны отпадает. Давайте разойдемся по-мирному и позабудем сей прискорбный инцидент.

— О да, вам бы этого очень хотелось!

— Это будет куда разумнее, нежели выслушивать ваши бредни.

Рука Вантары опустилась на рукоятку пистолета, висевшего у нее на поясе.

— Повторяю, господин Маракайн, вы арестованы.

С трудом веря в происходящее, Толлер инстинктивно сжал рукоять меча.

Улыбка графини полыхнула ледяным совершенством.

— И что вы намереваетесь сотворить с этим музейным экспонатом? — осведомилась она.

— Раз уж вы спросили, так и быть, я вам объясню, — беспечным, ровным голосом ответил Толлер. — Вы даже свой пистолет поднять не успеете, как ваша голова отделится от тела, а если у вашего лейтенанта хватит глупости угрожать мне, то и ее постигнет подобная участь. Более того, будь рядом с вами еще парочка матросов… и даже если бы каждый успел всадить в меня по пуле… я бы все равно настиг их и порубил на части. Надеюсь, я выразился ясно, капитан Дервонай. Я исполняю приказы, полученные непосредственно от Ее Величества, и если хоть кто-нибудь попробует помешать мне в исполнении этих указаний, дело может закончиться настоящим кровопролитием. Примите это как простой и неоспоримый факт.

Сохраняя маску спокойствия, Толлер ждал, какой эффект произведет его речь на Вантару. Телосложение, унаследованное им от деда, служило живым напоминанием о тех днях, когда военные

составляли отдельную, привилегированную касту в Колкорроне. Он словно гора возвышался над графиней и смотрелся раза в два ее тяжелее, однако утверждать, что дальнейший ход событий будет соответствовать его желаниям, он не мог. Было очевидно, что графиня не относится к женщинам, которые легко позволяют помыкать собой.

В воздухе застыло напряженное молчание. Толлер чувствовал, что в эту минуту все его будущее висит на волоске, но затем — совершенно неожиданно — Вантара вдруг весело расхохоталась.

— Ты только посмотри на него, Джерин! — пихнула она свою компаньонку. — Похоже, он и в самом деле принял все всерьез.

Лицо лейтенанта на мгновение изумленно вытянулось, но она сразу взяла себя в руки и изобразила слабую улыбку.

— Это очень серьезно…

— Где ваше чувство юмора, Толлер Маракайн? — перебила ее Вантара. — А, ну да, припоминаю, вы и раньше предпочитали держаться строго и неприступно.

Толлер был ошеломлен:

— Вы хотите сказать, что мы уже встречались?

— Неужели вы не помните те приемы в День

Переселения, что проводились во дворце? — снова расхохоталась Вантара. — Ваш отец все время брал вас с собой, когда вы были еще маленьким мальчиком. Уже тогда вы везде таскались с этим мечом… хотели быть похожим на своего знаменитого деда…

Толлер не сомневался, что над ним насмехаются, но, если графиня избрала именно этот способ сохранить лицо, он с готовностью пойдет ей навстречу. Все равно это лучше, чем продолжать никому не нужную склоку.

— Признаюсь, я не припоминаю вас, — ответил он, — но подозреваю, причиной тому ваша необыкновенная внешность. Вы, вероятно, изменились куда в большей степени, нежели я.

Вантара покачала головой, отвергая комплимент.

— Нет. Просто у вас плохая память на лица… Да, кстати, что насчет этого пилота, ради которого считанные минуты назад вы готовы были рисковать безопасностью аж двух кораблей?

Толлер повернулся к Стинамирту, с явным интересом следившему за ходом диалога.

— Поднимайтесь на борт и прикажите повару приготовить что-нибудь поесть. Мы продолжим наш разговор в более подходящей обстановке.

Стинамирт отдал честь, поднял парашют и потащил его в сторону судна.

— Думаю, вы уже спросили у него, почему экспедиция продлилась дольше, чем предполагалось, — поинтересовалась Вантара так непринужденно, словно столкновения между ними не было и вовсе.

— Да. — Толлер не знал, как вести себя с графиней, но решил попробовать наладить взаимоотношения и сделать их как можно более дружественными и неофициальными. — Он сказал, что Мир опустел. Там одни мертвые города.

— Мертвые?! Но что случилось с так называемым Новым Человечеством?

— Объяснение, если таковое имеется, будет изложено в официальном отчете.

— В таком случае я постараюсь встретиться с Ее Величеством, то есть с бабушкой, как можно скорее, — кивнула Вантара. Обращение к родственным связям было вовсе не так уж и необходимо, и Толлер воспринял его как указание соблюдать должную дистанцию.

— Я тоже намерен возвратиться в Прад как можно скорее, — сказал он, стараясь говорить отрывисто и четко. — Вы уверены, что помощь в ремонте не требуется?

— Абсолютно! Швы будут зашиты еще до наступления малой ночи, а затем я направлюсь вслед за вами.

— Да, вот еще что, — произнес Толлер вслед вознамерившейся уйти Вантаре. — Строго говоря, наши суда столкнулись, а следовательно, мы должны заполнить рапорта с подробным описанием происшедшего. Что вы об этом думаете?

Она хладнокровно встретила его взгляд.

— Лично я нахожу всю эту бумажную волокиту довольно занудной, а вы?

— Более чем занудной. — Толлер улыбнулся и отдал честь. — До свидания, капитан.

Проводив графиню и ее младшего офицера взглядом, он повернулся и направился к своему кораблю. Огромный диск планеты-сестры заполнял небо, и мерцание солнечного серпа поведало Толлеру, что до дневного затмения, так называемой малой ночи, осталось не больше часа. Сейчас, расставшись с графиней, он ясно осознавал, что позволил Вантаре манипулировать им, как она того хотела. Будь на ее месте мужчина и поведи он себя так возмутительно в воздухе и столь нагло на земле, Толлер задал бы ему такую словесную взбучку, что исходом ее вполне могла бы стать дуэль, и уж непременно со-

ставил бы официальный рапорт. Но невероятное совершенство графини ошеломило его, лишило сил и выставило форменным молокососом. Он действительно разбил Вантару по всем главным пунктам, но, оглядываясь назад, понимал, что скорее пытался произвести на нее впечатление, нежели исполнить прямой долг.

Когда Толлер добрался до судна, члены команды уже суетились вокруг четырех якорей, готовясь к отправлению. Он взобрался по трапу, перепрыгнул через поручни, но затем обернулся и еще раз посмотрел на лежащий на земле корабль Вантары: под руководством графини экипаж отсоединил газовый баллон и разложил его на траве.

К нему подошел лейтенант Фир.

— Полный вперед, сэр, курс на Прад?

«Если я когда-нибудь женюсь, — подумал Толлер, — то только на этой женщине».

— Сэр, я спросил…

— Разумеется, возвращаемся в Прад, — подтвердил Маракайн. — И приведите ко мне Стинамирта, я хочу переговорить с ним наедине.

Он прошел к каюте, расположенной на главной палубе, и стал ждать парашютиста. Судно вновь ожило, такелаж и шпангоуты затрещали, корабль

поднялся и вошел в один из воздушных потоков. Толлер сидел за столом и с отсутствующим видом перебирал навигационные приборы. Ему никак не удавалось выбросить из головы образ графини Вантары. Как он мог забыть, что встречался с ней еще ребенком? Толлер хорошо помнил, как отец таскал его на церемонии Дня Переселения — в том возрасте он презирал всех девчонок, но как он мог не заметить ее среди этих хихикающих, облаченных в пышные платья созданий, играющих в дворцовых садах…

От раздумий его отвлек стук в дверь. В маленькую каютку, смахивая с губ хлебные крошки, вошел Стинамирт.

— Вы посылали за мной, сэр?

— Да. Мы прервали разговор на самом интересном месте. Расскажите мне об этих пустующих городах. Неужели вы не встретили ни одной живой души?

— Ни единой, сэр! — кивнул Стинамирт. — Множество скелетов, целые тысячи, но, насколько я могу судить, Нового Человечества больше не существует. Не иначе чума обернулась против них самих и стерла с лица земли.

— Какую территорию вы успели обследовать?

— Весьма небольшую — максимум две сотни

миль. Как вы знаете, у нас было всего три корабля… да еще и без двигателей… поэтому нам пришлось отдаться на волю ветра. Но мне и этого хватило, сэр. Через некоторое время мною овладело какое-то жуткое предчувствие, и я голову даю на отсечение, что на планете ни души не осталось.

Перво-наперво мы высадились в паре миль от Ро-Атабри, прежней столицы. Мы находились в самом сердце древнего Колкоррона. Если бы на Мире кто и выжил, то, несомненно, пришел бы туда. — Стинамирт говорил с таким жаром, словно убедить Толлера было делом первостепенной важности.

— Вероятно, вы правы, — согласился Толлер. — Если, конечно, это как-то не связано с птертой. Насколько я знаю, основная ее масса обитала в Колкорроне, тогда как другая сторона планеты была практически не заражена.

Стинамирт разгорячился еще больше:

— И второе важное открытие, которое мы сделали, заключается в том, что птерта Мира стала бесцветной — точь-в-точь как у нас на Верхнем Мире. Такое впечатление, что она вернулась к нейтральному состоянию, сэр. Я думаю, это потому, что яд, который она выработала против

людей, сделал свое дело, и теперь птерта готова объявить войну любому другому виду, посмевшему покуситься на бракку.

— Очень интересно, — кивнул Толлер, но на самом деле его мысли были заняты другим — перед его глазами стояла графиня Вантара. «Увижу ли я ее снова? И когда?»

— Мне кажется, — продолжал Стинамирт, — что сейчас логичнее всего будет снарядить настоящую, большую экспедицию из множества хорошо оснащенных судов, с поселенцами, и заново освоить Старую планету — тогда все случится точно так, как предсказывал король Прад.

Толлер еще раньше подсознательно отметил, что Стинамирт изъясняется весьма изысканно для обыкновенного рядового, и теперь он видел, что этот человек куда более образован, нежели могло показаться на первый взгляд. Он с интересом посмотрел на Стинамирта.

— Вы для себя, похоже, уже все взвесили и решили, — заметил он. — Хотите вернуться на Мир?

— Так точно, сэр! — Гладкая кожа Стинамирта слегка покраснела. — Если королева Дасина решит послать туда флот, я первый вызовусь добровольцем. И если вы тоже настроены принять

участие в этой экспедиции, сэр, я почел бы за честь служить под вашим началом.

Толлер обдумал это предложение. Он представил себе довольно мрачную картину — горстка кораблей плывет над равнинами: поросшие сорняками руины, среди которых лежат миллионы человеческих скелетов. И еще менее привлекательной эта затея выглядела, потому что в ней не было места Вантаре. Если Толлер отправится в это путешествие, они с графиней в буквальном смысле слова окажутся в разных мирах. Он с потрясением обнаружил, что безо всяких на то оснований отводит ей значительное место в своей жизни, и с горечью убедился, что она весьма глубоко проникла за его эмоциональные заслоны.

— Увы, но я не смогу помочь вам вернуться на Старую планету, — сказал он Стинамирту. — К сожалению, у меня много дел здесь, на Верхнем Мире.

Глава 2

Лорд Кассилл Маракайн спустился с крыльца своего дома, расположенного в северной части Прада, и с удовольствием глубоко вздохнул. Незадолго до рассвета прошел дождь, и свежесть

воздуха бодрила, вливала в тело новые силы — Кассилл вновь пожалел, что придется провести такое замечательное утро в тесноте королевского дворца. Дворец располагался примерно в миле, и его стены из розового мрамора посылали во все стороны яркие блики, пробивающиеся даже сквозь густые ряды деревьев. Кассилл был бы не прочь прогуляться пешком, но в последние дни у него не хватало времени даже на эту маленькую радость. Королева Дасина с возрастом стала весьма раздражительной, и если он опоздает на прием, она, без сомнения, очень и очень рассердится.

Он подошел к своему экипажу, забрался внутрь и кивнул кучеру. Запряженная четверкой синерогов карета немедленно тронулась. Подобная упряжка лишний раз подчеркивала привилегированный статус Кассилла. Еще лет пять назад закон запрещал запрягать в повозку более одного синерога, так как животные были крайне необходимы развивающейся экономике планеты, и даже теперь редко можно было встретить экипаж, запряженный целыми четырьмя синерогами.

Эту карету лорд Кассилл получил в дар от самой королевы и для поездок во дворец всегда, из

вежливости, избирал именно этот экипаж, хотя жена и сын частенько пошучивали насчет того, что к старости он чересчур размяк. Кассилл не принимал их насмешки всерьез, хотя и сам начал подозревать, что слишком уж пристрастился к роскоши и помпезности в обыденной жизни. Неугомонность и тяга к приключениям, свойственные его отцу, казалось, перепрыгнули через поколение и воплотились в юном Толлере. Лорд Кассилл неоднократно спорил с мальчиком по поводу его безрассудства и старомодной привычки таскать повсюду меч, но старался не доводить дело до конфликта: его постоянно преследовала мысль, что им движет обыкновенная ревность, ведь Толлер буквально боготворил давным-давно умершего деда.

Размышления о сыне напомнили Кассиллу, что мальчик уже командует целым кораблем, который не далее как вчера доставил посыльного, отправленного вперед экспедицией на Мир. По правилам, отчеты экспедиции должны были храниться в строгой тайне, но секретарь Кассилла уже успел передать своему хозяину распространившийся слух — Мир превратился в необитаемую планету, а смертельный птертоз, который вынудил человечество бежать на сосед-

нюю землю, отступил. Королева Дасина спешно созвала избранных советников, и тот факт, что Кассилл был приглашен на это собрание, ясно свидетельствовал о характере чаяний Ее Величества. Его полем деятельности было производство, а в данном контексте — строительство небесных кораблей, и это означало, что Дасина намеревается вновь освоить Старую планету и таким образом стать первой в истории правительницей сразу двух миров.

Ко всяким захватническим идеям Кассилл питал инстинктивное отвращение, и неудивительно — ведь его отец погиб во время тщетной попытки колонизировать третью планету местной системы. Однако в данном случае обычные философские или гуманистические доводы не помогут. Планета-сестра Верхнего Мира принадлежала народу Колкоррона по праву рождения, а поскольку туземному населению ни рабство, ни гибель не угрожали, Кассилл не видел никаких моральных препятствий для второй межпланетной миграции. Как он понимал, основным вопросом собрания будет «сколько»: сколько судов понадобится королеве Дасине и сколько времени уйдет на их подготовку.

«Толлер наверняка захочет принять участие в

этой экспедиции, — подумал Кассилл. — Их будут поджидать опасности, но это только еще больше распалит сына».

Вскоре карета достигла реки и свернула на запад, в сторону моста магистра Гло, ведущего прямо ко дворцу королевы. За те несколько минут, пока экипаж катился по извилистой набережной, Кассиллу встретились целых две повозки с паровым двигателем, но ни одна из них не была выпущена его фабрикой, и он в который раз пожалел о невозможности поэкспериментировать с подобными транспортными средствами. В них предстояло внести немало изменений и улучшений, и особое внимание следовало обратить на привод, однако управление промышленной империей Маракайнов отнимало уйму времени и сил.

Карета пересекла богато украшенный мост, и впереди показался дворец — прямоугольное строение, чью совершенную симметрию нарушали лишь восточная пристройка и башня, которые Дасина возвела в память о муже. Стражники у центральных ворот отдали Кассиллу честь. У парадного подъезда по причине раннего часа стояла лишь пара-другая экипажей, поэтому ему сразу бросилась в глаза карета Небесной Службы,

принадлежащая Бартану Драмме, старшему научному помощнику главы воздушной обороны. К своему удивлению, вскоре Кассилл увидел и самого Бартана — тот расхаживал неподалеку. Несмотря на солидный, уже за пятьдесят, возраст, Драмме сохранил гибкую и крепкую фигуру, и лишь легкая скованность в области левого плеча — результат старой боевой раны — мешала ему двигаться, словно двадцатилетнему юноше. Интуиция подсказала Кассиллу, что Бартан ждет именно его, надеясь переговорить до начала официального собрания.

— Добрый утренний день! — крикнул Кассилл, выходя из кареты. — Смотрю и тихонько завидую, вот бы мне побродить по округе и подышать свежим воздухом.

— Кассилл! — улыбнулся Бартан и, протягивая руку, двинулся навстречу. Годы практически не коснулись его по-детски юного округлого лица. Вечно насмешливая улыбка зачастую обманывала людей, и тот, кто впервые сталкивался с Драмме, принимал его за очень недалекого человека, но за минувшие годы Кассилл достаточно близко сошелся с ним и ценил его живой ум и упорство.

— Ты меня ждал? — поинтересовался Кассилл.

— Великолепно! — Бартан в изумлении поднял брови. — Откуда ты узнал?

— Ты выглядел как мальчишка, дежурящий у кондитерской лавки. В чем дело, Бартан?

— Давай-ка немного пройдемся, до совещания у нас еще есть время. — Бартан провел его в пустующую часть двора, укрывшись от посторонних взглядов за клумбой копьецветов.

— Мы что, участвуем в заговоре против трона? — усмехнулся было Кассилл.

— Мое дело не менее серьезно, — сказал, останавливаясь, Бартан. — Тебе известно, Кассилл, что официально моя должность называется «помощник по науке главы Небесной Службы». Кроме того, ты прекрасно знаешь, что мне удалось выжить в экспедиции на Дальний Мир, и теперь все считают, будто я обладаю даром магического прорицания и вижу, что происходит на небесах. В случае возникновения угрозы извне я немедленно обязан представить подробный доклад Ее Величеству.

— Даже я что-то забеспокоился, — нахмурился Кассилл. — Что-нибудь связанное с Миром?

— Вовсе нет, с другой планетой.

— Дальний Мир? Говори же быстрее! Не тяни!

На лбу у Кассилла выступил холодный пот, и

мрачные предчувствия зародились в его душе. Дальний Мир — так называли третью планету системы, вращающуюся примерно в два раза дальше от Солнца, чем связанные друг с другом Мир и Верхний Мир. На протяжении практически всей истории Колкоррона этот мир был не более чем незначительной зеленой искоркой среди великолепия ночных небес. Но совсем недавно, двадцать шесть лет назад, необычайное стечение обстоятельств привело к тому, что одно-единственное судно с Верхнего Мира отправилось в ужасное путешествие и, преодолев миллионы миль враждебной пустоты, достиглотаки последней планеты системы. Экспедиция закончилась неудачно — на просторах этого влажного, дождливого мира погиб не только отец Кассилла, но и многие другие. Выжили лишь трое, и они вернулись на родную планету, неся тревожные известия.

Дальний Мир населяла раса гуманоидов, настолько продвинутая во всяческих технологиях, что цивилизация Верхнего Мира могла быть уничтожена одним ударом. К счастью для человечества, дальнемирцы представляли собой замкнутую, ориентированную исключительно на собственные нужды расу и к событиям, проис-

ходящим за вечной пеленой облаков, нависшей над Дальним Миром, не проявляли ровно никакого интереса. Людям, склонным к расширению своих территорий, сложно было понять подобное мировоззрение. Шли годы, тянулись десятилетия, но никаких признаков готовящегося вторжения с загадочной третьей планеты не наблюдалось. Однако, несмотря на это, боязнь внезапного опустошительного нападения с небес все еще ютилась в сердцах некоторых верхнемирцев. И как только что убедился Кассилл Маракайн, не так уж глубоко этот страх прятался…

— Дальний Мир? — как-то странно улыбнулся Бартан. — О нет — я имею в виду совсем другую планету. Четвертую планету системы.

Наступила тишина. Кассилл молча изучал лицо друга, словно надеялся прочесть на нем решение загадки.

— Надеюсь, это не шутка? Ты хочешь сказать, что открыл новую планету?

— Лично я се не открывал, — хмуро покачал головой Бартан. — Ее даже мои помощники не заметили. Одна женщина — переписчица из архива на Хлебной набережной — сказала мне о ней.

— Какая разница, кто первым ее обнаружил?! — воскликнул Кассилл. — У тебя в руках важнейшее

и интереснейшее научное открытие и… — Он прервался, внезапно поняв, что так и не дослушал приятеля до конца. — Старина, почему ты так мрачен?

— Когда Дайвар рассказывала мне о планете, она отметила ее необычно голубой цвет; естественно, первым делом я подумал, что произошла какая-то ошибка. Ну, ты же знаешь, в небе множество голубых звезд — сотни, тысячи. Поэтому я сразу спросил у нее, каким телескопом она пользовалась, и Дайвар ответила, что самым обыкновенным. По сути дела, добавила она, планету нетрудно увидеть даже невооруженным глазом. И Дайвар была права, Кассилл! Прошлой ночью она показала мне ее… голубую планету… видимую без всякой оптики… она взошла на западе сразу после заката…

— Ты рассмотрел ее повнимательнее в телескоп? — нахмурился Кассилл.

— Да. Даже в обыкновенном навигационном телескопе ее диск выглядит весьма внушительно. Самая настоящая планета.

— Но… — Кассилл был ошеломлен. — Почему же ее не замечали раньше?

Бартан еще раз продемонстрировал странную улыбку:

— Единственный разумный ответ, который я могу дать, заключается в том, что раньше ее просто не было.

— Но это же нарушение всех астрономических законов, такого не может быть! Я не раз слышал о новых звездах, загорающихся то там, то тут и мгновенно гаснущих, но откуда появилась целая планета? Она что, взяла и материализовалась?

— Вот и королева Дасина задаст мне в точности такой же вопрос, — понурился Бартан. — Еще она спросит, сколько эта планета там пробудет, а мне придется ответить, что я не знаю; тогда она поинтересуется, что нам с этой планетой делать, и мне снова придется лишь развести руками; после этого королева сильно призадумается над практической пользой научного советника, который ничего не знает…

— Мне кажется, ты преувеличиваешь, — попытался успокоить друга Кассилл. — Скорее всего королева отнесется к этому как к весьма любопытному астрономическому феномену, и не более того. А с чего ты взял, что голубая планета представляет для нас какую-то угрозу?

Бартан несколько раз мигнул.

— У меня предчувствие, Кассилл! Инстинктивный страх. И только не говори мне, что тебя ее

появление ничуть не взволновало.

— Мне интересно, да — и я хочу, чтобы ты показал мне планету сегодня же ночью. Но с чего мне тревожиться?

— А с того… — Бартан оглядел небо как бы в поисках вдохновения. — Кассилл, это неправильно! Это неестественно… это знамение… Что-то вот-вот произойдет.

— Ты самый суеверный человек, которого я когда-либо встречал! — громко расхохотался Кассилл. — Теперь ты заявляешь, будто бы этот блуждающий мир объявился на нашем небосводе с единственной целью предупредить тебя.

— Ну… — Бартан выдавил неуклюжую улыбку, еще более подчеркнувшую его мальчишескую внешность. — Может, ты и прав. Наверное, мне следовало сразу обратиться к тебе. Пока не умерла Бериза, я не понимал, насколько я зависим от нее. Она держала меня в колее.

Кассилл сочувствующе кивнул. Ему до сих пор не верилось, что Беризы Драмме уже четыре года как нет с ними. Черноволосая, живая и неугомонная — казалось, что Бериза будет жить вечно, но неведомая, непонятно откуда взявшаяся хворь источила ее за считанные часы и еще раз продемонстрировала медикам, насколько мало они

знают о жизни.

— Это был большой удар для всех нас, — согласился Кассилл. — Ты снова начал пить?

— Да. — Бартан заметил мелькнувшее во взгляде Кассилла беспокойство и коснулся его руки. — Но не так, как в те времена, когда впервые повстречался с твоим отцом. Здесь я Беризу не подведу. Вечерком пропускаю пару стаканчиков вина из хмельных ягод — теперь мне больше и не требуется.

— Приходи сегодня вечером ко мне и приноси телескоп помощнее. Вкусим по чаше чего-нибудь согревающего, полюбуемся на… Да, вот тебе еще одно задание — придумать этой таинственной планете имя. — Кассилл хлопнул друга по спине и кивнул на арку парадного входа во дворец, намекая, что пришло время идти на собрание.

Очутившись в тени пустующих коридоров, они проследовали прямиком в залу заседаний. Во времена короля Чаккела во дворце постоянно заседало правительство, поэтому каждый уголок кишмя кишел разными чиновниками, но указом королевы Дасины административные органы переселили в отдельные здания, а дворец объявили королевской резиденцией. Только таким учреждениям, как служба воздушной обороны, к

деятельности которой она проявляла особый интерес, было разрешено отвлекать Ее Величество по всяческим пустякам.

У дверей в залу под тяжестью традиционных доспехов из бракки дружно потели двое стражников. Мгновенно признав подходящих мужчин, они без лишних слов расступились в стороны. Воздух в комнате был настолько нагрет, что Кассилл сначала даже задохнулся. Стареющая королева постоянно жаловалась на холод, и покои, в которых она часто бывала, обычно прогревали до температуры, практически невыносимой для обычного человека.

В комнате, помимо вошедших Кассилла и Бартана, присутствовал лорд Сектар, финансовый советник, отвечающий за благосостояние государства и следящий за расходом казны. Его присутствие послужило еще одним признаком, что королева планирует заново освоить Старую планету. Лорд Сектар был крупным мужчиной шестидесяти лет, чье толстое, с двойным подбородком лицо, даже в обычных условиях страдающее от излишнего притока крови, в жарко натопленной комнате приобрело ярко-пурпурный оттенок. Он кивнул вновь прибывшим, молча указал на пол, в котором были замурованы

отопительные трубы, мученически закатил глаза и, смахнув со лба капельки пота, пододвинулся поближе к полуоткрытому окну.

В ответ на эту пантомиму Кассилл демонстративно пожал плечами, изображая беспомощность, и опустился на одну из изогнутых скамей, повернутых в высокому трону. Мысли его сразу вернулись к загадке голубой планеты Бартана. Только сейчас ему пришло на ум, что он слишком уж спокойно отреагировал на сообщение о столь необычном феномене. Целая планета материализовалась из ниоткуда и пожаловала к ним в гости. Астрономы и раньше отмечали появление новых звезд, и точно так же целые звезды иногда бесследно пропадали с неба, вероятно, взрывались, бросая на произвол судьбы свиты своих планет. Кассилл представил себе, как эти миры потерянно бродят в межзвездном пространстве, но шансы на присоединение одной из таких планет-бродяг к местной солнечной системе бесконечно малы. Вероятно, он нисколько не удивился этому сообщению просто потому, что на самом деле в глубине души не поверил ему. Кроме всего прочего, на поверку эта голубая планета могла оказаться обыкновенным газовым облаком, издалека похожим на небесное тело…

Дверь открылась, в залу вошел дворецкий и металлическим жезлом трижды постучал по полу, объявляя о прибытии королевы. Кассилл поспешно поднялся. В покои вплыла королева, кивком отпустила двух фрейлин, сопровождавших ее до дверей, и направилась к трону. Она была худощавой, на вид очень хрупкой особой, изрядно отягощенной весом зеленых шелковых одеяний, но в жесте руки, которым она повелела советникам занять места, промелькнула величественная грация.

— Благодарю всех присутствующих за то, что вы сочли возможным явиться сюда сегодняшним утром, — произнесла она пронзительным, но твердым голосом. — Мне известно, что у всех вас имеются неотложные дела, поэтому без лишних церемоний приступим к главному вопросу собрания. Как вы уже знаете, совсем недавно в Прад прибыл пилот, посланный экспедицией на Мир. Мне хотелось бы познакомить вас с основным содержанием его рапорта.

Не обращая внимания на шепоток присутствующих, Дасина в подробностях описала находки экспедиции. Закончив, она обвела советников пристальным взглядом, а глаза ее, полускрытые локонами жемчужно-белого парика, без которого

она никогда не появлялась на публике, внимательно изучали выражения лиц. Кассилл еще раз отметил про себя, что, если бы потребовалось, Дасина в любой момент могла принять от мужа власть над Колкорроном и прекрасно справилась бы с этой задачей. Тот факт, что обычно она предпочитала держаться в тени, казался даже удивительным. Голос она поднимала всего несколько раз, когда речь заходила о правах женщин.

— Думаю, вы уже поняли, какую цель я преследую, собирая вас здесь, — продолжила она, переходя на высокий стиль официального Колкоррона. — Ввиду того, что полный рапорт от командующих экспедицией я получу только через три дня, вы, вероятно, сочтете мои действия несколько преждевременными — но я уже достигла такого возраста, когда задержка даже на час непростительна.

Я намереваюсь как можно скорее снарядить на Мир флот.

Также я намереваюсь еще до своей смерти объявить Ро-Атабри действующей столицей; а следовательно, ваши мнения мне необходимо услышать сегодня же. Помимо этого, я ожидаю от вас немедленных действий — воплощение

вынесенных на этом собрании решений должно начаться еще до окончания малой ночи. Поэтому за работу, господа! Первый мой вопрос к вам заключается в следующем: каково будет число кораблей во флотилии? Прошу вас, лорд Кассилл, вам слово.

Поднимаясь на ноги, Кассилл пару раз мигнул. Речь королевы словно была заимствована из эпохи позднего правления короля Чаккела, когда пионеров, осваивающих новый мир, необходимо было постоянно подбадривать, и Кассиллу показалось, что в нынешней ситуации этот стиль несколько неуместен.

— Ваше Величество, как истинные верноподданные мы целиком и полностью разделяем ваши взгляды на повторное покорение Старой планеты, но да позволено мне будет заметить, те ужасные времена, которыми славился период Переселения, давным-давно канули в Лету. На данный момент у нас нет никаких доказательств, что Мир снова пригоден для обитания, поэтому благоразумнее будет вслед за первой экспедицией снарядить обыкновенный военный флот из воздушных судов, который высадится на Мире, облетит всю планету и тщательно изучит ее.

— Это решение чересчур благоразумно, — по-

качала головой Дасина. — У меня слишком мало времени — ваш отец никогда бы не дал мне подобного совета.

— Дни моего отца остались далеко в прошлом, Ваше Величество, — возразил Кассилл.

— Может быть, да, а может быть, нет, однако я согласна с вашим предложением насчет воздушных судов. Я считаю, что нужно послать… четыре корабля. Вы согласны с этим числом?

Кассилл чуть поклонился, выражая иронию.

— Согласен, Ваше Величество.

Дасина одарила его легкой улыбкой, показывая, что уловила насмешку, и обратилась к Бартану Драмме:

— Будут ли у нас какие-нибудь затруднения с транспортировкой воздушных судов на борту небесных кораблей?

— Никаких, Ваше Величество, — ответил Бартан, поднимаясь. — Мы можем приспособить маленькие гондолы воздушных кораблей под небесные баллоны — за один переход ничего опасного не случится. По прибытии на Мир надо будет просто отсоединить баллоны и заменить их обычными газовыми шарами.

— Замечательно! Что я ценю в моих советниках, так это практический склад ума. — Дасина

многозначительно взглянула в сторону Кассилла. — Еще один вопрос, милорд, сколько небесных кораблей будет готово к перелету, скажем, через пятьдесят дней?

Прежде чем Кассилл ответил, Бартан кашлянул и сказал:

— Простите, что прерываю вас, Ваше Величество, но я должен доложить о… о новом открытии… Мне кажется, о нем необходимо упомянуть в данной ситуации.

— Оно имеет какое-нибудь отношение к обсуждению?

Бартан бросил на Кассилла обеспокоенный взгляд.

— Скорее всего да, Ваше Величество.

— В таком случае, — нетерпеливо приказала Дасина, — говорите, но только побыстрее.

— Ваше Величество, я… В нашей солнечной системе обнаружена еще одна планета.

— Еще одна планета? — нахмурилась Дасина. — Господин Драмме, что вы болтаете? Откуда могла взяться новая планета?

— Я собственными глазами наблюдал ее, Ваше Величество. Голубой мир… четвертая планета в нашей системе… — Обычно многословный и велеречивый Бартан запинался и лепетал, как

младенец. В таком состоянии Кассилл его ни разу не видел.

— Большая планета?

— Этого нельзя сказать, не определив, на каком расстоянии от нас она находится.

— Что ж, — вздохнула Дасина. — И на каком же расстоянии от нас находится этот ваш новорожденный мирок?

— Мы не можем рассчитать этого, пока не… — начал было несчастный Бартан.

— Пока не узнаем его истинных размеров, — закончила за него королева. — Господин Драмме! Мы все в неоценимом долгу перед вами за этот небольшой экскурс в замечательно точную науку астрономию, но я бы на вашем месте сначала произвела все необходимые расчеты. Я ясно выразилась?

— Да, Ваше Величество, — промямлил Бартан, бессильно опускаясь на скамью.

— А теперь… — Дасина внезапно передернулась, поплотнее закуталась в свои одеяния и осмотрела залу. — Вот уж неудивительно, что мы здесь замерзаем до смерти! Кто открыл окно? Немедленно закрыть, пока все мы не превратились в сосульки.

Лорд Сектар, молча пожевав губами, поднялся

и закрыл окно. Спина его вышитого камзола насквозь пропиталась потом; возвращаясь на место, он с нарочитой усталостью вытер лоб.

— Вы плохо выглядите, — заметила Дасина. — Вам следует обратиться к врачу.

Она вновь повернулась к Кассиллу и повторила вопрос о точной цифре небесных кораблей, которые могут быть готовы через пятьдесят дней.

— Двадцать, — моментально ответил Кассилл, решив, что, поскольку королева пребывает в дурном настроении, лучше дать оптимистический прогноз.

Возглавляя Департамент Обеспечения Небесной Службы, он легко мог судить о состоянии материальной части и количестве кораблей — кое-какие суда специально для межпланетного перелета будут переделаны, другие можно привлечь со стороны. После того как обнаружилось, что Дальний Мир обитаем, в зону невесомости, расположенную как раз между двумя планетами-сестрами, вывели сразу несколько оборонительных станций. В течение ряда лет на этих деревянных громадинах жили и работали люди, но вскоре страх перед угрозой извне отступил, и команды вернулись на Верхний Мир. Лишь время от времени станции и закрепленные за

ними группы истребителей поднимались в зону невесомости для обычного патрулирования. Расписание полетов было свободным, поэтому Кассилл счел, что примерно половину судов из Небесной Службы спокойно можно привлечь к экспедиции.

— Двадцать судов, — слегка разочарованно повторила Дасина. — Что ж, для начала вполне достаточно.

— Да, Ваше Величество, — тем более что мы планируем отнюдь не вторжение. Мало-помалу наладим постоянное движение между Миром и Верхним Миром. Сначала будут курсировать одно-два судна, постепенно их численность разрастется до…

— Оставьте пустые разговоры, лорд Кассилл, — перебила его королева. — Вы опять выступаете за планомерный подход, и опять я повторяю вам, что у меня нет на это времени. Возвращение на Мир должно превратиться в настоящие шествие, мощное и триумфальное… чтобы последующие поколения отнеслись к нему именно с этой точки зрения… Может быть, вы поймете мои чувства, когда узнаете, что полчаса назад я дала одной из своих внучек — графине Вантаре — разрешение на участие в этом рейде. Она не раз демонстри-

ровала свой опыт в управлении воздушным кораблем и, несомненно, будет полезна в начальной стадии освоения планеты.

Кассилл покорно поклонился. Вслед за этим последовало бурное обсуждение дальнейших планов, за время которого — то есть в течение всего лишь часа — должно было решиться будущее двух миров.

Вынырнув из пышущей жаром атмосферы дворца, Кассилл увидел, что домой можно не торопиться. Взгляд на небо подсказал ему, что солнце скроется за восточным горизонтом минут через тридцать и у него еще остается время для небольшой прогулки по усаженным деревьями аллеям городского административного центра. Глоток свежего воздуха пойдет только на пользу, ведь оставшуюся часть дня придется провести в вечно неотложных делах.

Так и порешив, он отпустил карету, прошелся по мосту магистра Гло и, выйдя на берег реки, свернул на запад. Впереди показались первые правительственные постройки. Улицы кипели и бурлили в деловой суете, которая обычно предшествовала обеду: наступала малая ночь, а с ней приближалось время краткого отдыха от дневных забот. Городу минуло вот уже полвека, и на

глазах Кассилла он превратился в повзрослевшую и остепенившуюся столицу; Маракайн-старший всю жизнь провел среди этих зданий. Он подумал о заманчивой перспективе путешествия на Мир, где можно будет познакомиться с плодами тысячелетнего развития цивилизации. Королева ничего подобного не говорила, но Кассилл подозревал, что глубоко в сердце она лелеет мечту вернуться на родную планету и закончить свои дни там. Кассилл понимал ее желание, но для него домом стал Верхний Мир, и ему не хотелось покидать эту планету, тем более что еще столько всего предстояло сделать. Впрочем, вполне вероятно, что у него просто не хватит мужества на столь рискованный и опасный перелет.

Он приближался к площади Нелдивер, где размещались управления всех четырех департаментов вооруженных сил, когда завидел знакомую светлую шевелюру, колышущуюся над толпой встречных пешеходов. Сын не появлялся дома вот уже много дней, и Кассилла охватило чувство любви и гордости, когда — словно со стороны — он увидел эти чистые, светлые глаза, великолепное тело и небрежную уверенность, с которой молодой человек носил голубой мундир капитана Небесной Службы.

— Толлер! — окликнул он, проталкиваясь поближе.

— Отец!

На лице Толлера застыло отстраненное и суровое выражение, словно его обуревали какие-то тяжкие сомнения, но, узнав отца, юноша весь засветился от радости. Он протянул руки, и двое мужчин обнялись, превратившись в островок, обтекаемый бурной стремниной пешеходов.

— Вот уж поистине счастливое совпадение, — сказал Кассилл, отстраняясь. — Ты не домой направляешься?

Толлер кивнул.

— Ты извини, что я еще вчера не вернулся, но было уже поздно, да и пока я поставил на якорь судно… а потом возникли другие проблемы…

— Что-нибудь серьезное?

— Ничего такого, что могло бы омрачить столь солнечный день, — с улыбкой помотал головой Толлер. — Давай поспешим домой. Мне кажется, я уже целую вечность провел на военном пайке, и жду не дождусь знаменитого мамочкиного обеда, подаваемого на стол в сумерках малой ночи.

— По тебе не скажешь, что армейская диета так уж скудна.

— Зато ты как раздобрел на домашних хар-

чах, — съязвил Толлер, ущипнув Кассилла за жировую складку на животе.

Вместе они повернули к дому. По пути мужчины обменивались ничего не значащими фразами и беседовали о семье, привыкая друг к другу после долгой разлуки. Они уже подходили к Квадратному Дому, названному так в честь резиденции Маракайнов в древнем Ро-Атабри, когда разговор обратился к более серьезным темам.

— Я только что из дворца, — поведал Кассилл. — Есть кое-какие новости, которые могут тебя заинтересовать, — мы посылаем двадцать кораблей на Мир, целую флотилию.

— Да, мы вступаем в удивительную эру — две планеты, но единый народ.

Кассилл взглянул на плечо сына, где красовалась шафранно-голубая эмблема, подтверждающая, что пилоту присвоено право водить как воздушные, так и небесные корабли.

— Там и для тебя найдется работенка.

— Для меня? — довольно равнодушно усмехнулся Толлер. — Нет уж, отец, спасибо. Честно говоря, я с удовольствием как-нибудь побываю там, но сейчас эта планета — один огромный склеп, а я вовсе не горю желанием ворочать груды скелетов.

— Но само путешествие! Приключения! Я, признаться, думал, ты будешь в восторге.

— У меня и на Верхнем Мире дел хватает, — ответил Толлер, и на мгновение его лицо омрачила та горестная гримаса, которую Кассилл подметил еще несколько минут назад.

— Тебя что-то беспокоит, — сказал старший Маракайн. — Предпочитаешь держать это при себе?

— А у меня есть такая возможность? — Нет.

Толлер в шутливом отчаянии пожал плечами:

— Так я и думал. Ты, разумеется, знаешь, что гонца с Мира подобрал я, и никто иной. Однако в самый последний момент на сцене вдруг появился еще один корабль — причем без всяких на то полномочий — и попытался утащить приз прямо у меня из-под носа. Естественно, я не мог позволить такому случиться…

— Само собой!

— В общем, мы столкнулись. Так как мое судно ничуть не пострадало, я решил не делать официальную запись в бортовом журнале — а ведь виноват в этом был тот, другой командир. И вдруг сегодня утром я узнаю, что на меня подан рапорт по обвинению в неподобающем поведении в воздухе. Завтра я встречаюсь с коммодором Трессом.

— Зря ты так волнуешься, — успокоил его Кассилл, с облегчением выяснив, что ничего серьезного не случилось. — Вечерним днем я встречусь с Трессом и открою ему истинный ход событий.

— Спасибо, конечно, но, думаю, я должен сам разобраться с этим. Видимо, все-таки стоило прикрыть фланги и занести происшедшее в бортовой журнал, но у меня и так достаточно свидетелей, чтобы доказать свою правоту. На самом-то деле ничего особенного. Так, укус блохи…

— Однако ты до сих пор чешешься!

— Меня предали, мне нагло наврали, — неожиданно взорвался Толлер. — Отец, я поверил этой женщине. Доверился ей, и вот чем она мне отплатила.

— Ага! — Кассилл, начав постигать суть услышанного, едва сдержал улыбку. — Ты не сказал, что в роли беспринципного командира выступала женщина.

— Неужели? — изумился Толлер уже вполне обычным голосом. — Это, конечно, к делу не относится, но так уж случилось, что эта женщина приходится внучкой королеве. Ее зовут графиня Вантара.

— Видимо, она очень хороша собой.

— Ну, некоторым мужчинам она… На что ты намекаешь, отец?

— Да так, мысли вслух. Мне просто любопытно, ведь за последнюю пару часов я уже второй раз слышу ее имя.

Краем глаза Кассилл поймал удивленный взгляд Толлера, но, будучи не в состоянии удержаться и немного не помучить сына, решил ничего больше не говорить. Воцарилось молчание. Кассилл приложил ко лбу руку козырьком, внимательно разглядывая скопление птерты, следующей вдоль реки. Почти невидимые сферы колебались и подпрыгивали над самой поверхностью воды, гонимые легким бризом.

— Да, вот уж действительно совпадение, — наконец не выдержал Толлер. — И что же ты о ней слышал?

— О ком?

— О Вантаре. Кто упоминал ее имя?

— Не кто иной, как сама королева, — ответил Кассилл, пристально посмотрев на сына. — Оказывается, Вантара вызвалась добровольцем во флот, который мы отправляем на Мир. И королева, дабы продемонстрировать свою заинтересованность в предприятии, дала девушке искреннее благословение.

Толлер снова замолк. Через пару минут он заметил:

— Вантара водит воздушные корабли — что она будет делать на Старой планете?

— О, я думаю, работы ей хватит. Мы посылаем туда четыре воздушных корабля, которые должны будут облететь вокруг планеты и доказать, что против власти королевы Дасины никто возражать не станет. По-моему, предстоит посетить немало занимательных мест, но, конечно, и сполна испытать все прелести военной жизни — а ты, похоже, уже по горло сыт сухим пайком.

— Плевать я хотел на сухой паек, — воскликнул Толлер. — Я лечу!

— На Мир? Но минуту назад…

Толлер схватил Кассилла за рукав и развернул к себе лицом.

— Отец, прошу тебя, хватит этих игр! Я хочу вести корабль на Мир. Ты ведь поможешь мне, проследишь, чтобы мое прошение было удовлетворено, да?

— Ну, не думаю, что могу оказаться тебе чем-нибудь полезен… — начал было Кассилл, внезапно ощутив беспокойство. У него перед глазами встала картина, как его единственный сын — который, несмотря на всю напускную му-

жественность, был еще совсем мальчишкой — преодолевает тонкую перемычку воздуха, соединяющую два мира.

— О, не скромничай, отец, — расплылся в широкой улыбке Толлер. — Ты состоишь в стольких комитетах, советах, трибуналах и комиссиях, что в некотором роде правишь всем Колкорроном. А теперь пообещай мне, что я полечу на Мир.

— Ладно, ты полетишь на Мир, — уступил Кассилл.

* * *

Тем же вечером, ожидая Бартана Драмме, Кассилл понял, почему он так не хотел отпускать Толлера в путешествие на Старую планету. Их с сыном всегда связывали дружеские и очень гармоничные отношения, но нельзя было забывать и тот факт, что на мальчика сильно повлияли истории и легенды, окружающие имя его славного деда. Помимо потрясающего внешнего сходства, Толлер имел с дедом много общих черт — нетерпеливость, мужество, склонность к идеализму и, кроме всего прочего, вспыльчивый характер, однако Кассилл считал, что сходство это не столь велико, как возомнил юный Толлер. Его дед был гораздо жестче; если возникала необходимость, он разил без пощады, и внутри него жила черст-

вость, из-за которой он скорее бы пожертвовал человеческими жизнями, нежели пошел на компромисс.

Но все меняется, и колкорронское общество стало куда мягче и безопаснее, чем несколько десятилетий назад. В нынешние времена мир предлагал юному Толлеру значительно меньше возможностей угодить в ситуацию, в которой — пытаясь жить по навязанным самому себе стандартам — он будет рисковать жизнью. Однако сейчас, когда он решил отправиться в путешествие на Старую планету, шансы на это резко возрастали, и Кассиллу даже казалось, что призрак давно погибшего Толлера-старшего, пробужденный ароматом опасной авантюры, витает где-то поблизости, готовясь распространить свою власть на легкоуязвимого юношу. Вспомнив об отце, Кассилл Маракайн искренне пожелал, чтобы его неугомонный дух навсегда оставался в могиле и в далеком прошлом…

Услышав, как Бартан Драмме шумно приветствует впустившего его слугу, Кассилл поднялся с кресла и по широкой лестнице спустился навстречу другу, который тащил под мышкой деревянный телескоп и треногу. Слуга предложил было помощь, но Кассилл сказал, что они

управятся сами, и отпустил дворецкого. Они с Бартаном установили тяжелый прибор на балконе, с которого открывался отличный вид на западный горизонт. Света, отражаемого Миром, вполне хватило бы, чтобы читать, но тем не менее купол неба весь был усеян бесчисленными яркими звездами и тысячами спиралей всяческих форм и размеров, начиная от округлых водоворотов и заканчивая узенькими, вытянутыми овалами. Той ночью были видны по меньшей мере шесть крупных комет, разбрасывающих свои сияющие щупальца по небесному покрову; от звезды к звезде пронзительными штрихами метались метеоры.

— Знаешь, ты очень удивил меня сегодня, — заметил Кассилл. — Ты единственный из всех моих знакомых, кто способен выступать одинаково великолепно и убедительно перед любой аудиторией и в любых обстоятельствах, но перед королевой у тебя был такой смущенный вид. Что случилось?

— Признаю свою вину, — оторвавшись от настройки телескопа, кивнул Бартан.

— Вину?!

— Ну да. Все дело в этой проклятой четвертой планете, Кассилл. Все мои инстинкты просто

вопят, что ничего хорошего ее появление нам не предвещает. Она не должна быть там! Ее присутствие полностью противоречит всем известным законам природы, и это дурное знамение, а мне никто не верит — даже ты твердишь, что нет никаких поводов для тревоги. Я чувствую себя так, будто предал свою королеву и всю страну, и мне не хватает слов убедить вас. Просто руки опускаются.

В ответ на эту взволнованную речь Кассилл лишь ободряюще усмехнулся.

— Ну-ка, — сказал он, — дай я полюбуюсь на это «знамение», которое так тебя взволновало. Вещь, способная укоротить знаменитый язык Драмме, сама по себе стоит внимательнейшего изучения.

Он все еще пребывал в радужном настроении, когда Бартан в конце концов настроил телескоп, отступил в сторону и предложил приятелю взглянуть в окуляр. Первое, что увидел Кассилл, был расплывчатый, мерцающий бриллиантово-голубым цветом диск, напоминающий пузырь из переливающегося газа, однако легкий поворот верньера мигом изменил картину.

Внезапно его взору открылась целая планета, плавающая в черно-синих глубинах вселенной, — на полюсах ее виднелись снежные шапки,

а по бокам проступали океаны и какие-то континенты, отчасти затянутые причудливыми завихрениями облачных масс.

Она не имела никакого права на существование, но все же крутилась прямо перед его глазами, и в миг первого столкновения с неизвестным миром Кассилл думал только об одном — хотя сам не мог понять почему: об опасности, угрожающей его сыну.

Глава 3

Измеритель высоты представлял собой вертикальную шкалу, с верхушки которой на маленькой аккуратненькой пружинке свисал небольшой грузик. Как только судно устремлялось в небо и сила тяжести падала, грузик поднимался выше по шкале. Принцип действия прибора был настолько прост и эффективен, что за целых пятьдесят лет никто ничего нового предложить не смог, и лишь пружина которую ранее заменяла тонкая, как волосок, стружка бракки, теперь изготовлялась из высококачественной стали. За последние десятилетия металлургическая промышленность Колкоррона шагнула далеко вперед, и гарантированная степень жест-

кости стальных пружин позволяла с легкостью регулировать высотомер.

Толлер внимательно изучил инструмент, убедился, что прибор показывает нулевую гравитацию, вынырнул из каюты и подплыл к поручням мостика. Флот достиг зоны невесомости к середине дня, а это означало, что солнечные лучи падали сбоку, параллельно палубе. С одной стороны вселенная сохраняла обычный темно-голубой цвет, обильно усеянный серебром звезд и спиралей, но с другого борта располагался настолько мощный источник света, что на него практически невозможно было смотреть. Под ногами Толлера огромный диск Верхнего Мира делился ровно на две половинки — ночную и дневную, причем последняя максимально усиливала омывающее корабли сияние; сверху, полускрытая газовым баллоном, кружилась Старая планета, также стараясь добавить яркости окружающему пространству.

Прямо напротив Толлера, залитые ослепительными лучами солнца, плыли еще три баллона, снабженные вместо легчайшей коробки, которая обычно использовалась на небесных кораблях, воздушными гондолами. Плавные очертания гондол были слегка нарушены двигателем вер-

тикального подъема, выхлопной конус которого торчал прямо под килем. Чуть ниже, разделенные группками по четыре, на фоне мерцающего великолепия Верхнего Мира поднимались еще шестнадцать кораблей, составляющих основную часть флотилии. Сверху их баллоны казались идеально круглыми — словно маленькие планетки, меридианами которых выступали линии швов. Рев реактивных выхлопов наполнял небо, периодически достигая оглушительного уровня, когда несколько судов одновременно выбрасывали клубы газа.

Толлер приставил к глазам бинокль, пытаясь отыскать станции воздушной обороны, но это оказалось нелегко. На планеты или солнце ориентироваться было бесполезно, и проблема заключалась в том, что он понятия не имел, в какую сторону лучше всего смотреть. Высотомер обладал погрешностью в дюжины миль, а конвекционные потоки, благодаря которым воздух межпланетной перемычки был столь холоден, зачастую создавали еще и боковые смещения. Огромные по человеческим меркам станции в ледяной безбрежности центрального пояса превращались в крохотные точки.

— Что-нибудь потеряли, юный Маракайн? —

Голос принадлежал королевскому эмиссару Траю Кетторану, возглавлявшему экспедицию. Плохо перенося невесомость, посланник предпочел лететь на одном из усовершенствованных судов, надеясь, что уют закрытой каюты поможет ему справиться с приступами хвори. Его ожидания не оправдались, но, несмотря на почтенный возраст, он стойко сопротивлялся недомоганию. Совсем недавно Траю Кетторану исполнился семьдесят один год — он был одним из старейших членов экспедиции. Назначенный королевой Дасиной на ответственную должность, он хорошо помнил прежнюю столицу Колкоррона Ро-Атабри и, следовательно, обладал достаточными знаниями, чтобы точно оценить состояние города.

— Я имею приказ проверить Группу Внутренней Обороны, — ответил Толлер. — Небесная Служба пожертвовала этой экспедиции целых двадцать судов, и в результате нам придется пропустить проверку, проводимую раз в пятьдесят дней. Однако на случай, если я увижу, что произошло нечто крайне серьезное, мне были даны полномочия забрать один из кораблей экспедиции и решить проблему, сколько бы времени это ни заняло.

— Тяжкое бремя для юного капитана, — посо-

чувствовал Кетторан, и его вытянутое бледное лицо слегка оживилось. — Но даже располагая таким замечательным биноклем — неужели осмотр с расстояния нескольких миль может дать какой-нибудь результат?

— Я должен провести лишь поверхностную оценку положения, — сознался Толлер. — По правде говоря, на сегодняшний день внешнего осмотра станций вполне хватает. Если одна из них вдруг начнет дрейфовать к Верхнему Миру или Миру, я должен просто вернуть ее на прежнее место.

— Но раз одна начнет падать, разве остальные не последуют за ней?

Толлер отрицательно покачал головой:

— Инерция здесь абсолютно ни при чем. На станциях содержатся химические вещества — пикон, халвелл, огненная соль и так далее, — поэтому малейшее изменение условий хранения может привести к выделению газов, которые обязательно отыщут какую-нибудь щелку в корпусе и проникнут наружу. Подобная тяга легка, как девичье дыхание, но если утечка будет продолжаться достаточно длительный период времени — прибавьте к этому постоянно увеличивающуюся силу притяжения, — мы получим настоящего

неуправляемого левиафана, стремящегося разбиться вдребезги о тот или другой мир. Небесная Служба старается не доводить дело до подобной катастрофы, а принимать меры заранее.

— У вас неплохо подвешен язык, юный Маракайн, — отметил Кетторан, пуская сквозь шарф, охраняющий лицо от лютой стужи зоны невесомости, облачка белого пара. — Вы никогда не задумывались о дипломатической карьере?

— Нет, но, если я не обнаружу эти проклятые колбасные шкурки из древесины, чувствую, придется задуматься.

— Я с удовольствием помогу вам — сейчас я готов заняться чем угодно, лишь бы забыть о собственном желудке, так и рвущемся наружу. — Кетторан потер слезящиеся глаза перчаткой и принялся изучать небо. Не прошло и нескольких секунд, как он — к огромному удивлению Толлера — довольно хмыкнул.

— Не это ли мы ищем? — Он указал прямо на восток, чуть левее трех следующих параллельным курсом кораблей. — Вон та ниточка пурпурных огоньков…

— Пурпурных огоньков? Где? — Толлер отчаянно пытался рассмотреть что-либо необычное в указанной части небосвода.

— Вон! Да вон же! Неужели вы не… — Кетторан разочарованно вздохнул. — Ну вот, опоздали, они уже исчезли.

— Сэр, на станциях нет никаких огоньков — ни пурпурных, ни каких-либо еще, — чуть насмешливо, чуть раздраженно фыркнул Толлер. — На них установлены отражатели. Если посмотреть под определенным углом, они загорятся белым сиянием. Наверное, это был метеор.

— Что я, метеора никогда не видел? Так что не пытайтесь… — Кетторан снова запнулся и ткнул пальцем теперь уже в другую часть неба. — Вот она, ваша драгоценная Группа Обороны. Только не говорите мне, что я опять ошибаюсь, ведь я отчетливо вижу вереницу белых искорок. Ну что, прав я? Прав?

— Вы абсолютно правы, — подтвердил Толлер, нацеливая бинокль на станции и дивясь про себя везению пожилого человека, который сразу умудрился направить свой взгляд в нужном направлении. — Прекрасная работа, сэр!

— Вот именно, тоже мне пилот называется! Не будь мой желудок столь своенравным, я б… — Кетторан яростно чихнул, вернулся в каюту и прикрыл за собой дверь.

Толлер улыбнулся, услышав целую серию

«апчхи!», перемежаемую приглушенными проклятиями. За первые пять дней полета к зоне невесомости он успел привыкнуть к старику и даже полюбил его за постоянное насмешливое ворчание. Он искренне уважал ту стойкость, с которой посланник сносил все трудности перелета. Большинство людей его возраста изобрели бы миллион причин, лишь бы переложить ответственность на соседа, но Кетторан охотно подчинился приказу королевы и был твердо намерен исполнить свой долг. Это задание стало еще одним в многолетней, длиной в целую жизнь, веренице обязанностей, возлагаемых на него сувереном.

Толлер вновь пригляделся к станциям обороны и с облегчением отметил, что все они выстроены в идеально прямую цепочку. Только-только получив звание пилота небесного корабля, он с радостью участвовал в рейдах к станциям. Вступая поначалу в темный, вызывающий чувство клаустрофобии корпус, Толлер не раз ощущал, как его обволакивает почти мистическая атмосфера, пробуждающая к жизни дух дедушки и его героической эпохи, однако очень скоро он понял бесполезность самого существования так называемой Группы Внутренней Обороны. Раз никакой

угрозы со стороны дальнемирцев не существует, стало быть, и станции не нужны; а если же загадочные завоеватели все же решат напасть, то против их технического превосходства станции все равно не выстоят. Эти деревянные оболочки были только видимостью защиты, возведенной для успокоения уже стареющего короля Чаккела; для Толлера их принципиальная важность состояла в том, что, следя за ними, Небесная Служба напоминала людям о возможности путешествий в космосе.

Убедившись, что отклоняться от вертикального курса не потребуется, он опустил бинокль и задумчиво посмотрел в сторону остальных трех кораблей, составляющих его группу. Одним из них командовала Вантара. С того самого момента, как он узнал, что графиня примет участие в экспедиции, он никак не мог решить, какой подход лучше использовать в дальнейших отношениях с ней. Может быть, увидев его равнодушие и молчаливое осуждение, девушка извинится и они помирятся? Или, наоборот, стоит притвориться бодрым и жизнерадостным, отнестись к ее рапорту как к заурядной стычке, которая неизбежно происходит при встрече двух независимых характеров?

Тот факт, что он, пострадавший, раздумывает о будущем примирении, слегка беспокоил Толлера, тем более что в конце концов все его планы так и не пригодились. Во время приготовлений к перелету Вантара предпочитала держаться на расстоянии, причем проделывала это с таким изяществом, что Толлера не утешала даже мысль о том, что, раз его избегают, значит, к нему неравнодушны.

Часом позже флот миновал точку абсолютной невесомости, вереница станций бесследно затерялась в небесных просторах, а притяжение Мира начало оказывать заметное воздействие на скорость кораблей. С помощью мигалки генерал Оуд, главнокомандующий флотом, известил всех пилотов о начале маневра переворота.

Радуясь возможности немножко отвлечься от воздушной рутины, Толлер ухватился за страховочный трос и спустился с мостика на палубу, где у пульта управления нес вахту лейтенант Корревальт. Корревальт, будучи еще совсем новичком, облегченно вздохнул, увидев, что ему не придется выполнять сложный маневр самому. Он сдал вахту и отплыл немножко в сторону, наблюдая за Толлером, который с готовностью взялся за эту весьма нелегкую задачу. Четыре гибкие под-

порки-трубки соединяли гондолу с баллоном, что помогало всей конструкции двигаться синхронно, когда в действие вступали судовые машины. Несмотря на то что сам по себе баллон был очень легким — тоненькая оболочка из покрытой лаком парусины, — газ, содержащийся внутри него, весил многие тонны, а следовательно, обладал громадной инерцией, поэтому при смене курса нагревать его следовало с большой осторожностью. Пилот, слишком решительно взявшийся за управление боковыми двигателями, вскоре обнаружит, что одна из труб-подпорок вдруг прошила баллон. В условии невесомости подобное повреждение ничем серьезным не грозит, но справиться с ним нелегко, и починка корабля, как правило, отнимает много времени — так что провинившийся не раз успеет пожалеть о своей ошибке.

Прошла, казалось, целая вечность после того, как Толлер запустил один из крошечных перекрестных двигателей — сначала его тяга вроде бы не оказывала на судно никакого воздействия, но вдруг огромный диск Верхнего Мира медленно начал двигаться вверх. Вскоре он завис над поручнями корабля, представ перед командой во всем своем великолепии. Старая планета тем

временем вынырнула из-за баллона и начала опускаться вниз. В этот момент, просто крутя головой из стороны в сторону, Толлер мог любоваться сразу двумя планетами, открытыми для обозрения, — в небе плыли миры-близнецы, арены, на которых человечество сражалось и погибало ради прогресса и поступательного хода истории.

На фоне планет, освещенные их же лучами, повисли и остальные корабли флота. Каждый из них находился в своей стадии переворота — каждый пилот предпочитал осуществлять этот маневр по-своему, и арки белого пара, вырывающиеся из боковых двигателей, служили как бы продолжением обширных облачных массивов, сгустившихся тысячами миль ниже. А вокруг царила застывшая в ослепительном сиянии вселенная — круги, спирали и всяческие течения, лучащиеся серебром, россыпи бриллиантовых звезд, мерцающих голубым и белесым, молчаливые бродяги-кометы и стремительные стрелы метеоров.

Это зрелище вызвало у Толлера чувство благоговейного страха и восторга одновременно. Он гордился мужеством людей, осмелившихся совершить межпланетный перелет в хрупких

сооружениях из ткани и дерева, и вместе с тем понимал, что, несмотря на все свои амбиции и мечты, люди — всего лишь микробы, перебирающиеся с одной песчинки на другую.

В этих чувствах он бы никогда и никому не признался, но, когда маневр переворота закончился и корабль начал погружаться в древнюю колыбель человечества, он испытал огромное облегчение. Теперь с каждым часом воздух будет становиться все плотнее и теплее, вбирая в себя жизнь, с бездельем будет покончено, и Толлер снова сможет приступить к выполнению обычных обязанностей.

— Вот как это делается, — сказал он, возвращая вахту Корревальту. — Прикажите механикам разогревать машины и напомните им проверить систему отопления.

Толлер упомянул отопление потому, что, хоть воздушная среда и начнет постепенно уплотняться, направление атмосферных потоков над кораблем изменится. Большая часть тепла, выделяемого баллоном, будет уходить в небесную высь, вместо того чтобы окутывать гондолу невидимым облаком и защищать пассажиров от смертельного холода.

Чтобы перейти на обычный воздушный дрейф,

следовало остановить двигатель и переключиться с режима тяги на режим производства горячего газа. Толлер воспользовался перерывом и зашел в носовую каюту — наспех утолить голод. Никто и никогда не пытался объяснить ошеломляющее чувство постоянного падения, которое человек испытывал при прохождении зоны невесомости. Потеря веса плохо отражалась на аппетите Толлера — довольно долгое время после полетов он вынужден был потреблять пищу через силу, игнорируя все протесты желудка. Разнообразие провизии, содержащейся в пищевых авоськах, вряд ли радовало глаз — полоски вяленого мяса и рыбы, печеная сдоба и сушеные ягоды и фрукты. Толлер обследовал небогатый выбор продуктов, остановился на куске пирога и без всякого энтузиазма принялся жевать.

— Не отчаивайтесь, юный Маракайн! — Кетторан, оккупировавший кресло у капитанского столика, был само дружелюбие. — Скоро мы прибудем в Ро-Атабри, а там я вас проведу по лучшим заведениям двух планет. Правда, предупреждаю, наверняка от них остались одни руины, но тем не менее я все равно устрою вам эту небольшую экскурсию. — Кетторан подмигнул своему секретарю Парло Вотурбу, сидящему напротив, и

оба старика весело пожали плечами, разом став похожими друг на друга, словно братья.

Все еще пережевывая пирог, Толлер хмуро кивнул, признавая шутку. Кетторан и Вотурб были ровесниками его деда. Они даже хорошо его знали — чему Толлер не мог не завидовать — и оба дожили до весьма преклонного возраста, сохранив и бодрость, и здоровье. Толлер же сильно сомневался, что в семьдесят лет сможет похвастаться подобной силой духа и жизнерадостностью. Ему всегда казалось, что мужчины и женщины, пережившие великие события недавней истории — птертовую чуму, Переселение, покорение Верхнего Мира, войну между планетами-сестрами, — приобрели какие-то особые качества. Их характеры были выкованы в горниле тех времен, тогда как он обречен прозябать в период затишья. Ему никогда не придется испытать себя — и вместе с тем завоевать бессмертную славу — в действительно суровой передряге. Как ни пытался, Толлер не мог себе представить, что заурядные и вялотекущие нынешние дни способны одарить человечество приключениями, сравнимыми с теми, в которых участвовал легендарный Толлер Убийца Королей. Даже путешествие между мирами, когда-то слывшее наиопаснейшей аван-

тюрой, превратилось в заурядную прогулку…

Внезапно комнату озарила яркая вспышка, ворвавшаяся через иллюминаторы левого борта. Противоположная стена каюты залилась багровым светом, с палубы послышался чей-то испуганный вопль.

— Что это было? — Борясь с невесомостью, Толлер начал неловко разворачиваться к двери, как вдруг раздался чудовищный грохот, увенчавшийся ужасным ударом грома, от которого заложило уши. Каюта вздрогнула, и утварь, закрепленная на стенах, шумно задребезжала.

Эхо от удара все еще катилось по судну, когда Толлер наконец добрался до двери, открыл ее и вылетел из кабины. Яростные воздушные потоки швыряли судно из стороны в сторону, снасти скрипели и стонали. Лейтенант Корревальт и механики цеплялись за страховочный линь, обратив потрясенные взоры на северо-запад. Толлер повернулся в том же направлении и увидел бурлящий, яростно сверкающий шар, быстро исчезающий в черном небытии. И вновь небо обрело мир и покой, вокруг воцарилась полная тишина, нарушаемая лишь редкими, далекими криками людей с соседних кораблей.

— Это был метеор? — крикнул Толлер, сам по-

нимая глупость и ненужность своего вопроса.

— И громадный, сэр, — кивнул Корревальт. — Прошел от нас на расстоянии мили, может, чуть больше. На какую-то секунду я даже попрощался с жизнью. Не хотелось бы мне снова побывать в подобной передряге.

— Скорее всего больше такой возможности не представится, — утешил его Толлер. — Пусть авиамеханики осмотрят оболочку и особенно внимательно проверят подпорки. Как зовут вон того паренька?

— Гетчерт, сэр.

— Замечательно, можете обрадовать Гетчерта — передайте ему, что пришло его время отработать свой кусок хлеба на корабле.

Корревальт направился на корму, где собралась команда, а Толлер ухватился за поперечный линь и подтянулся к поручням. Теперь, когда маневр переворота завершился, с мостика были видны только корабли его группы плюс качающиеся внизу баллоны четырех ведущих судов, но вроде бы никто из флотилии не пострадал. Толлер не раз поднимался в зону невесомости и поэтому частенько задумывался, что будет, если метеор все-таки врежется в корабль. В такие минуты он находил некоторое утешение в размышлениях

о незначительности человека на фоне космических событий. Творения рук человеческих были настолько малы, а вселенная — столь велика, что сама мысль о попадании одной из носящихся по космосу пуль в человеческую мишень казалась абсурдной.

Вся ирония случившегося заключалась в том, что всего несколько минут назад он жаловался про себя на тоску и безделье межпланетного перелета, и вот вселенная как бы ответила ему. Однако не с такими опасностями желал столкнуться Толлер, он жаждал встречи с противником, с которым можно помериться силами и которого есть шанс победить. Вряд ли можно назвать великой победой то, что они случайно увернулись от слепого орудия природы, обычного куска скалы, ворвавшегося в пространство меж двух планет из…

Толлер поднял голову и посмотрел на юго-восток, туда, откуда прилетел метеор. Внезапно взгляд его остановился на неверных очертаниях крошечного круглого облачка, состоящего из золотистых огненных пылинок. Облако быстро росло, и каждая его точка стремительно увеличивалась в размерах и набирала яркость. Он удивленно рассматривал явление, не припоми-

ная, чтобы подобное встречалось ему посреди сияющих сокровищ небес, и вдруг — словно настройка во внутреннем оптическом приборе сработала — к Толлеру вернулось чувство реальности и перспективы. И он понял, что это такое.

Он смотрел на метеоритный дождь, который был нацелен прямо на флот!

Стоило ему осмыслить происходящее, как ситуация резко изменилась, и события понеслись с невиданной быстротой. Рой метеоров звездообразно раскрылся, став похожим на какой-то огромный цветок. Приглядевшись повнимательнее, Толлер понял, что в поперечнике надвигающийся гигантский град составляет сотни и сотни миль. Словно окаменев, не способный произнести ни слова, он ухватился за поручни и молча наблюдал, как по вселенной расползается сверкающий веер, заслоняя собой даже звезды. Силы космоса неслись прямо на корабли.

«Мне ничего не грозит, — твердил себе Толлер. — Мне ничего не грозит просто потому, что я слишком мал, чтобы стать жертвой этих огненных монстров. Даже наши корабли перед ними все равно что пылинки…»

Но тут события приняли новый оборот. Положение дел снова изменилось. Обсидиановая

группа всадников из неведомых глубин космоса, отправившаяся в путь миллионы и миллионы лет назад, наконец встретила на своем пути более плотную среду, нежели вакуум вселенских просторов, и теперь метеориты разбивались вдребезги о воздушные стены, ограждающие планеты от незваных пришельцев.

Обитателям Мира и Верхнего Мира подобное столкновение ничем особенным не грозило, но с путешественниками, застигнутыми врасплох на тонкой воздушной грани между двумя мирами, дело обстояло иначе. Врезавшись в атмосферу, метеоры начали взрываться и, распадаясь на тысячи разлетающихся в стороны осколков, стали менее разборчивыми в выборе целей.

Яркие вспышки и сопровождающие их громовые раскаты заставили Толлера поморщиться. Рассыпающиеся в пыль метеоры заполнили собой весь небосвод и внезапно очутились у него за спиной. Он повернулся и увидел феномен с обратной стороны: огромный, брызжущий сиянием диск медленно уменьшался, скрываясь в безбрежной дали пространства, однако теперь он состоял не из отдельных точек, а превратился в почти идеальный круг бушующего пламени. Вырвавшись из разреженной атмосферы двух

планет, обезумевшие пули-метеоры быстро погасли и растаяли в безмолвной черноте. Флотилию окутала звенящая тишина.

«Неужели мы живы? — недоверчиво подумал Толлер. — Во имя…»

Откуда-то сверху послышался шум и панические возгласы. Потом раздался характерный взрыв вступивших в реакцию пикона и халвелла, и Толлер понял, что по крайней мере одному из кораблей повезло меньше, чем его собственному.

— Ложимся набок! — крикнул он лейтенанту Корревальту, застывшему у панели управления, а сам, вцепившись в поручень, перегнулся за борт, пытаясь заглянуть за плавный изгиб баллона. Корревальт начал ритмично выстреливать одним из боковых двигателей.

Через несколько секунд глазам Толлера предстало весьма странное и нелепое зрелище — в залитом солнцем воздухе, заслоняя огоньки дневных звезд, мимо него проплыл синерог. Взрыв, должно быть, вышвырнул животное из гондолы, на борту которой его перевозили. Синерог в страхе завывал и бил копытами, медленно, но верно падая на Мир.

Толлер повернулся к пострадавшему судну,

показавшемуся сверху. Его баллон резко уменьшился и превратился в бесформенную тряпку. Взрыв, произошедший в нижней части корабля, сорвал обшивку, и в воздухе теперь плавали люди, коробки с грузом, мотки веревки и обломки досок. То там, то здесь посреди всеобщего дрейфующего хаоса мелькали вспышки, раздавалось громкое шипение, и возникали небольшие белые облачка пара, свидетельствующие о том, что пикон и халвелл столкнулись друг с другом и тихо сгорели на фоне пастельного диска Верхнего Мира.

Члены команды остальных трех судов группы уже прыгали за борт, чтобы начать спасательные работы. Толлер внимательно осмотрел летающих в хаосе обломков людей и с облегчением отметил, что смертельных исходов на первый взгляд не наблюдается. Видимо, гондоле достался скользящий удар одного из метеоритных осколков и она завалилась набок, в результате чего в машинном отделении перемешались и вступили в реакцию зеленые и пурпурные энергетические кристаллы.

— На нас напали? Мы все погибнем? — послышался дрожащий голос посланника, и его вытянутое бледное лицо появилось в дверях

каюты.

Толлер хотел было объяснить, что произошло, но вдруг заметил какое-то движение у поручней корабля Вантары. Графиня подплывала к борту, а за ней — лейтенант, чью невысокую полную фигурку Толлер запомнил еще по первой злосчастной встрече. Даже на солидном расстоянии от одного вида графини у него захватило дух. Внимание Вантары и ее офицера было приковано к несчастному синерогу. К этому времени животное уже лишилось инерции, приданной взрывом, и зависло примерно посредине между кораблями Вантары и Толлера.

Однако Толлер прекрасно знал, что эта неподвижность не более чем иллюзия. И синерог, и корабли уже вошли в сферу притяжения Мира — по сути, они падали к поверхности планеты, расположенной тысячами миль ниже. Разница состояла лишь в том, что суда поддерживали наполненные нагретым воздухом баллоны, тогда как синерог пребывал в свободном падении. Вблизи зоны невесомости подобная разница в скоростях была очень незначительной, но тем не менее она присутствовала и в соответствии с законами физики постепенно увеличивалась. Если не будут приняты меры, синерог — весьма

ценное животное — обречен. Падение, которое каждый небесный пилот хоть раз, но переживал в ночных кошмарах, будет длиться несколько дней, пока зверь не врежется в землю.

Вантара и лейтенант, чье имя Толлер никак не мог припомнить, очевидно, что-то задумали, и только спустя несколько секунд Толлер понял, в чем состоит их замысел. Легко оттолкнувшись от поручней, они вылетели в небо, и он увидел у них за плечами летные ранцы. Далекими предками этих заряженных газом маглайна агрегатов были древние воздухоструи, изобретенные во времена межпланетной войны. Но даже сейчас, несмотря на все усовершенствования, управление ранцами требовало большого опыта.

Справедливость этого была немедленно доказана: Вантара не смогла справиться с тягой, которую необходимо направить строго вдоль оси тела, и медленно закувыркалась в воздухе — без помощи лейтенанта ей было бы нелегко выбраться из сложившейся ситуации. Толлер сразу понял, что две женщины, решившие спасти синерога,. подвергают себя настоящей опасности. Испуганный зверь лягался во все стороны копытами размером с плошку — одного такого удара хватило бы, чтобы вдребезги разнести человече-

ский череп.

— Мы были на волосок от смерти, — крикнул Толлер Кетторану, срывая летный ранец с ближайшей стойки. — Подробности можете узнать у Корревальта.

Одним прыжком он перескочил через поручни и, сжимая рюкзак в руках, вылетел в пронизанный солнечными лучами воздух. Справа и слева от него кружились разноцветные диски планет-близнецов, а пространство между ними заполняли ряды кораблей. В клубах дыма и пара суетились миниатюрные человеческие фигурки. Дневные звезды, туманности и яркие всполохи комет дополняли эффектную картину мироздания.

В дни учебы Толлер потратил немало времени, чтобы овладеть искусством управления стандартным летным ранцем, и теперь, свободно дрейфуя, ловко закрепил ранец на торсе. Взмахнув руками, он привел тело в нужное положение — одна точная вспышка двигателя доставила его прямиком к синерогу. Яростный холод области невесомости, усиленный полетом, острыми иглами впился в глаза и в губы.

Вантара и лейтенант были уже неподалеку от синерога, который все еще лаял и подвывал

от ужаса. Они подобрались поближе и начали разматывать прихваченную с собой веревку. Толлер, воспользовавшись задним двигателем, затормозил поблизости. Прошло немало времени с тех пор, как он находился рядом с Вантарой, и, несмотря на необычные обстоятельства встречи в невесомости, все его существо охватило настоящее пламя. Казалось, каждая клеточка его тела откликается на невидимую ауру, окружающую графиню. Ее овальное личико, частично закрытое капюшоном униформы, было таким же прекрасным, каким он его помнил: загадочным, женственным и потрясающе совершенным.

— Ну почему мы не можем встретиться в обычной обстановке, как все нормальные люди? — попытался завязать разговор Толлер.

Графиня окинула его кратким взглядом и, ни слова не сказав, повернулась к лейтенанту:

— Давай-ка свяжем задние ноги — так будет легче.

— Может быть, сначала успокоить его? — предложила лейтенант. — Слишком рискованно заходить сзади. Он испуган.

— Ерунда! — отрезала Вантара с самоуверенностью человека, который с детства пользовался семейными конюшнями.

Сделав на веревке большую петлю, она в парах маглайна направилась к синерогу. Толлер уже собирался предостеречь ее, когда животное, которое то и дело крутило головой из стороны в сторону, вдруг увидело, что творится за спиной, и резко ударило задними ногами. Громадное копыто скользнуло по бедру Вантары. К счастью, оно лишь вырвало кусок комбинезона, не причинив графине никакого вреда. От удара Вантара закрутилась на месте, но отвердевшая от холода веревка, все еще зажатая у нее в руках, быстро остановила вращение. Попади копыто в бедро, Вантара была бы серьезно искалечена, и понимание этого факта мигом отразилось у нее на лице — когда она наконец обрела равновесие, Толлеру бросилась в глаза ее смертельная бледность.

— Зачем ты дернула за веревку? — закричала она на лейтенанта, и голос ее звенел от гнева. — Из-за тебя я чуть не налетела на этого зверя! Я могла погибнуть!

Челюсть у девушки отвисла, она беспомощно посмотрела на Толлера, как бы призывая его в свидетели.

— Но, госпожа, я ничего такого не…

— Не спорьте со мной, лейтенант.

— Я же предупреждала, что сначала надо успо-

коить животное…

— Давайте не будем устраивать здесь следственную комиссию, — перебила Вантара, и дыхание, слетавшее с губ, образовало перед ее лицом клуб белого пара. — Если вы считаете себя таким экспертом в обращении с животными, попробуйте сами справиться с этим ошалевшим мешком костей. У вашего зверя дурная наследственность! — Она развернулась и полетела обратно в сторону своего судна. Толстушка молча проводила ее глазами, а затем повернулась к Толлеру с неожиданной улыбкой:

— Весь смысл в том, что если бы несчастное животное происходило из хорошего стада, оно бы сто раз подумало, прежде чем пинать члена королевской семьи.

Ее шутка показалась Толлеру несколько неуместной.

— Графиня едва избежала опасной раны.

— Графиня сама навлекает на свою голову всяческие неприятности, — ответила лейтенант. — Она просто хотела продемонстрировать прирожденную власть над животными, вот и решила в одиночку управиться с синерогом, вместо того чтобы предоставить это специалистам. Она искренне верит в эти аристократические сказки,

будто все мужчины благородных кровей еще в колыбели демонстрируют полководческие таланты, а женщины от природы тонко чувствуют искусство…

— Лейтенант! — Раздражение Толлера наконец вырвалось наружу. — Как вы смеете так отзываться о своем начальстве в моем присутствии! Вы что, не понимаете, что за подобные разговоры полагается наказание?!

Девушка изумленно распахнула глаза, и на лице ее отразилось разочарование и покорность.

— Неужели и вы тоже?.. О нет, только не это!

— Что вы имеете в виду?

— Каждый мужчина, встретившийся с ней… — Она секунду помедлила, а потом решительно тряхнула головой. — А я-то думала, после того рапорта… Вам известно, что прекрасная графиня Вантара сделала все возможное, чтобы вас сместили с должности капитана?

— А вам известно, как следует обращаться к вышестоящему офицеру? — Толлер сам понимал, что ведет себя крайне глупо — особенно если учесть, что они с лейтенантом висят в голубой пустоте между двумя выпуклыми сферами планет, — но был не в состоянии молча выслушивать столь едкие нападки на Вантару.

— Прошу прощения, сэр, — выпалила девушка, и лицо ее превратилось в бесстрастную маску. — Разрешите попробовать успокоить синерога?

— Э-э, как вас зовут?

— Джерин Пертри, сэр.

Толлер чувствовал себя напыщенным дураком, но не знал, как выбраться из этой идиотской ситуации, в которую сам себя загнал.

— В нашей экспедиции нет недостатка в опытных людях, умеющих обращаться с животными. Вы уверены, что справитесь с ним?

— Я выросла на ферме, сэр.

Джерин слегка приоткрыла клапан ранца, выпустив тоненькую струйку пара, которой как раз хватило, чтобы долететь до головы синерога. Выпученные глаза животного внимательно следили за ней, вокруг его пасти повисли блестящие ниточки слюны. Толлер ощутил некое беспокойство — эти массивные челюсти, с легкостью проникнув сквозь плотную ткань комбинезона, превратят человеческую плоть в кашу, — но тут Джерин начала издавать какие-то нежные неразборчивые звуки, и зверь мигом утихомирился. Она обняла синерога одной рукой за шею, а другой стала чесать громадный лоб животного. Зверь, откликнувшись на ласку, превратился

в послушное создание, и спустя несколько секунд Джерин легким движением прикрыла веки на выпуклых янтарных глазах синерога; затем кивнула Толлеру в знак того, что можно использовать веревку.

Он подлетел поближе, связал задние ноги животного, отмотал еще кусок веревки и повторил ту же процедуру с передними ногами. К такой работе он не привык и все время опасался, что зверь вот-вот начнет яростно сопротивляться, но синерог безропотно снес столь вольное обращение.

К тому моменту суматоха вокруг потерпевшего крушение судна поутихла. Ситуация была взята под контроль. Поверхность Верхнего Мира была вся исчерчена полосами белого пара — команды кораблей начали работы по спасению провизии. Они перекрикивались друг с другом, голоса их зазвучали бодро и радостно; все прекрасно понимали, что причиненный ущерб — ерунда по сравнению с тем, что могло произойти с флотом. Толлеру пришла в голову мысль, что им повезло и в другом плане — случись столкновение с метеоритным роем чуть дальше зоны невесомости, справиться с последствиями было бы гораздо сложнее, если вообще возможно. Все видимые объекты потихоньку падали на Мир, но скорость

их была столь мала, что практически незаметна.

Снизу приближались команды судов первой группы — они тоже спешили на помощь потерпевшим крушение товарищам. Руководил ими коммодор Шолдд, главный строевой офицер экспедиции, — крепко сбитый, немногословный мужчина пятидесяти лет. Королева особенно благоволила к нему из-за той энергии, с которой он брался за самые сложные задачи. Сейчас Шолдд весь кипел от раздражения — ведь он потерял один из кораблей, — и Толлер подумал, что до конца полета лучше не попадаться ему под руку.

— Маракайн! — заорал Шолдд. — А ты что тут делаешь? Быстро возвращайся на корабль и проверь, какое количество груза вы сможете принять на борт. Нечего возиться с этим рассадником блох!

— Интересно, кого ты имеешь в виду? — изображая негодование, пробормотала Джерин вслед коммодору. — Сам ты рассадник блох!

— Послушайте, я же вас предупреждал… — Толлер вознамерился серьезно отчитать лейтенанта за неуважение к старшим по званию, но вдруг заметил смешливые искорки у нее в глазах, и его решимость сразу куда-то пропала. Ему нравились люди, способные сохранять чувство юмора

в любой обстановке, и он должен был признать, что сам вряд ли набрался бы мужества приблизиться к перепуганному синерогу. Джерин же справилась с животным с невозмутимым спокойствием.

— Вы можете возвращаться на судно, — ощущая неловкость, сказал он. — Фермеры заберут его, когда все утихнет.

— Есть, сэр. — Джерин оттолкнулась от животного и потянулась к клапану воздухоструя.

Толлер внезапно почувствовал, что был несправедлив к девушке.

— Кстати, лейтенант… — Да, сэр?

— Вы отлично управились с синерогом.

— Что ж, сэр, благодарю. — Джерин улыбнулась с притворной застенчивостью, но Толлеру почему-то показалось, что над ним снова посмеялись. Он проводил ее глазами, и мысли его сразу вернулись к Вантаре. Угоди копыто синерога чуть-чуть левее, и графиня осталась бы калекой на всю жизнь, поэтому она правильно сделала, что вернулась на судно. Правда, это лишило его возможности поближе с ней познакомиться, а значит, их встреча снова закончилась неудачно.

«Но у меня еще есть шанс, — подумал Толлер, решив подойти к случившемуся с философской

точки зрения. — Все время во вселенной будет предоставлено в мое распоряжение, когда мы высадимся на Мире».

Глава 4

Телепатический шепот Кса пробудил Дививвидива от среднемозговой дремы.

«Ты только посмотри, о Возлюбленный Создатель», — сказал Кса, используя зеленый цвет сознания, чтобы подчеркнуть важность случившегося.

«Что такое?» — машинально откликнулся Дививвидив, с трудом возвращаясь к нормальному уровню мыследеятельности.

Он грезил о незатейливых, счастливых днях, в частности, о своем раннем детстве на Дуссарре, и его высший мозг только-только начал изобретать сценарий грядущего дня, который во всех деталях должен быть переписан в дремлющий срединный мозг и потом прожит во сне. Конечно, он легко восстановит все подробности во время следующего периода бездействия, но какие-то отличия все равно неизбежны, и поэтому сейчас Дививвидив испытывал легкое чувство утраты. Исчезнувший день грез обещал стать чуть ли не

совершенством. Тоска несколько поутихла…

«Примитивы, вылетев с поверхности планеты, прошли зону невесомости, — продолжал Кса. — Они уже развернули суда и…»

«И это доказывает, что они направляются на планету-сестру, — перебил его Дививвидив. — Так зачем же ты побеспокоил меня?»

«Мне наконец-то удалось воспринять их точный образ, о Возлюбленный Создатель, и я должен поставить тебя в известность, что их органы зрения намного превосходят твои. Кроме того, они изобрели инструменты, обладающие способностью увеличивать оптические изображения».

«Телескопы!» Одна мысль о том, что какая-то примитивная раса смогла справиться со средой, по своей непокорности сравнимой лишь со светом, полностью пробудила Дививвидива. Он сел на гладком губчатом блоке, служащем ему кроватью, и отключил поле искусственной гравитации, без которого ему был доступен лишь самый поверхностный уровень сновидений.

«Скажи мне, — обратился он к Кса, — способны ли примитивы увидеть нас?»

Он был вынужден задать этот вопрос, вынужден положиться на чувства Кса, ибо радиус его собственного восприятия ограничивался метал-

лическими стенами этой обители.

«Да, Возлюбленный Творец мой. Двое из них уже сканируют основную область той визуальной сферы, в которой мы размещаемся, — у одного из примитивов в руках двойной телескоп. Существует большая вероятность того, что нас все-таки заметят. Прежде всего их внимание привлечет система обогрева синтезирующей протеин станции — она испускает сияние, которое находится в пределах спектра, доступного глазу примитива. Этот цвет они называют „пурпурным“.

«Я немедленно отключу обогреватели». Дивив-видив вылетел из жилого отсека и переместился в зал управления. Траектория полета доставила его прямиком к матрице управления, заведующей подпиткой приборов. Тонким, длинным серым пальцем он отключил снабжение внешней системы обогрева.

«Сделано, — передал он Кса. — Примитивы заметили что-нибудь?»

«Да, — ответил Кса после краткого молчания. — Один заявил, что видит „ниточку пурпурных огоньков“, но никакой ассоциативно-эмоциональной реакции не последовало. Событие причислено к разряду незначительных и уже забыто».

«Я рад», — сказал Дививвидив, используя цвет сознания, обозначающий облегчение.

«Почему ты выразил облегчение, Возлюбленный Создатель? Вряд ли находящаяся на столь низкой ступени развития раса может представлять для тебя угрозу».

«Я забочусь не о себе, — ответил Дививвидив. — Если примитивы заинтересуются нами и решат изучить эту область пространства поподробнее, мне придется уничтожить их».

Кса снова помедлил с ответом.

«Значит, ты не хочешь убивать примитивов».

«Естественно».

«Просто потому, что безнравственно лишать жизни любое существо?»

«Да».

«В таком случае, Возлюбленный Творец мой, — спросил Кса, — почему ты пожелал убить меня?»

«Я много раз говорил тебе, что никто не хотел тебя убивать, это была просто…»

Разговор об убийстве напомнил Дививвидиву, почему он здесь оказался, напомнил об ужасном преступлении против живых существ, совершенном его соотечественниками. Страдание и вина вновь завладели его сознанием.

Глава 5

Древний город Ро-Атабри потрясал своими размерами.

Толлер стоял у поручней гондолы и вот уже больше часа любовался медленно растущей заплатой на теле планеты, сплошь состоящей из цветных изгибов и прямых линий улиц. Он привык считать Прад внушающим уважение метрополисом, и Ро-Атабри представлялся ему городом хоть и большим, но во многом схожим со столицей Верхнего Мира. Однако в действительности рукотворное воплощение могущества Колкоррона оказалось совсем иным — такого Толлер и вообразить себе не мог.

Он чувствовал, что разница в размерах каким-то образом приводит к отличиям качественным, но дело было даже не в этом. Все города, поселки и деревеньки Верхнего Мира возникли по воле архитекторов и строителей, а Ро-Атабри с высоты напоминал естественное образование и скорее был похож на живой организм.

Здесь ничего не изменилось. Толлер узнавал картинки, которые рисовала для него бабушка, Джесалла Маракайн, когда он был еще маленьким

мальчиком. Река Боранн, изгибаясь, переходила в Бухту Арл, а та в свою очередь превращалась в залив Троном. На востоке возвышалась снежная шапка горы Опелмер. Подчиняясь особенностям ландшафта, город и пригороды расползлись по земле огромным лишайником из кирпича, бетона, бракки и глины, отражающим многовековые устремления бесчисленных человеческих созданий. Ужасные пожары — спутники начала Переселения — оставили кое-где заметный след, но прочная кладка не поддалась огню и еще послужит человечеству в будущем. Оранжево-красные и красно-коричневые вспышки указывали участки, где злосчастные Новые Люди начали покрывать свои скорлупки свежими черепичными крышами.

— Ну, как впечатления, юный Маракайн? — спросил Кетторан, появившись сбоку от Толлера. Теперь, когда сила тяжести стала нормальной, он чувствовал себя значительно лучше и проявлял живой интерес ко всем аспектам корабельной жизни.

— Большой, — просто ответил Толлер. — Не охватить взглядом. При виде этого города история будто бы… оживает.

— Вы думаете, это мы его таким сделали? — рас-

хохотался Кетторан.

— Может быть, так считают многие мои ровесники, но это… Мне больно на него смотреть, я не могу даже передать это ощущение.

— Я понимаю, что вы хотите сказать, — а теперь представьте, что сейчас чувствую я. — Кетторан склонился над поручнями, и его лицо заметно оживилось. — Видите вон тот квадратный кусок зелени к западу от города? Раньше там размещался Квартал Небесных Кораблей — именно оттуда мы вылетели пятьдесят лет назад! Можно будет приземлиться там же?

— Какая разница, где приземляться, — пожал плечами Толлер. — Боковые течения необычайно низки, а если что, курс легко выправить. Конечно, основное решение о месте высадки принимает коммодор, но, думаю, именно там мы и приземлимся.

— Это было бы замечательно. Круг замкнется.

— Да-да, — рассеянно согласился Толлер, не слушая больше старика. Ему вдруг пришло на ум, что десятидневный перелет закончен и вскоре у него будет масса возможностей встретиться с Вантарой. После того инцидента с синерогом они больше не встречались, и его страсть распалилась до такой степени, что даже перспектива

знакомства с новой планетой на первый взгляд казалась менее привлекательным приключением, нежели вероятность поговорить с графиней наедине и, быть может, завоевать ее любовь.

— Завидую я вам, Маракайн, — сказал Кеторан, с тоской озирая дряхлые подмостки, где когда-то разыгрывались полузабытые сцены его юности. — Весь мир лежит у ваших ног.

— Возможно, — улыбнулся Толлер, по-своему истолковав слова посланника. — Может быть, вы и правы.

Деревня Стайви насчитывала не больше сотни зданий, поэтому, видимо, даже в лучшие времена в ней было максимум сотни две жителей. Толлер стойко боролся с искушением исключить ее из списка и лететь дальше не приземляясь, но тогда пришлось бы подделать рапорт о высадке, а он не мог позволить себе опуститься до такого мелкого обмана. С минуту он изучал деревню сверху, отметив про себя, что ее центральная площадь очень мала даже для такого удаленного местечка.

— Что вы об этом думаете, капрал? — сказал он, решив подвергнуть юношу небольшой проверке. — Стоит ли попробовать высадиться вон на те несколько метров дерна?

Стинамирт выглянул за поручни, изучая об-

становку.

— Я бы не рискнул, сэр, — пространства для потенциального заноса практически нет, и кто знает, какими воздушными ямами может грозить это скопление высоких складов.

— В точности мои мысли — мы еще сделаем из вас отличнейшего пилота, — весело заявил Толлер. — Сворачивайте на восток, приземлимся на пастбищах у реки.

Стинамирт кивнул, и щеки его, пышущие румянцем молодости, от подобной похвалы зарделись еще больше. Капрал запомнился Толлеру еще по первой встрече, когда юноша спустился на парашюте практически от самой зоны невесомости, и перед вылетом Толлер подал официальный запрос на Стинамирта с просьбой включить его в команду своего корабля. Сейчас он лично готовил юношу к продвижению по службе — к вящей зависти лейтенанта Корревальта, который целый год провел в тренировочной эскадре.

Толлер повернулся к Корревальту, официально отвечающему за приземление. Лейтенант упорно пытался скрыть замешательство, расположившись в кресле с выражением унылой скуки на лице.

— Лейтенант, назначьте одного человека де-

журным по судну, остальные пусть готовятся к осмотру деревни — небольшая пешая прогулка пойдет всем только на пользу.

Корревальт отдал честь — подчеркнуто вежливо — и покинул мостик. Он быстро спустился по низенькой лесенке и направился на основную палубу. Толлер, делая вид, будто ничего не замечает, проводил его взглядом. Для себя он уже решил вознаградить Корревальта за терпение и дать ему рекомендацию на внеочередное получение капитанского звания, но до конца экспедиции не хотел сообщать ему об этом.

Утренний день едва перевалил за середину, и здесь, в экваториальных областях Мира, солнечный жар нещадно грел и без того иссушенную почву. Большую часть гондолы прикрывала тень от газового баллона, поэтому окружающая природа выглядела сверхъестественно яркой и живой. Судно медленно разворачивалось навстречу ветру, постепенно опускаясь все ниже и ниже, и Толлер увидел, что поля вокруг деревни уже успели слиться с окружающей зеленью.

В отсутствие смены времен года, управляющей циклом созревания, дикие растения предпочитали каждый свое расписание — одни только-только набухали, тогда как на других раскачивались

спелые плоды, а третьи уже увядали и засеивали семенами почву. С незапамятных времен колкорронские фермеры разбивали семена полезных культур на группы — обычно собирая по шесть урожаев в год, — поэтому области посевной земли представляли собой целый набор разноцветных полос.

Здесь же, после нескольких десятилетий дикой жизни, эти полосы постепенно размылись и бесследно исчезли — съедобные злаки и всякие овощные культуры медленно возвращались к состоянию ботанической анархии. По степени запущенности полей Толлер определил, что деревенька Стайви не входила в число поселений, обжитых Новыми Людьми после того, как чума птерты стерла с лица планеты большую часть населения. Если это действительно так, то обследование деревеньки обещает стать очередным неприятным и в высшей степени тягостным переживанием в бесконечной череде встреч со смертью.

Последние стадии вымирания человеческой расы, имевшие место полвека назад, прошлись по Миру настолько стремительно, что умирающие не успевали хоронить мертвецов…

Эта мысль несколько омрачила настроение

Толлера, напомнив, как он ошибался, считая, что прибытие на Мир позволит ему свести близкое знакомство с графиней Вантарой. В основе этой ошибки лежал заурядный исторический факт.

Миграция с Мира на Верхний Мир была тщательно спланированной акцией, которая должна была проходить организованно, ступень за ступенью, но из-за бунта черни превратилась в сплошной хаос и паническое бегство. Город Ро-Атабри горел, толпы неистовствовали, армия взбунтовалась, поэтому на спасение беженцев оставались считанные минуты, и в этих чрезвычайных обстоятельствах на другую планету не было взято ни одной книги. Ювелирных побрякушек и толстых пачек ставших бесполезными денег хватало в избытке, но на борту кораблей не оказалось ни одной картины, ни одной поэмы, ни одного листка нот.

Когда образованные люди наконец начали жаловаться, что цивилизация бросила свою душу на погибель, король Чаккел и его придворные больше горевали по другому поводу. В стремительном бегстве с Мира никто не догадался захватить с собой ни одной карты Колкоррона, империи или же самой планеты. Со времен Переселения и до настоящего дня — хоть королевская семья Кол-

коррона и заявляла свои права на Старую планету — отсутствие каких-либо карт или справочников раздражало больше, чем отсутствие чего-либо другого. Но вот ситуация полностью изменилась.

Принцу Олдо, единственному оставшемуся в живых отпрыску королевы Дасины, было уже под шестьдесят, и вся жизнь принца омрачалась постоянными отказами матери передать власть в его руки. Но вот, когда немощность правящей королевы вроде бы уже освободила ему дорогу, нашелся еще один повод для разочарований — принцу предстояло стать наследником королевства, чьи настоящие и потенциальные богатства были в буквальном смысле покрыты мраком.

Толлер даже и не догадывался, что принц все-таки настоял на своем и уговорил Дасину не торопиться с кругосветным путешествием, а сначала провести детальную разведку Колкоррона. Вот и случилось, что вместо того, чтобы охранять графиню в весьма опасном и нелегком полете, Толлер неожиданно оказался втянутым на первый взгляд в бесконечную серию воздушных прыжков от одной опустевшей деревеньки к другой. Они высадились на Мире почти двадцать дней назад, и за все это время он ни разу не видел

Вантары, которая занималась примерно тем же самым, но в противоположной области страны.

Подобно тому как Ро-Атабри поразил Толлера своими необъятными размерами, Колкоррон ошеломил юного капитана невероятным количеством городов — больших, средних и совсем крошечных, — которые когда-то давным-давно вмещали огромное население гигантской страны. Как уроженца Верхнего Мира, где можно часами лететь, не встречая ни единой хижины, Толлера давило подобное вмешательство человека в дела природы. Он чуть ли не задыхался среди этих городишек; древнее королевство теперь представлялось ему одним огромным, бурлящим ульем, в котором жизнь отдельно взятого индивидуума не значила ровным счетом ничего. И даже зная, что здесь когда-то родился его славный дед, Толлер все равно ничего не мог с собой поделать — он испытывал презрение к этой приручённой, битком забитой людьми земле Колкоррона.

Толлер обвел хмурым взглядом скопление низеньких домишек и высоких зданий, автоматически делая про себя поправку на воздушные течения, обусловленные планировкой Стайви. Судя по древним картам и географическим справочникам, найденным в Ро-Атабри, важность

этого поселка заключалась в том, что именно здесь размещалась водонапорная станция — сердце оросительной системы сельскохозяйственных угодий, раскинувшихся к северу от местной реки и многочисленных каналов. Ему было приказано проверить работоспособность станции и доложить о состоянии машин.

Краем глаза следя за маневрами судна, управляемого Стинамиртом, Толлер сверился со списком и с удивлением обнаружил, что, кроме Стайви, им осталось проверить всего лишь три поселения. Если не случится ничего непредвиденного, они закончат еще до наступления малой ночи следующего дня и, следовательно, смогут вернуться на базу в Ро-Атабри. К тому времени, наверное, и Вантара уже будет там. Мысль об этом несколько развеяла мрачное настроение Толлера, и, вытаскивая из футляра меч, он даже начал насвистывать какую-то веселенькую мелодию. Стальное оружие, некогда принадлежавшее деду, было слишком большим и неудобным для тесной гондолы, но Толлер еще ни разу не ступал на землю без этого меча, качающегося у него на боку. Клинок напоминал ему о родстве с тем, другим Толлером Маракайном, чьи подвиги ему никогда в жизни не превзойти.

Минутой спустя под аккомпанемент коротких выхлопов вспомогательных двигателей киль гондолы скользнул по земле, а четыре якорные пушки вогнали гарпуны в поросшую густой травой почву. Члены команды, снаряженные мотками линя, посыпались за борт и начали закреплять судно, предупреждая воздействие тепловых вихрей, столь распространенных в областях, близких к экватору.

— Я отключаю машины, сэр, — доложил Стинамирт, поймав взгляд Толлера. Он перекрыл пневматический резервуар, через который кристаллы подавались в двигатели. — Как вам приземление?

— Недурно, недурно, — несколько холодно произнес Толлер, показывая тем самым, что больше доволен мастерством капрала, нежели столь вольным обращением к начальству. — Но хватит мешкать — вы же не собираетесь стоять здесь весь день и поздравлять себя с удачной посадкой. Нас ждет вон та метрополия. За борт, живо!

Войдя в деревню, Толлер вновь испытал чувство, которое постоянно преследовало его на Мире, — ему казалось, будто какие-то скрытые наблюдатели следят за каждым его шагом. Он понимал, что все это чистый абсурд, но никак не

мог заставить себя забыть о том, какими прекрасными мишенями станут он и его люди, появись в зияющих дырах верхних окон ближайших зданий воины с мушкетами в руках. По-видимому, истинной причиной этого беспокойства было ощущение, что он просто-напросто не имеет права делать то, что делает, — места последнего упокоения стольких людей не следует тревожить по пустякам…

Взрыв проклятий в двенадцати шагах слева привлек его внимание. Один из матросов осторожно обходил что-то, лежавшее в высокой траве и поэтому невидимое Толлеру.

— В чем дело, Ренко? — спросил он, уже предчувствуя, каким будет ответ.

— Пара скелетов, сэр. — По шафранной блузе Ренко расползались темные пятна пота. Он нарочито прихрамывал. — Я едва не споткнулся о них, сэр. Чуть лодыжку себе не сломал.

— Если твоя лодыжка через несколько минут не пройдет, мне придется внести очередную запись в твой послужной список, — сухо ответил Толлер. — Схватиться аж с двумя скелетами — вряд ли кто может похвастаться подобным подвигом.

Остальные дружно захохотали, и хромоту у Ренко как рукой сняло.

Достигнув деревни, группа разделилась — начался привычный осмотр: члены команды заходили в дома и докладывали об их внутреннем состоянии лейтенанту Корревальту, который в свою очередь заносил все подробности в экспедиционный журнал. Пользуясь возможностью остаться наедине со своими мыслями, Толлер в одиночестве побрел по узеньким проулкам и останкам былых садиков. Заброшенные и обветшалые здания убедили его, что до Стайви Новые Люди не добрались и уже более половины века человеческий голос не звучал у рассыпающейся кладки стен.

На улицах скелетов не было, но Толлер ничуть не удивился этому. Последняя и самая страшная стадия птертоза длилась всего два часа, поэтому люди инстинктивно искали уединенные места, где можно было спокойно умереть. Такое впечатление, будто при мысли об осквернении общины своим разлагающимся трупом у человека просыпалось чувство собственника. Кто-то стремился туда, где любил бывать при жизни, кто-то выбирал местечко повыше, откуда были видны окрестности, но в большинстве своем граждане древнего Колкоррона предпочитали умирать в стенах собственных домов, чаще всего

— в постелях.

Толлер уже потерял счет этим душераздирающим картинам: мужской и женский скелеты сплетались в прощальном объятии, и часто между ними покоились костяные каркасики младенцев. При виде столь многочисленных напоминаний о тщете человеческого существования Толлером неизменно овладевала глубокая меланхолия, которая временами пересиливала его от природы кипучую натуру, поэтому сейчас — не испытывая ни малейшего стыда — он старался не заходить в молчаливые жилища, окружающие его.

Бесцельно бродя по деревне, он вдруг очутился у большого, лишенного окон здания, возведенного на самом берегу реки. Частично оно было погружено в степенно текущие воды, и Толлер сразу узнал водонапорную станцию, которая и представляла основной интерес в этой местности. Он пошел вдоль стены и тут же наткнулся на большую дверь с северной стороны здания. Дверь была вытесана из мелкозернистой древесины, укрепленной полосами бракки, поэтому пятидесятилетняя запущенность никоим образом на ней не отразилась. Она была заперта и не поддалась даже мощному нажиму его плеча

— впрочем, другого он и не ожидал.

Раздраженно бормоча себе под нос проклятия, Толлер повернулся и, прикрыв глаза ладонью от солнца, оглядел деревню. Не прошло и минуты, как взгляд его наткнулся на рослую фигуру Габблеронна, сержанта-техника, отвечающего за исправное состояние судна. Габблеронн вынырнул из лачуги, очевидно, бывшей раньше магазином, и сейчас прятал в карман какой-то небольшой предмет. Когда Толлер окликнул его, он аж подпрыгнул на месте и ответил на призыв с явной неохотой.

— Я вовсе не хотел никого грабить, сэр, — забормотал он, приблизившись. — Просто маленький подсвечник из черного дерева. Вряд ли какая-то особая ценность, сэр… так, сувенир, я хотел взять его с собой в Прад, жене подарить… Я положу его на место, если вы…

— Забудь, — отмахнулся Толлер. — Мне нужно открыть вот эту дверь. Принеси с корабля нужные инструменты и, если не сумеешь отпереть ее, просто сними с петель.

— Слушаюсь, сэр! — С видимым облегчением Габблеронн обследовал дверь, после чего отдал честь и поспешил к кораблю.

Толлер опустился на каменные ступеньки у

двери и, устроившись поудобнее, стал ждать возвращения сержанта. Солнце карабкалось все выше и выше, жара усиливалась, а небо было настолько голубым, что виднелись лишь самые яркие из дневных звезд. Прямо над головой, в самом зените, сиял огромный диск Верхнего Мира — такой свежий, такой чистый, что Толлера вдруг охватила тоска по орошенным летним дождем лугам родины. Весь Мир превратился в один сплошной могильник — истощенный, пыльный, унылый, населенный привидениями, — и даже присутствие где-то там, за горизонтом, Вантары уже не могло прогнать ту мрачность, которая поселилась у него в душе. Встречайся он с графиней почаще, возможно, все обернулось бы иначе, но быть рядом и не иметь возможности увидеть ее — нет, это невыносимо…

«Зачем я терзаю себя? — вдруг подумал он. — В кого я превратился? Наверняка тот, другой Толлер Маракайн никогда не позволял себе так раскисать — он не мучился любовными мечтаниями, не тосковал по дому, бледнея и хирея на глазах!»

Толлер вскочил на ноги и принялся нетерпеливо расхаживать по кругу, сжимая рукоять меча. Вскоре он заметил Корревальта и остальных членов команды. Лейтенант на ходу сверялся с

записями в журнале и выглядел очень уверенно и деловито — похоже, его абсолютно не трогала окружающая обстановка. Толлер почувствовал укол зависти. «Из Корревальта получится настоящий офицер, не то что из меня», — внезапно подумал он.

— Рапорт почти готов, сэр. Осталось осмотреть только водонапорную вышку, — отчитался Корревальт. — Вы не заходили внутрь здания?

— Как я мог туда зайти, если эта проклятая дверь заперта?! — рявкнул Толлер. — Я что, похож на духа, который способен просочиться в любую щелку?

Глаза лейтенанта изумленно расширились, но он тут же справился с собой, и лицо его вновь стало невозмутимым.

— Прошу прощения, сэр, я сначала не понял…

— Я послал Габблеронна за инструментом, — перебил его Толлер, устыдившись собственной вспышки. — Проверьте, может, ему надо помочь чем-нибудь: у меня нет желания задерживаться на этом кладбище дольше необходимого.

С этими словами он отвернулся, игнорируя очередной нарочито-четкий салют Корревальта, и зашагал по берегу реки в сторону узкого деревянного мосточка. Издалека мост казался целым и

невредимым, но при ближайшем рассмотрении Толлер увидел, что все дерево превратилось в серо-белесую губчатую массу — верный признак того, что весь настил, перила и подпорки изъедены насекомыми-древоточцами. Он вытащил меч и ударил по одной из перилин. Та легко отделилась и рухнула в реку, увлекая за собой часть всей конструкции. Еще полудюжины ударов хватило, чтобы перерубить две основные балки, поддерживающие сооружение, и прогнивший мост с громким всплеском полетел в реку; в воздух поднялись клубы измельченной в порошок древесины и целый рой крылатых насекомых, потревоженных во время исполнения своего природного долга.

— Вы замечательно пообедали, — сказал Толлер, обращаясь к жужжащей туче и личинкам, которые скрывались в рухнувших досках, — а теперь можете напиться вволю.

Эта глупая и никому не нужная выходка, однако, помогла Толлеру отвлечься от сомнений и терзавших его мрачных раздумий, поэтому в деревню он вернулся в сравнительно хорошем расположении духа и подошел к водонапорной станции как раз вовремя — Габблеронн с двумя помощниками, орудуя здоровенными ломами,

наконец справились с дверью и сняли ее с петель.

— Отличная работа, — отметил Толлер. — А теперь давайте посмотрим, что за чудеса инженерии кроются внутри этой вышки.

Из курса истории он уже знал, что на Мире отсутствовала металлургическая промышленность и обычные на Верхнем Мире железо, сталь и прочие металлы здесь заменяла древесина бракки. Машины, чьи шестерни и другие подвергаемые нагрузке детали были выточены из черного дерева, выглядели в глазах Толлера громоздкими и очень странными, но тем не менее эти реликты примитивной эры чем-то его привлекали.

Миновав короткий коридор, он очутился в большой сводчатой палате, где были установлены массивные насосы. Сквозь закопченные окна на крыше проникало достаточно света, чтобы разглядеть механизмы — облепленные пылью, но ничуть не пострадавшие и на первый взгляд в рабочем состоянии. Балки и стойки были вытесаны из той же самой мелкозернистой древесины, что и наружная дверь, и этот материал, очевидно, был древоточцам либо не по зубам, либо не по вкусу. Толлер постучал по одной из балок ногтем и искренне поразился ее твердости, а ведь стан-

ция простояла без дела целых пятьдесят лет.

— Кажется, это балочное дерево, — объяснил Стинамирт, подходя к Толлеру. — Теперь вы понимаете, почему строители были так к нему неравнодушны?

— А вы откуда знаете, что это за дерево?

Стинамирт вспыхнул:

— Видите ли, сэр, я читал описания в…

— О нет! — Корревальт, который, обходя залу по кругу, открывал по очереди все боковые комнаты, в ужасе мотая головой, отшатнулся от одного из дверных проемов, и Толлер сразу сообразил, что лейтенант увидел нечто страшное. «Вот оно, — сказал себе Толлер, — с тех самых пор, как мы вошли в эту деревню, я знал, что здесь припасена какая-то гадость, но я ничего не хочу видеть!»

Однако он понимал, что избежать личного осмотра находки Корревальта невозможно, иначе среди команды поползут нелестные слухи о слабости командира. Единственное, что Толлер мог сейчас сделать, — чуть оттянуть приближение ужасного момента. Подойдя к панели управления и храповику, он смахнул пыль, притворяясь, будто, бы искусно выточенные части крайне заинтересовали его, а сам тем временем следил за своими людьми. Возглас Корревальта

распалил их любопытство, и они по очереди заходили в комнату. Дольше нескольких секунд там никто не задерживался, и какими бы очерствелыми и грубыми ни были эти люди, каждый возвращался в главный зал притихшим и задумчивым.

«Меня там ждут, в этой комнате, — думал Толлер. — И больше тянуть нельзя».

Он выпрямился, бессознательно положив руку на эфес меча, и направился к зияющему проему. Комната напоминала тюремную камеру. Мебели в ней не было никакой, и сквозь высокую покатую крышу пробивались угрюмые солнечные лучи, уродливыми полосами освещая стены, вдоль которых сидело по меньшей мере скелетов двадцать. Судя по ожерельям и керамическим побрякушкам, останки эти принадлежали женщинам.

«Ну что ж, не так все плохо, — подумал Толлер. — В очередной раз доказан жизненный — вернее, смертный — факт: чума косила всех без разбору. Она набрасывалась на женщин с неменьшей яростью, чем на мужчин, а с момента прибытия на эту лишенную всякой радости планету я видел огромное множество...»

И вдруг его мысли прервались, а мозг словно

застыл, ибо он заметил нечто такое, что пропустил при первом, поверхностном осмотре. Внутри тазовой кости каждого скелета лежал еще один маленький скелетик — крохотные каркасики из хрупких косточек, — все, что осталось от младенцев, чья жизнь оборвалась, даже не успев начаться. «Да, чума и в самом деле косила всех без разбору». Толлеру хотелось развернуться и опрометью броситься вон из комнаты, но смертельный холод, заморозивший его ум, распространился и на тело, крепкими цепями сковав все конечности. Время растянулось в вечность, каждая секунда равнялась тысячелетию, и он понял, что отныне всю свою оставшуюся жизнь проведет на грани пессимизма и полнейшего отчаяния.

— Жители собрали здесь всех беременных женщин, должно быть, надеялись, что эти стены защитят их, — сказал за спиной Толлера Корревальт. — Смотрите! У одной из них должны были родиться близняшки.

Толлер предпочел воздержаться от созерцания этого утонченного ужаса. Вырвавшись из объятий паралича, он развернулся и вышел прочь, ощущая на себе внимательные взгляды членов команды корабля.

— Так и запишите, — бросил он через плечо Корревальту. — Отметьте, что при осмотре насосов видимых повреждений не обнаружено, а следовательно, станция может быть запущена в ход в самые короткие сроки.

— И это все, сэр?

— Лично я больше не заметил ничего, что могло бы заинтересовать нашего суверена, — ровным голосом ответил Толлер и медленно направился к выходу, тщательно скрывая терзающее его беспокойство и безотлагательную нужду поскорее убедиться, что солнце по-прежнему согревает мир.

Годовщина Переселения захватила Толлера врасплох.

Завершив свою исследовательскую миссию, он прибыл на базу в Ро-Атабри примерно за час до наступления ночи, но при этом абсолютно потерял чувство времени. Он ощущал во всем теле необычную усталость, и новость о том, что сегодня 226-й день, то есть годовщина первой высадки на Верхний Мир, не встретила у него в душе никакого отклика. Сдав судно корабельному мастеру Коделлу, он отправился прямиком в постель, и даже весть о том, что за день до него на базу вернулась Вантара, не пробудила его от

всепроникающей летаргии и душевного истощения, затмевающих все и вся.

Отведенная Толлеру комната располагалась в здании, где когда-то размещалась охрана Великого Дворца. Он ворочался в темноте и никак не мог заснуть. Толлер никогда не отличался склонностью к самоанализу, но сейчас он отлично понимал, что причина его усталости не имеет ничего общего с физическим состоянием тела. Его ум был измотан, психика истощена — он слишком долго занимался тем, к чему не лежала душа, слишком часто шел против собственной природы.

Конечно, Толлер знал, что увидит на Мире огромный могильник, но реальность превзошла все его ожидания, и кульминацией этого явилась ужасная находка на водонапорной станции. Впрочем, может быть, он излишне потакает своим слабостям? Отпрыск едва ли не самой привилегированной семьи Верхнего Мира, он, возможно, только сейчас по-настоящему ощутил, какую жизнь ведет обыкновенный человек, вынужденный проводить все дни свои в тяжком труде, который на самом деле презирает и который, как правило, навязан ему кем-то сверху. Толлер попытался напомнить себе, что его

дед, Толлер Маракайн, не позволил бы себе так быстро потерять душевное равновесие. Какие бы ужасные картины ни открылись его взору, в какие бы передряги он ни попадал, истинный Толлер Маракайн отвечал силой на силу и противопоставлял им свой щит, выкованный из выносливости и самостоятельности. Но… но…

«Неужели человек в состоянии уместить в голове целых двадцать скелетов, аккуратненько сидящих у стены и баюкающих внутри тазовых колыбелек еще двадцать скелетов поменьше? Какое там двадцать — двадцать один! Как же ты не заметил, что у одной из женщин должны были родиться близнецы? Сможешь ли ты смириться с этими двумя маленькими человечками со щепочками вместо костей, которые продолжают искать друг в друге опору в смерти, а не в жизни?»

Откуда-то из дворцовых палат донесся взрыв хохота, и Толлер, выругавшись, вскочил с постели. Мужчины и женщины, видимо, благополучно напиваются и доводят себя до состояния, когда начнут обниматься со скелетами, обмениваться с ними улыбками и похлопывать неродившихся детишек по черепам. Неожиданно Толлеру пришло в голову, что единственный способ заснуть сегодня ночью — это накачать себя приличным

количеством алкоголя.

Перед столь радикальным решением внутренняя усталость дрогнула и отступила. Толлер натянул одежду и вышел из комнаты. Порядочно поплутав по незнакомым коридорам, он наконец выбрался в сад, расположенный несколько к северу от дворца, где и вершилось основное веселье. Это место выбрали потому, что большей частью оно было вымощено камнем и, следовательно, успешно выстояло в борьбе со временем, тогда как даже парадная площадка на заднем дворе по пояс заросла травой и сорняками. В садике зажгли несколько факелов, и их оранжево-желтое пламя, отражаясь от богато украшенных фонтанов и статуй, пряталось в кустарнике, создавая иллюзию, будто сад внезапно разросся до необъятных размеров.

В переливающемся полумраке бродили парочки и небольшие группки, но основные участники пирушки собрались у длинного стола, уставленного всяческими закусками. Мужчин в экспедиции было втрое больше, чем женщин, а это означало, что последние, пребывая в благодушном настроении, наслаждались ароматом романтики, тогда как мужчины целиком сосредоточились на еде, напитках, песнях и все-

возможных непристойных шутках.

Толлер наткнулся на посланника Кетторана и его секретаря Парло Вотурба, предлагающих всем желающим еду и выпивку. Старики с искренним удовольствием исполняли роль слуг, показывая остальным, что, несмотря на высокое положение, они не брезгуют общением с обыкновенным людом.

— А, приветствую, приветствую, — крикнул Кетторан, завидев приближающегося Толлера. — Подходите и выпейте с нами, юный Маракайн.

Толлер подумал, что посланник слегка переигрывает — возможно, потому что боится, как бы кто не упустил всех нюансов его игры, — но это была простительная слабость, против которой Толлер ни капли не возражал.

— Благодарю вас, мне, пожалуйста, самый большой бокал кейлийского черного.

— Вина нет, — сокрушенно покачал головой Кетторан — и эля тоже, если уж на то пошло. Видите ли, количество груза было строго ограничено, и придется вам довольствоваться бренди.

— Бренди так бренди.

— Я обслужу вас по первому разряду, налью в лучший из бокалов.

Опустившись на колени, генерал полез под стол

и мгновение спустя вынырнул оттуда с мерцающим хрустальным бокалом в руке, наполненным до самого верха. Он протянул бокал Толлеру, и вдруг веселая улыбка исчезла с его лица, и на нем проступило выражение удивления и боли. Толлер быстро перехватил бокал и с беспокойством посмотрел на Кетторана, судорожно прижавшего руки к груди.

— Трай, тебе плохо? — с тревогой спросил Вотурб. — Я же говорил, не прыгай так.

Кетторан кивнул в сторону секретаря и многозначительно подмигнул Толлеру.

— Этот старый дуралей воображает, что переживет меня. — Он улыбнулся — видимо, боль уже прошла, — поднял свой бокал и чокнулся с Толлером. — Желаю вам доброго здравия, юный Маракайн.

— За ваше здоровье, сэр, — откликнулся Толлер и, не сдержавшись, улыбнулся в ответ.

Кетторан внимательно посмотрел на него:

— Сынок, не сочти за дерзость, но ты очень изменился. Ты уже не тот напыщенный молодчик, что вел мое судно к Миру. Похоже, что-то вышибло из тебя всю чопорность.

— Вышибло?! — скептически расхохотался Толлер. — Э нет, сэр, я так легко не сдаюсь. А сейчас

прошу прощения…

Он отвернулся и направился прочь от стола, в глубине души крайне обеспокоенный заявлением посланника. Если его состояние очевидно даже едва знакомому человеку, Толлер рискует потерять уважение собственной команды. Поддерживать дисциплину на судне и так достаточно нелегко — что же будет, если его сочтут тепличным растением, которое завяло при первых же признаках наступления холодов? Он отхлебнул бренди и углубился в сад, старательно избегая шумных компаний. Наконец он нашел свободную скамью и, благодарный судьбе за предоставленное одиночество, устало опустился на холодный мрамор.

Над ним висел убывающий серп Верхнего Мира, прилепившийся прямо в центре Великого Колеса, огромного серебряного водоворота, который в это время года заполнял практически весь горизонт. В небесах виляли хвостами огненные кометы, и мириады звездочек, словно разноцветные фонарики какой-то неведомой кареты, дополняли окружающее великолепие, неустанно споря с краткими черточками метеоров.

Толлер вновь приложился к громадному кубку, в котором уместилось никак не меньше трети

бутылки, и неторопливо принялся уничтожать бренди. В такую ночь неплохо пройтись с какой-нибудь девушкой, но даже мысль о том, что Вантара может находиться совсем рядом, скрытая сгущающимися сумерками, не будила в душе никакого отклика. Эта ночь предназначалась для поисков истины и разоблачения иллюзий, а факты ясно говорили, что с первой же встречи он умудрился стать врагом графини и теперь она презирает его и будет презирать до тех пор, пока окончательно не забудет о его существовании.

«Кроме того, — издевательски шепнул внутренний голос, — как вообще ты можешь думать о женщинах, когда на тебя взирает двадцать один маленький скелет?»

Толлер продолжал периодически прихлебывать из бокала, пока сосуд совсем не опустел, после чего попытался проанализировать свое внутреннее состояние. Несмотря на усталость, алкоголь еще не подействовал, и где-то глубоко внутри засела упрямая уверенность, что потребуется по меньшей мере еще одна такая же порция, чтобы вырваться наконец из-под власти укоризненного взгляда двадцати одного скелета. Вот тогда наступит желанное забытье, и глубокая ночь поглотит окружающий мир.

Толлер встал — его даже не покачивало, словно дерево, ушедшее корнями глубоко в почву, — и уже двинулся было к столу, чтобы еще раз воспользоваться услугами Кетторана, как вдруг увидел, что к нему приближается какая-то женщина. Ее темные волосы рассыпались по плечам, и по грациозному изгибу талии он, даже не видя лица, понял, что это Вантара. Она была одета в военную униформу — скорее всего, чтобы охладить пыл тех офицеров, которые в общем веселье не слишком заботились о субординации. Толлер немедленно взял себя в руки и подготовился к очередной словесной стычке, не заставившей себя ждать.

— Что я вижу? — весело удивилась Вантара. — А куда же подевался меч? А, ну конечно! Вот дурочка, совсем забыла — не сезон, короли еще недостаточно созрели, чтобы насадить их на вертел.

Толлер кивнул в знак того, что не понял намек на своего деда, которого в народе прозвали Убийцей королей:

— Отличная шутка, капитан.

Он сделал попытку обойти ее, но графиня, положив руку ему на плечо, остановила его.

— Это все, что вы можете мне сказать?

— Нет. — Толлера несколько смутило ее прикосновение. — Я могу добавить, что сейчас направляюсь наполнить свой бокал.

Вантара заглянула ему в глаза и слегка нахмурилась, изучая выражение лица собеседника.

— Да что с вами?

— Не могу ответить на этот вопрос.

— Куда подевался великий воин Толлер Маракайн Второй, неуязвимый для пуль? Он сегодня в отпуске?

— Боюсь, я не готов решать ваши загадки, капитан, — ледяным тоном заявил Толлер. — Еще раз прошу прощения, но я уже готов для приема второй порции сонного эликсира посланника.

Вантара взяла его руку с бокалом — Толлеру показалось, что по его коже пробежали янтарные искры, — и быстро склонилась к кубку.

— Бренди? Пожалуйста, принесите и мне. Только не такую чудовищную порцию.

— Вы хотите, чтобы я принес вам бокал бренди? — переспросил Толлер, прекрасно сознавая, что выглядит полным идиотом.

— Да — если вас не затруднит. — Вантара опустилась на скамью и устроилась поудобнее. — Я подожду здесь.

В некотором смущении Толлер вернулся к столу

с закусками и заказал еще один гигантский кубок бренди для себя и обычный бокал для Вантары — Кетторан и Вотурб, перемигиваясь и довольно кивая, с радостью исполнили его просьбу. На обратном пути он вдруг увидел плывущую через сад птерту: прозрачная сфера слегка мерцала, но была практически невидима в неверном свете факелов. Веселящийся народ заметил ее, лишь когда птерта вплыла в светящийся круг. Победно улюлюкая, толпа принялась швырять в нее палки и камни. Одна из палок пронзила птерту насквозь, и она лопнула. Зрители дружно зааплодировали.

— Видели? — спросила Вантара, когда Толлер подошел поближе. — Вы только прислушайтесь к их воплям! Им удалось убить кого-то, и теперь они ликуют.

— В свое время птерта убила многих из нас, — ответил Толлер. «В том числе и двадцать одного нерожденного младенца».

— Так, значит, вы их одобряете? Одобряете убийство ради развлечения?

— Нет-нет, — запротестовал Толлер, чувствуя, что между ними вновь вырастает стена враждебности, и не зная, что делать. — Я вообще не одобряю убийств, ни ради развлечения, ни по

какой-либо иной причине. Я уже достаточно навидался мясницкой работы — этого мне хватит на всю оставшуюся жизнь. — Он сел, передал Вантаре ее бокал и поднес свой к губам.

— Вот почему вы такой хмурый?

— Я вовсе не хмурый.

— Ну да, я понимаю — именно поэтому вы так изменились. Это естественное состояние для человека… — Вантара прервалась. — Извините меня. Слишком все сложно и запутанно.

— Вы что, просили меня принести бокал бренди, просто чтобы покрутить его в руках? — Толлер сделал большой глоток и усилием воли подавил невольную гримасу — огненная жидкость бурным потоком хлынула в горло.

— Вы так жаждете напиться сегодня?

— Во имя!.. — возмущенно задохнулся Толлер. — Вы всегда так ведете разговор? Если да, то я был бы вам очень благодарен, если бы вы посидели где-нибудь в другом месте.

— Я снова приношу извинения. — Вантара просительно улыбнулась и поднесла бокал к губам. — Толлер, почему бы тебе не повести разговор?

Столь неожиданный и очень интимный переход на «ты» удивил Толлера, он не мог понять,

чем вызвана такая внезапная перемена. Задумчиво взглянув на Вантару, он обнаружил, что полумрак сделал ее лицо не просто красивым — эти идеальные черты могли существовать лишь в воображении вдохновленного художника. Похоже, хоть одна из его фантазий вдруг словно по мановению волшебной палочки воплотилась в действительность: она — идеал женской красоты и само совершенство — сидит рядом с ним. Эта ночь предназначена для любви. В голосе графини звучала захватывающая сердце нежность. Каждый человек просто обязан обеими руками хватать выпавшее ему счастье — и не имеет значения, сколько крошечных скелетов он перевидал на своем веку, потому что природа производит миллионы живых созданий только по одной причине: многим из них предначертана несчастливая судьба, и если кто-либо из счастливчиков упускает свой шанс, он совершает предательство по отношению к тем, чьими жертвами оплачено его счастье. Толлер понял, что сейчас он просто обязан сделать все, чтобы завоевать объект своих мечтаний, привлечь ее к себе своей силой, мужеством, предупредительностью, духовностью, знаниями, юмором, щедростью. Может быть, изящный комплимент послужит

хорошим началом.

— Вантара, ты выглядишь такой… — Он вдруг запнулся, потому что испытующий взгляд пустых глазниц двадцати одного черепа величиной с кулачок вонзился в него подобно клинку. Ему показалось, что эти слова произносит кто-то другой, не он. — Что происходит? Обычно ты ведешь себя как самоуверенная стерва, и вдруг — ни с того ни с сего — мы перешли на «ты», теплота и дружелюбие так и витают в воздухе. Что ты задумала?

Вантара рассмеялась и одновременно задохнулась от возмущения:

— Самоуверенная стерва?! Это ты мне говоришь о самоуверенности? Ты, который всегда приближается к женщине, бряцая кольчугой и размахивая перед самым носом своим фаллическим мечом!

— Это самый превратный и…

Вантара подняла руку и растопырила пальцы, словно возведя между ними незримую преграду. Он замолк.

— Толлер, умоляю тебя, ни слова больше! Сегодня ночью мы сняли наши доспехи и легко можем ранить друг друга. Давай примем вещи такими, какие они есть, хотя бы на час; давай выпьем вместе; давай поговорим друг с другом. Согласен?

— Неужели человек в здравом уме способен отказаться от такого предложения? — улыбнулся Толлер.

— Вот и чудно! А теперь объясни мне, почему ты перестал быть тем Толлером Маракайном, которого я когда-то знала.

— Мы опять возвращаемся к старому!

— А мы, собственно, никуда и не уходили.

— Но… — Толлер смущенно посмотрел на нее, а затем вдруг свершилось невероятное — он начал свободно говорить о том, что терзало его, исповедоваться в открытой в самом себе слабости, признаваться в отчаянии — ведь ему никогда не удастся стать похожим на своего великого деда. Когда Толлер описывал жуткую находку на водонапорной станции, голос его сорвался, и он испытал страх, подумав, что уже не сможет продолжать. Закончив рассказ, он снова приложился к кубку, но понял, что ему больше не хочется пить. Он поставил сосуд на скамейку и уставился на свои руки, чувствуя себя так, словно только что побывал в самой страшной передряге в жизни.

— Бедняжка Толлер. — В голосе Вантары звучало ласковое сочувствие. — Что же тебе пришлось пережить, раз сейчас ты стыдишься вполне естественных человеческих чувств?

— Ты хочешь сказать — стыжусь своей слабости.

— В способности испытывать сострадание нет ничего стыдного. Сомнения, нужда в человеческом общении — вовсе не признак слабости.

Толлеру показалось, что сейчас удобный момент заделать кое-какие бреши в собственном фасаде.

— Я могу общаться со многими людьми, — скривив губы, сказал он. — Если они, конечно, достойны этого.

— Не говори так, Толлер, не надо. — Вантара поставила бокал на землю и села на скамейку, развернувшись к нему лицом. — В общем-то ты можешь обнять меня, если хочешь.

— Но я не… — Толлер замолк. Вантара взяла его руки и положила себе на груди. Даже сквозь вышитую ткань кителя он почувствовал, какие они теплые и твердые. Он придвинулся поближе.

— Только умоляю, не пойми меня неправильно, — прошептала Вантара. — Я вовсе не пытаюсь залезть к тебе в постель — просто эта ступень человеческого общения лучше всего отвечает ситуации.

Губы ее слегка приоткрылись, приглашая к поцелую, и, словно во сне, Толлер принял

приглашение, не веря, что это происходит в действительности. Ее безграничная женственность поглотила все его чувства, и звуки празднества превратились в тихий отдаленный гул. Они с Вантарой сидели так очень долго, точно время прекратило свое течение. Может быть, прошло десять минут, а может, двадцать, а они все целовались и целовались, не ощущая усталости и не видя нужды в иной физической близости, а когда наконец отпустили друг друга, Толлер почувствовал, как его переполняют новые силы, и понял, что восстановил свою целостность. Он улыбнулся Вантаре, она ответила ему, его улыбка стала еще шире, и внезапно они оба расхохотались. На Толлера снизошли облегчение и покой, родственный тому, что следует за сексуальными утехами, только сейчас им владело более глубокое чувство, близкое к великому постоянству.

— Не знаю, как тебе это удалось, — сказал он. — Но аптекарь разбогател бы, сумей он упрятать подобное лекарство в склянку.

— Я ничего особенного не сделала.

— Неправда! Я так устал от этой древней планеты, что даже предстоящее кругосветное путешествие казалось мне скучной затеей. А теперь я снова полон сил и жду не дождусь его.

Мы не сможем быть вместе там, в небесах, но я не буду спускать глаз с твоего судна, день за днем я буду следовать за тобой и даже ночью — ведь мы не станем приземляться в этих городах-могилах. Я жду этого с нетерпением. Мы можем…

— Толлер! — Вантара как-то странно посмотрела на него. — Я же предупреждала: не обольщайся тем, что происходит между нами.

— А я и не обольщаюсь, уверяю тебя, — быстро ответил Толлер, прекрасно осознавая, что лжет. Но сейчас его переполняла неизбывная уверенность, что он понимает Вантару лучше, чем она сама. — Все, что я хочу сказать, это…

— Прости, что перебиваю, — вступила Вантара, — но ты все-таки обольщаешься. По крайней мере по поводу одной вещи.

— Какой же?

— Я не буду участвовать в кругосветном перелете.

— Как же так? — опешил Толлер. — Ты находишься здесь, потому что ты капитан воздушного корабля, а кругосветное путешествие — важнейшая часть всей нашей миссии. Да Шолдд просто не отпустит тебя.

Вантара чуть виновато улыбнулась:

— Сознаюсь, я предвидела некоторые трудно-

сти, и так получилось, что моя любимая бабушка — тоже. Поэтому она дала коммодору инструкции не отказывать мне ни в одной просьбе. — Она снова улыбнулась. — И мне кажется, он вряд ли будет рыдать от горя, когда я заявлю о своем отказе от участия в экспедиции.

— Отказе? — Толлер отлично понял, что хотела сказать Вантара, но вопрос сам слетел с его губ: — И куда же ты отправишься?

— Домой, разумеется. Я презираю этот усталый и мрачный край даже больше, чем ты, Толлер, — поэтому завтра я бегу с него и лечу обратно на Верхний Мир. И вряд ли когда-нибудь вернусь сюда.

Вантара поднялась, символически разрывая оковы притяжения Мира, и между ней и Толлером словно пролегла пропасть межпланетного пространства. Когда она снова заговорила, ее голос прозвучал так фальшиво, что Толлеру показалось, будто ему влепили звонкую пощечину:

— Может быть, мы еще встретимся в Праде. Через год или два.

Глава 6

Дививвидив парил у экрана электронного телескопа и терпеливо ждал, пока Кса нацелит и настроит прибор. Когда изображение наконец установилось, относительно маленький участок планеты под ними отошел на задний план, остальная же ее поверхность раздвинулась в стороны и исчезла. Казалось, он смотрит вниз через огромное окно; коричнево-желтоватую землю окутывали водовороты белых облаков.

В самом центре экрана маячил небольшой серебряный серп, напоминающий миниатюрную луну, примерзшую к небосводу, но, приглядевшись, можно было увидеть, что это никакая не луна, а коричневого цвета сфера, освещенная с одной стороны солнцем. На первый взгляд она выглядела достаточно твердой, чтобы сойти за один из астероидов, но Дививвидив знал, что перед ним — одно из устройств, используемых примитивами для межпланетных перелетов. Так как оно еще не миновало зоны невесомости, гондола корабля была скрыта баллоном, однако у Кса имелись и другие способы «увидеть» команду.

«Их пятеро, Возлюбленный Создатель, — со-

общил Кса. — Все они женщины, что весьма необычно, учитывая то небольшое количество сведений, которыми мы располагаем об этой расе».

«Им известно о существовании станции? Или о твоем наблюдении?»

Последовала короткая пауза.

«Нет, Возлюбленный Творец. Это судно входило в ту группу, что мы видели некоторое время назад, а сейчас оно возвращается на родную планету по причинам, которые хоть мне и не ясны, но связаны с эмоциональным благополучием командира. У них даже мысли нет о том, чтобы попытаться разобраться или вмешаться в нашу деятельность».

Эта тирада Кса была составлена с должным уважением, но все-таки в ней присутствовали кое-какие оттенки, не совсем уместные в данной ситуации. Списав их на злорадство, Дививвидив без труда определил истинную причину подобного отношения.

«Ты считаешь, они вмешаются в нашу деятельность?»

«Обязательно, — подтвердил Кса. — По сути дела, столкновение неизбежно. Суда примитивов следуют прямым курсом, а — как тебе известно

— мое тело сейчас разрастается с максимально возможной скоростью».

Дививвидив немедленно отключил сознание и перешел на режим высшего мозга, чтобы обдумать проблему наедине и втайне от Кса. Уничтожение пятерых бескультурных двуногих будет обычным делом — в особенности учитывая события, которые вскоре должны произойти в этой области пространства, — но ему придется принять решение лично. И смерть будет так близка.

Все эти данности плюс его непосредственное участие установят ментальную связь между ним и пятью примитивами, чьи жизни вот-вот оборвутся, поэтому отлив каждого из них с неизбежностью отразится на нем. Отливом назывался краткий, невероятно мощный и необъяснимый всплеск психической активности, который всегда происходил через секунду или две после смерти разумного существа. Даже когда физическая форма мгновенно испарялась и по теории всякое дальнейшее ментальное взаимодействие с живым существом было невозможно, все равно эта иссушающая волна обрушивалась — мучительная, карающая, невыразимая. Мучительная — ибо мгновенный духовный взрыв не лучшим

образом отражался на сторонних его участниках.

Тот факт, что отлив все-таки имеет место, был воспринят многими как доказательство дальнейшего существования личности после смерти. Утверждали, что таким образом какой-то компонент комплекса «мозг — тело» перемещается в иную реальность. Более материалистично настроенные натуры делали основной упор на то, что, чем дальше расстояние, тем слабее сила отлива, а следовательно, существуют такие области физики, до которых дуссаррианская наука просто еще не добралась.

Дививвидив не принадлежал ни к тому, ни к другому лагерю, но дважды за свою жизнь он оказывался неподалеку от эпицентров отлива — когда умирали его родители, — и у него не было никакого желания повторять этот опыт, если есть возможность избежать его. В данном случае мораль подкреплялась простым эгоизмом, и дилемму, стоявшую перед ним, он должен был решить как можно быстрее, если действительно собирался исполнить данные Кса обещания.

Полукристалл, полукомпьютер и в то же самое время разумное существо — Кса способен был разрастись до размеров, необходимых для

выполнения его непосредственного предназначения, только там, где полностью отсутствует сила тяжести, но в то же время наличествует кислород. Дуссаррианам очень повезло, когда они обнаружили такую среду неподалеку от родной планеты, но присутствие буйно развивающегося технологического общества на планетах-сестрах весьма осложняло их задачу — в основном из-за структуры Кса, тело которого, несмотря на всю свою величину, было очень уязвимо. Примитивы могли повредить его — со злым умыслом или без оного, — а значит, когда они подберутся слишком близко, за ними придется следить, как за паразитами.

Дививвидив обдумал возникшую проблему и пришел к решению, которое вполне удовлетворяло его склонность к взаимовыгодному компромиссу. Правда, он должен будет на время покинуть жилые отсеки станции, чтобы связаться с Дуссаррой и лично переговорить с директором Заннананом. К счастью, перемещение уже успешно завершилось, и Дуссарра стала частью местной солнечной системы, яркой голубой точкой на богато усыпанном звездами небосклоне. На расстоянии каких-то нескольких миллионов миль несложно установить непосред-

ственную мозговую связь с Заннананом, а риск, что кто-либо перехватит переговоры, будет минимален. Дививвидив вернулся в среднемозговой режим и, всмотревшись в изображение судна, которое поднималось с поверхности чужой планеты, связался с Кса.

«Ты говорил, что примитивы не подозревают о нашем присутствии, — сказал он. — Это означает, что система непосредственной связи между двумя личностями у них отсутствует?»

Последовала краткая пауза: Кса искал подтверждение.

«Да, Возлюбленный Создатель, в этом отношении примитивы абсолютно пассивны».

Дививвидив почувствовал внезапную жалость — он представил себе разумное существо, влачившее свою жизнь в состоянии слепоты мозга. Отсутствие у примитивов высших органов чувств на данном этапе облегчит общение с ними, но осторожная и дотошная натура Дививвидива заставила его задать еще несколько вопросов.

«Это воинственная раса?»

«Да, Возлюбленный Создатель».

«У них имеется оружие?»

«В избытке, Возлюбленный Создатель».

«Дай мне описание этого оружия».

Снова последовала недолгая пауза.

«Их оружие представляет собой твердые свинцовые снаряды, выбрасываемые из трубок при помощи газа, заключенного в металлических контейнерах».

Одновременно Кса передал Дививвидиву точную информацию о размерах и энергетических характеристиках тех типов оружия, которые примитивы имели при себе и на борту своего еле ползущего корабля.

Дививвидив был удовлетворен. Он уверился, что препятствий его планам относительно приближающегося судна и команды не возникнет.

«Ты доволен, Возлюбленный Создатель», — констатировал Кса.

«Да, сейчас я вернусь ко сну и буду ждать прибытия примитивов».

«Ты так доволен потому, что тебе не придется отнимать у примитивов жизни».

«Да».

«В таком случае, Возлюбленный Создатель, почему тебя ничуть не беспокоит тот факт, что вскоре ты убьешь меня?»

«Ты ничего не понимаешь».

Внезапно Дививвидив почувствовал острое недовольство самим Кса и его навязчивым жела-

нием сохранить свою псевдожизнь. Каждый раз, когда речь заходила об этом, его ум омрачали темные думы о геноциде, и — несмотря на опытность во всяческого рода ментальных дисциплинах — отзвуки этих мыслей мешали его грезам.

Глава 7

Толлер понимал, что это лишь игра воображения, но, казалось, какая-то странная тишина окутала Пять Дворцов Ро-Атабри. Не такая тишина, которая наступает, когда людская суета вдруг на время приостанавливается, — скорее похожая на невидимое одеяло из звуконепроницаемого материала, внезапно накрывшее округу. Оглянувшись вокруг, Толлер увидел, что плотники и каменщики продолжа ют работу по восстановлению зданий; синероги и телеги вздымают облака пыли, желтыми тучами расползающиеся на фоне голубого неба; команды и пилоты готовят корабли к кругосветному перелету. Повсюду царила кипучая деятельность, однако Толлеру чудилось, что шум ее, проходя сквозь фильтры расстояния, приглушался практически до пределов слышимости.

До отправления оставался всего час, и имен-

но потому — он и сам это прекрасно понимал — Толлер пребывал в состоянии некой заторможенности. Уже девять дней, как Вантара улетела обратно на Верхний Мир, и все это время он находился в глубокой депрессии и апатии, которые невозможно было перебороть.

Готовя своих людей и корабль к кругосветному путешествию, Толлер на самом деле думал только об одном — он вновь и вновь переживал ту необычную встречу с Вантарой в День Переселения. Почему вдруг она повела себя так? Зная, что вот-вот покинет планету, она позволила ему воспарить на невиданные высоты — Толлер до сих пор чувствовал ее губы, касающиеся его губ, ее груди, наполнившие его ладони, — и только для того, чтобы потом с бессердечным равнодушием швырнуть наземь. Может быть, она просто решила поиграть с ним от скуки?

Порой Толлер действительно верил, что так оно и было, и тогда он погружался в новые глубины отчаяния и ненавидел графиню со страстью, от которой сжимались кулаки, белели костяшки и речь прерывалась на полуслове. Иногда ему, наоборот, казалось, что она изо всех сил старалась разрушить барьеры между ними, что она действительно ценит его, будет с нетерпением ждать

и бросится ему на шею, стоит Толлеру вернуться на Верхний Мир. В такие моменты молодой Маракайн чувствовал себя еще хуже, потому что он и его любовь — самая прекрасная, самая желанная женщина из когда-либо существовавших на свете — были разделены планетами, и он представить себе не мог, как проживет будущие годы без нее.

Изредка Толлер смотрел на огромный диск Верхнего Мира, выпуклую громаду которого то и дело заслоняли горы облаков, и мечтал о каком-нибудь средстве мгновенного сообщения между двумя планетами. Не раз ходили разговоры о том, что когда-нибудь построят гигантские мигалки с зеркалами размером с крышу, которые будут посылать всякие сообщения с Мира на Верхний Мир и обратно. Если бы такое устройство существовало, Толлер непременно воспользовался бы им, и не столько для того, чтобы поговорить с Вантарой — этот шаткий мостик, перекинутый через пространство меж двумя мирами, только усилил бы его желание увидеть ее — но чтобы связаться с отцом.

Кассилл Маракайн обладал достаточной властью и влиянием, чтобы выхлопотать сыну освобождение от кругосветного перелета. В прошлом, до того как его коснулось безумство любви,

Толлер с презрением относился к подобным методам, но в теперешнем состоянии он готов был без зазрения совести ухватиться за любую возможность. Бедняга терзался от того, что вскоре должен будет отправиться в путешествие по Стране Долгих Дней и окажется на противоположной стороне планеты. Оттуда он не сможет наблюдать за Верхним Миром, при виде которого неизменно представлял себе Вантару, легкой походкой ступающую по своей столь особенной жизни…

— Зря вы так мучаете себя, юный Маракайн, — сказал посланник Кетторан, который, пробравшись между штабелями бревен и грудами тюков, незаметно подошел к Толлеру. Он был облачен в серые одеяния своего департамента, однако без официальных эмблем из бракки и эмали. Другой человек с его положением в обществе выхлопотал бы себе отдельные апартаменты, закрылся бы там и появлялся на людях исключительно в сопровождении пышной свиты, но Кетторан предпочитал в одиночку бродить по лагерю.

— Вместо того чтобы шляться по базе, словно девица с желудочными коликами, — продолжал он, — вы бы лучше приглядели за погрузкой и балансировкой собственного корабля.

— Этим занимается лейтенант Корревальт, — безразлично ответил Толлер. — И, вероятно, управляется с этим лучше, чем я.

Кетторан натянул на глаза шляпу, закрывшись от солнца, и сочувственно посмотрел на Толлера.

— Послушай, мальчик мой, я, конечно, понимаю, что суюсь не в свое дело, но эта безрассудная страсть к графине Вантаре плохо отразится на твоей карьере.

— Благодарю за совет. — Толлер был глубоко уязвлен, но слишком уважал Кетторана, поэтому скрыл свое раздражение за ширмой мягкого сарказма. — Я непременно последую вашим рекомендациям.

— Поверь мне, сынок, — печально усмехнулся Кетторан, — ты даже оглянуться не успеешь, как эти дни, что кажутся исполненными бесконечного страдания, останутся в прошлом и превратятся в призрачные воспоминания. Более того — по сравнению с тем, что тебя ждет в будущем, они будут выглядеть счастливыми и безоблачными. Ты будешь потом жалеть, если сейчас не поживешь всласть.

Что-то в голосе Кетторана насторожило Толлера, и он на миг забыл о своих горестных думах.

— Ушам своим не верю, — изумился он. Во

время межпланетного перелета между ним и Кетторaном установились дружеские и доверительные отношения, поэтому Толлер пренебрег различием в рангах. — Никогда не думал, что Трай Кетторан вдруг заговорит, как какой-то седобородый старец.

— Я тоже раньше не думал, что когда-нибудь превращусь в старца, — эта участь предназначалась другим, а никак не мне. Поразмысли над тем, что я сказал тебе, сынок. И не наделай глупостей.

Кетторан сжал плечо Толлера костлявыми пальцами, затем отвернулся и зашагал к восточному крылу Великого Дворца. Вот только походка его была лишена обычной беспечности.

Толлер, нахмурившись, некоторое время смотрел ему вслед.

— Сэр, — окликнул он, внезапно забеспокоившись. — С вами все в порядке?

Сделав вид, что не слышит, Кетторан даже не обернулся и вскоре исчез из виду. Встревоженный Толлер почувствовал себя обязанным уделить больше внимания только что полученному совету и про себя твердо решил последовать этому, безусловно, доброму философскому напутствию — в конце концов, он молод, здоров, и весь мир лежит у его ног, — но всякий раз, когда он прика-

зывал себе взбодриться, отчаяние его, как назло, усиливалось. Что-то внутри него противостояло переменам.

Он вернулся к кораблю, взошел на борт и принялся хмуро взирать на приготовления к отбытию. Толлер знал, что его мрачное безразличие непременно отразится на команде, но ничего не мог с собой поделать. Видя поведение начальника, лейтенант Корревальт стал еще более корректным и предупредительным. Путешествие продлится не меньше шестидесяти дней, если не случится ничего непредвиденного, и восемь человек на протяжении этого периода времени должны будут как-то уживаться на крошечной гондоле. Психологические срывы случаются даже в идеальной обстановке, но когда командир всем своим видом демонстрирует неприязненное отношение к будущей миссии, тем более могут возникнуть проблемы с моральным состоянием и дисциплиной на борту.

В конце концов со всеми формальностями было покончено, и с флагманского судна донесся сигнал горна, оповещающий об отбытии. Четыре корабля практически одновременно оторвались от земли; громовые раскаты двигателей прокатились над окружающими Пять Дворцов

парками и растаяли в залитых солнцем улочках Ро-Атабри. Толлер стоял у поручня, придерживая рукой меч — управление судном он передал Корревальту, — и смотрел на раскинувшиеся внизу просторы древнего города. Высоко в небе парило солнце, потихоньку приближаясь к Верхнему Миру, гондолу же закрывала глубокая тень баллона, и в результате картина, представшая перед глазами, была исключительно яркой — вплоть до мельчайших деталей. Традиционные архитектурные стили Колкоррона делали особый упор на мозаику из оранжевых и желтых кирпичей в форме сложных ромбов с вкраплениями красного известняка по углам и краям. С высоты город казался пестрым полотном, блестящим так ослепительно, что глазам было больно. Деревья, находящиеся в различных стадиях жизненного цикла, вносили свою лепту в сверкающее великолепие красок, и цветовая гамма островков живой природы варьировалась от бледно-зеленого до медно-коричневого оттенков.

Корабли описали круг над лагерем и взяли курс на северо-восток, стараясь отыскать такие воздушные течения, которые сэкономят кристаллы во время путешествия. Исследования показали, что на пути экспедиции не встретятся зрелые

деревья бракки, а дополнительное производство зеленых и пурпурных кристаллов потребует значительного времени, поэтому было решено, что флотилия совершит кругосветный перелет исключительно на бортовых запасах.

Толлер невольно вздохнул, глядя вслед ускользающему за горизонт Ро-Атабри: многоцветие города превратилось в скопление плоских горизонтальных полосок. Скучное и утомительное путешествие наконец началось, и настало время посмотреть этому факту в глаза. Толлер почувствовал на себе взгляд Бэйтена Стинамирта, недавно произведенного в ранг воздушного сержанта. Розовая физиономия Стинамирта, проходившего мимо него в сторону нижней палубы, была нарочито бесстрастной, но Толлер видел, что его мрачность не лучшим образом отразилась на юноше, который с тех пор, как они покинули родной мир, проявлял особую преданность Толлеру и искренне им восхищался. Подняв руку, Толлер остановил сержанта.

— Не беспокойтесь, молодой человек, — сказал он. — Я вовсе не собираюсь выпрыгивать за борт.

— Сэр? — недоуменно переспросил Стинамирт.

— Не разыгрывайте передо мной невинность, юноша. — Толлер был всего лишь на два года

старше сержанта, но в голосе его прозвучали те же самые отцовские нотки, которые использовал в беседах с ним Трай Кетторан. Маракайн сознательно пытался подражать твердости и стоицизму посланника. — Там, на базе, обо мне пошли всякие слухи, да? Поговаривали, будто я так влюбился в некую госпожу, что теперь дня от ночи отличить не могу.

Гладкие щеки Стинамирта залились пурпурным румянцем.

— Сэр, если кто-нибудь посмеет дурно отзываться о вас в моем присутствии, я… — Юноша понизил голос, чтобы его случайно не услышал Корревальт, дежуривший около центра управления воздушным кораблем.

— Вам вовсе не потребуется биться за меня на дуэли, — твердо заявил Толлер, обращаясь как ко всем окружающим, так и к своей своенравной душе. Он хотел еще что-то добавить, но обнаружил, что Стинамирт смотрит в другую сторону.

— Сэр, по-моему, это послание адресовано нам, — быстро отрапортовал сержант, прежде чем Толлер успел спросить, в чем дело.

Толлер обернулся на Ро-Атабри и увидел, что в переплетении наслаивающихся друг на друга полосок назойливо мигает яркая точка. Рас-

шифровав про себя кодированное сообщение солнечного телеграфа, он почувствовал, как по спине побежали мурашки. Возбуждение и леденящие кровь предчувствия охватили Толлера, когда он убедился, что послание касается непосредственно его.

Вернувшись на базу, Толлер увидел, что баллон небесного корабля уже наполнен газом, а команда выстроилась у якорей, готовая к немедленному возвращению на Верхний Мир. Шар легонько бился о бревенчатые стены ангара, словно огромное разумное существо, переступающее с ноги на ногу от нетерпения. У ворот Толлера встретил лично коммодор Шолдд, который обычно никуда не выходил из кабинета, и это служило еще одним доказательством чрезвычайности ситуации.

Толлер — в сопровождении Корревальта и Стинамирта — быстрым шагом подошел к нему и отдал честь, а Шолдд, видимо, пребывая в дурном расположении духа, в ответ лишь дернул головой. Он пригладил пятерней свои коротко подстриженные стального оттенка волосы и хмуро поглядел на Толлера.

— Это просто напасть какая-то, капитан Маракайн, — буркнул он. — Несколько дней назад я лишился одного капитана воздушного корабля, а

теперь вынужден обратиться за помощью к вам.

— Лейтенант Корревальт способен заменить меня на время кругосветного перелета, сэр. Он обладает всеми необходимыми навыками, — ответил Толлер. — Без малейших колебаний я рекомендую его к немедленному продвижению по службе.

— Это действительно так? — Шолдд обратил критический взгляд своих колючих глаз на Корревальта, и благодарность, отразившаяся на лице лейтенанта, мигом куда-то подевалась.

— Сэр, — осмелился спросить Толлер, — посланнику Кетторану очень худо?

— Похоже, одной ногой он уже в могиле, — безразлично ответил Шолдд. — Почему он так настаивал, чтобы именно вы отвезли его домой?

— Не могу знать, сэр.

— Я тоже теряюсь в догадках. По мне, так очень странный выбор. Вы не слишком-то проявили себя в этой миссии, Маракайн. Я все ждал, когда же вы наконец споткнетесь об эту древнюю железяку, которую постоянно таскаете с собой.

Толлер вспыхнул и машинально коснулся рукояти меча. Коммодор ни за что ни про что опозорил его, отчитав в присутствии младших чинов, но Толлер мог лишь единственным способом за-

явить свой протест: намекнуть, что замечания Шолдда — это бесполезная трата драгоценного времени.

— Сэр, если посланник выглядит настолько плохо…

— Ладно, ладно, убирайтесь с глаз моих долой. — Шолдд бросил быстрый взгляд на Стинамирта. — А этот парень, похоже, заделался вассалом клана Маракайнов. Он что, теперь причислен к вашей свите?

— Сэр, сержант Стинамирт — первоклассный летчик, и его помощь весьма пригодится мне во время…

— Забирайте и его! — Шолдд развернулся и, не отдав честь, побрел прочь, что могло быть расценено только как еще одно целенаправленное оскорбление.

«Вот, значит, как, — подумал Толлер, встревоженный упоминанием „клана Маракайнов“. — Мой дед был самым славным воином за всю историю Колкоррона, мой отец — один из наиболее выдающихся и могущественных людей нашего времени, а всякие Шолдды презирают меня за это. Может, они считают, что я втайне дергаю за веревочки семейных связей? Или, наоборот, намеренно не обращаясь к помощи

влиятельных родственников, демонстрирую какое-то особенное самомнение? Быть может, их оскорбляет и даже бесит то, что я отказываюсь воспользоваться возможностями, за которые они бы…»

Серия выхлопов, донесшихся из двигателей корабля, эхом отразилась от реющей над ними сферы баллона и прервала размышления Толлера. Прощальным жестом коснувшись плеча Корревальта, он вместе со Стинамиртом подбежал к гондоле и взобрался на борт. Сержант вспомогательного состава, дежуривший у топки и следящий за готовностью корабля, отдал честь и кивнул в сторону пассажирской каюты. Толлер подошел к отделению с высокими бортиками и заглянул внутрь. На койке лежал посланник Кетторан, несмотря на жару, целиком закутанный в стеганое одеяло. Его вытянутое лицо поражало смертельной бледностью, к старческим морщинам прибавились признаки глубокого изнеможения, однако глаза оставались по-прежнему живыми. Увидев Толлера, он подмигнул и приветственно поднял иссушенную возрастом руку.

— Вы летите один, сэр? — озабоченно спросил Толлер. — А как же врач?

Презрительная гримаса на миг оживила черты Кетторана.

— Да я близко к себе не подпущу этих сапожников.

— Но вы же больны…

— Не родился еще доктор, способный излечить мой недуг, — почти удовлетворенно крякнул Кетторан. — Я страдаю всего-навсего от недостаточности времени. Кстати, юный Маракайн, мне показалось, что вы не меньше меня желаете побыстрее очутиться на Верхнем Мире.

Толлер промямлил какое-то извинение и вернулся к сержанту, который сразу же отошел от рычагов управления и перелез через борт гондолы. Задержавшись на несколько секунд на приступке, он объяснил Стинамирту, где хранятся провизия и прочие необходимые припасы, включая небесные костюмы. Как только провожатый исчез из виду, Толлер пустил щедрую струю горячего газа в купол баллона и поднял якоря.

Небесное судно рванулось вверх, а воздушное течение, проходящее прямо над ангаром, придало кораблю дополнительную скорость. Зная, что начальная тяга исчезнет, как только баллон войдет в западный воздушный поток и начнет

двигаться вместе с ним, Толлер не стал выключать горелку. Небесный корабль — несмотря на то что в этом рейсе гондола весила меньше обычного — развернулся медленно и степенно, приспосабливаясь к изменениям в воздушной среде. Стинамирт театрально схватился за желудок. Со стороны плетеной клетки-каюты, где лежал Кетторан, донесся жалобный стон.

Во второй раз на протяжении какого-то часа панорама Ро-Атабри начала удаляться от Толлера, только теперь она скрывалась не вдали, а внизу. «Я даже поверить не могу, что такое со мной происходит», — подумал он словно во сне, ошеломленный внезапным поворотом событий. Всего несколько минут назад его терзал страх никогда больше не увидеть Вантару Дервонай — и вот он уже волею судеб спешит к ней на свидание.

«Вскоре я снова встречусь с Вантарой, — сказал он себе. — Хоть в этом мне повезло».

Толлер за весь день не притронулся к еде, он лишь сделал пару глотков воды, чтобы хоть отчасти компенсировать потерю жидкости во время вступления в засушливые области средней стадии перелета. Туалет на судне был самым примитивным, и по большей части пользоваться им

было крайне неприятно, а в условиях невесомости многие предпочитали вообще не справлять свои естественные нужды в день маневра переворота. Для здорового человека система работала вполне сносно, но состояние Кетторана еще в самом начале путешествия оставляло желать лучшего, теперь же — к вящему беспокойству Толлера — складывалось впечатление, что посланник из последних сил цепляется за свою жизнь.

— Убери эти помои с глаз моих долой, — ворчливо буркнул Кетторан. — Я не младенец, чтобы грудь сосать — да еще такое отвратительное вымя!

Толлер нехотя отодвинул конической формы пакет с теплым супом, который он принес посланнику.

— Но это пойдет вам только на пользу.

— Ты кудахчешь, прямо как моя мамочка.

— Разве это причина, чтобы отказываться от еды?

— Не умничай, юный Маракайн. — Дыхание Кетторана белыми облачками пара вырывалось из маленькой дырочки в горе одеял, укутавших его с головой.

— Я всего лишь пытался…

— Моя мать стряпала куда лучше, чем все повара, которых мы то и дело нанимали, — сказал Кетторан, не обращая на Толлера внимания. — У нас был дом на западном склоне Зеленой Горы — кстати, совсем неподалеку от того места, где когда-то жил твой дед, — и я до сих пор помню, как я въезжаю на холм, оказываюсь в своих угодьях и сразу по одному запаху узнаю, мать готовила обед или кто-то другой. Я навестил те места спустя несколько дней после того, как мы приземлились в Ро-Атабри, но весь наш район давным-давно сгорел… еще во время бунтов… сгорел дотла… камня на камне не осталось. Зря я туда ходил — лучше бы сохранил старые воспоминания.

Услышав про деда, Толлер сразу оживился:

— А вы тогда часто виделись с моим дедом?

— От случая к случаю. Его было трудно не увидеть — здоровенный такой мужик, — но куда чаще я встречался с его братом, Лейном… тот только и делал, что курсировал между своим домом и резиденцией магистра Гло в Зеленогорской Башне.

— А мой дед… — Толлер вдруг осекся, и странная тревога закралась в его душу, ибо в окружающей среде произошла какая-то едва ощутимая и быстрая перемена. Он поднялся на ноги, при-

держиваясь за линь, чтобы не улететь с палубы, и огляделся по сторонам. Стинамирт, уткнув нос в воротник небесного костюма, сидел привязавшись ремнями к креслу у панели управления. Он методически то включал, то выключал главный двигатель, поддерживая подъемную тягу, и вроде бы ничего необычного не заметил. Казалось, все шло своим чередом в тесном микрокосме гондолы; за бортом по-прежнему сияли знакомые огоньки звезд и блестели спирали на фоне темно-синего неба.

— Сэр? — дернулась укутанная, разбухшая до неузнаваемости фигура Стинамирта. — Что-нибудь случилось?

Толлеру пришлось еще раз оглядеться по сторонам, прежде чем он понял причину своего беспокойства.

— Освещение! Освещение изменилось! Ты что, не заметил?

— Я, должно быть, мигнул тогда. Но я не…

— Свет словно выключился на секунду — я в этом уверен, а ведь до заката еще целый час. — Жалея, что солнца не видно, Толлер подплыл к панели управления и встревоженно заглянул в жерло баллона. Покрытая лаком поверхность парусины была выкрашена в темно-коричневый

цвет, чтобы лучше поглощать тепло солнечных лучей, но в некоторой степени она сохранила первоначальную прозрачность, и на ней явственно проступали швы между панелями и ленты обогревателей, которые только подчеркивали величину непрочного купола. Толлер был прекрасно знаком с внутренностями баллона и ничего особенного не обнаружил. Стинамирт тоже заглянул в баллон и, не сказав ни слова, уставился в пол.

— Говорю тебе, что-то не так. — Толлер тщетно пытался избавиться от охвативших его сомнений. — Что-то произошло. Освещение изменилось… тень…

— Согласно высотомеру, мы приближаемся к точке переворота, сэр, — сказал Стинамирт, пытаясь помочь. — Может быть, мы прошли прямо под станциями и на нас упала их тень.

— Нет, это бы заняло больше времени. — Толлер на мгновение нахмурился, принимая решение. — Сержант, разверните корабль.

— Я… мне кажется, я еще не готов к выполнению маневра.

— Я не прошу тебя выполнить переворот. Просто накрени судно, чтобы мы смогли увидеть, что происходит над нами. — Заметив, что все

еще сжимает в руках пищевой пакет, Толлер швырнул его в сторону пассажирского отделения. Пакет врезался в страховочный линь, закрутился и, раскачиваясь из стороны в сторону, поплыл над бортом гондолы.

Толлер подобрался к поручням и, вытянув шею, стал нетерпеливо ждать. Стинамирт принялся потихоньку поддавать тяги в один из небольших боковых двигателей на противоположном борту. Сначала показалось, что это не возымело никакого эффекта, лишь тонкие стойки по бокам от Толлера начали тихо потрескивать, но затем, после долгого ожидания, вселенная заскользила вниз, и затянутый водоворотами облачности диск Мира скрылся под ногами Толлера, а его глазам — постепенно выползая из-за баллона — предстало нечто такое, чего он никогда в жизни не видел.

Половину неба занимала огромная круглая поверхность, состоящая сплошь из белого огня.

Солнце уже зашло за ее восточный край, и эта кайма светилась невыносимо ярко, превратившись в центр ослепляющего излучения, миллиардами призматических игл разлетающегося по кругу.

Чем дальше от солнца, тем менее интенсивным

становилось свечение, но даже противоположная сторона диска сверкала так, что глазам было больно. Толлеру показалось вдруг, что он смотрит вверх из глубин залитого солнцем замерзшего озера. Он ожидал увидеть Верхний Мир, заполняющий небеса, но эта прекрасная, необъяснимая, невероятная поверхность из бриллиантово-белого света, пронизанная всеми цветами радуги, танцевавшими зигзагами и прыгающими из стороны в сторону, заслоняла планету.

Буквально прилипнув к поручням, не в состоянии даже пальцем шевельнуть, Толлер вдруг заметил, что это диковинное явление как бы сползает по небу. Обернувшись, он увидел, что Стинамирт с отвисшей челюстью глазеет на небосвод, а его зрачки превратились в крошечные белые пластинки, став миниатюрными подобиями феномена, который полностью зачаровал его.

— Я приказал лишь накренить судно! — рявкнул Толлер. — Немедленно остановите вращение, сержант.

— Прошу прощения, сэр. — Стинамирт засуетился, и боковой двигатель, установленный ниже по борту, где стоял Толлер, начал выплевывать вверх пары маглайна. Звук двигателя был едва слышен, окружающее пространство мгновенно

поглощало его, но мало-помалу желаемый эффект был достигнут, и судно неподвижно зависло параллельно океану белого пламени.

— Что там случилось? — Ворчливый голос Трая Кетторана, донесшийся из пассажирского отделения, вывел Толлера из оцепенения.

— А вы загляните за борт, — крикнул он посланнику, затем обратился к Стинамирту: — Как вы думаете, сержант, что это за штука такая? Лед?

Стинамирт медленно кивнул:

— Вроде это единственное объяснение, но…

— Но откуда взялась вода? На оборонных станциях имеется обычный питьевой запас, его количество не превышает нескольких баррелей… — Толлер запнулся, потому что на ум ему пришла внезапная мысль. — А кстати, где станции? Надо их найти. Или они закованы в этот… — И сразу же в его голове закрутились следующие вопросы: какой толщины этот лед? На каком он расстоянии от корабля? И вообще какова ширина этой гигантской круглой пластины?

Последний вопрос застрял у него в сознании, заслонив собой все остальное. Вплоть до этого мгновения Толлер был захвачен открывшимся его глазам зрелищем и ни на секунду не задумывался о грозящей опасности. Он испытывал

чувство удивления, восторга — но никак не угрозы. Теперь, однако, определенные физические факторы воздухоплавания начали приобретать прежнее значение — весьма насущное, если не сказать — жизненно важное…

Толлер знал, что атмосфера, окружающая две планеты, формой своей напоминает песочные часы, чья узенькая перемычка и формирует тот воздушный мост, которым пользуются небесные суда. Еще давным-давно было установлено, что кораблям следует держаться ближе к центру «моста» — иначе воздух становится таким разреженным, что человек начинает задыхаться от нехватки кислорода. По причине некоторой сложности проведения экспериментов в данной области пространства никто не знал, какова толщина слоя годного для дыхания воздуха, но даже по самым оптимистическим прогнозам он составлял не больше сотни миль в диаметре.

Загадочное море из пылающего под солнцем льда было абсолютно безликим и могло парить над судном неким «зонтиком» в десять, двадцать, сорок миль в поперечнике… Толлер понятия не имел, на сколько именно могло протянуться это гигантское озеро, но, по его прикидкам, оно занимало примерно треть видимого полушария,

а это давало достаточно информации для элементарных подсчетов.

Беззвучно шевеля губами, он смотрел на сверкающий диск и в уме перемножал цифры. Жуткий холод, не имеющий ничего общего со стужей окружающей среды, охватил его, когда он наконец закончил расчеты. Если диск висит примерно на расстоянии шестидесяти миль от них — а это вполне допустимо, — тогда, по непреложным законам математики, он достаточно широк, чтобы блокировать воздушный мост между Миром и Верхним Миром…

— Сэр? — словно из иной вселенной донесся до него голос Стинамирта. — Сколько, вы сказали, от нас до этой льдины?

— Замечательный вопрос, — хмуро отреагировал Толлер, вытаскивая из ящика панели управления корабельный бинокль. Он навел его на диск, пытаясь рассмотреть хоть что-то вразумительное, но повсюду взгляд натыкался лишь на сплошной слой сияния. Солнце полностью ушло за диск, освещая громадный круг уже более равномерно и тем самым еще больше осложняя расчет расстояния. Толлер повернулся к поручням спиной, потряс головой, прогоняя зеленоватые искорки из глаз, и посмотрел на

высотомер. До отметки абсолютной невесомости оставался зазор шириной в какой-то волосок.

— На эти приборы не следует так уж полагаться, сэр, — напомнил Стинамирт, не устояв перед искушением продемонстрировать свои знания. — Они были вымерены в мастерской, поэтому воздействие низких температур на пружину не учитывалось, и…

— Пощади меня, а? — взмолился Толлер. — Это очень важно — мне нужно узнать размеры этой… этой небесной штуковины.

— Можно подлететь к ней поближе и прикинуть, насколько она увеличилась.

— У меня есть идея получше, — покачал головой Толлер. — Пока я не уверюсь, что другого выхода нет, я назад не поверну, а следовательно, мы полетим к кромке круга. Его точный диаметр в милях вовсе не так важен. Самое главное — убедиться, можно или нет облететь это препятствие. Ты будешь управлять кораблем, или мне сменить тебя?

— Я бы не прочь немного попрактиковаться, сэр, — ответил Стинамирт. — Какой режим горелки?

Толлер нахмурился и про себя еще раз подосадовал, что до сих пор никто не изобрел достаточно

практичный спидометр для небесных кораблей. Когда баллон начинает преодолевать сопротивление воздуха, опытный пилот может на глаз прикинуть скорость по ослаблению линя, но огромное количество исключений делает точное определение скорости судна невозможным. Для ученых умов Колкоррона задача изобретения надежного прибора не представляла особого труда, просто никогда не возникало нужды в подобном инструменте. Функции, исполняемые небесными кораблями, были достаточно просты: путешествовать вверх-вниз между поверхностью планеты и зоной невесомости. Такой полет обычно длился примерно пять дней в один конец, и плюс-минус несколько миль в час не играли роли.

— Установи два и шесть, — сказал Толлер. — Представим себе, что мы поднимаемся со скоростью двадцать миль в час, и будем на этом основываться.

— Но какова природа этой преграды? — изумился из-за спины Толлера посланник Кетторан. Он висел над каютой, одной рукой придерживаясь за бортик, а другой прижимая к себе одеяло.

Толлер хотел было попросить старика лечь и не переутомлять себя, ибо врач на базе прописал

Кетторану полный покой, но затем ему пришло в голову, что в невесомости не имеет значения, в каком положении пребывает человек со слабым сердцем. Отдавшись на волю фантазий, он придумал новое использование той жалкой, маленькой группки станций обороны, крутящейся в зоне невесомости. Установить там хорошую систему обогрева, наладить снабжение кислородом, и они вполне могут служить своего рода санаториями для тех, кому прописан щадящий режим. Даже калеки могли бы…

— Я к тебе обращаюсь, юный Маракайн, — брюзжал тем временем Кетторан. — Каково твое мнение об этом крайне любопытном объекте?

— Мне кажется, он может состоять изо льда.

— Но откуда взялось такое огромное количество воды?

— Со звезд к нам прилетают целые глыбы камня, встречаются даже металлы, — пожал плечами Толлер. — Может быть, где-то в пространстве кружатся и ледяные астероиды.

— Весьма правдоподобная гипотеза, — буркнул Кетторан. Он театрально кивнул, и его серьезное лицо, раскрасневшееся от холода, медленно скрылось из виду. Генерал вернулся в свой кокон из пуховых одеял. — Это знамение, — добавил он.

Голос его прозвучал приглушенно и был едва слышен из-за перегородки. — Я сразу чую знамения.

Скептически улыбнувшись, Толлер покачал головой и вернулся на свою вахту у поручней гондолы. Указав, с какой периодичностью следует использовать боковые двигатели, он помог Стинамирту вывести судно на курс, который под некоторым углом вел к западной кромке огненной поверхности. Главный двигатель тихо гудел, и Толлер видел, что скорость судна вполне может составлять предложенные им двадцать миль в час, однако прошло несколько минут, а размеры круга ничуть не изменились.

— Наш новый знакомый, новоявленное «знамение», оказывается, внушительный гигант, — сказал он Стинамирту. — Думаю, нам придется очень постараться, если мы хотим все-таки обогнуть его.

Еще раз пожалев, что под рукой нет даже простейшего навигационного инструмента, доступного на самом примитивном воздушном корабле, Толлер вновь обратил взгляд на восточную часть огромного круга, как бы подгоняя его, и попытался убедить себя, что корабль значительно продвинулся вперед. Ему уже начало казаться, что угол и впрямь заметно изменился, когда по

поверхности мерцающей пластины побежали огромные радужные волны. Они летели с ошеломляющей скоростью, пересекая весь диск за какие-то считанные секунды. Сердце Толлера замерло при виде этих космических метаморфоз, которые в очередной раз напомнили ему, что по сравнению с грандиозностью вселенной дела человеческие пусты и незначительны. Скрытое ледяным экраном солнце стало опускаться за Верхний Мир. Как только пучки лучей, порожденные отражением солнечного света от атмосферы планеты, исчезли в бесконечных пространствах космоса, ослепительное сияние диска начало меркнуть. Зона невесомости погружалась в ночь.

Здесь, у самой точки переворота, различие между определениями «ночь» и «малая ночь» полностью стиралось. Каждый суточный цикл включал в себя два периода тьмы, приблизительно равных по своей продолжительности, и Толлер знал, что рассвета следует ждать только через четыре часа. Для своего воцарения ночь вряд ли могла выбрать более неподходящее время.

— Сэр? — Стинамирту, превратившемуся в свете угасающего солнца в наделенный разумом кокон, даже не пришлось полностью формули-

ровать вопрос.

— Продолжаем следовать прежним курсом, но пропорции тяги уменьшить до одного к шести, — приказал Толлер — Мы всегда сможем отключить двигатели, если собьемся с курса. И еще раз проверь баллон, хорошо ли он накачан воздухом.

Положившись на опытность Стинамирта, Толлер остался у поручней и снова принялся изучать диск. Солнечный свет все еще отражался от Мира, который висел теперь прямо за спиной, поэтому ледяная стена оставалась хорошо видимой. Однако, поскольку освещение изменилось, Толлер начал различать некоторые детали внутреннего строения диска: в сердцевине его протекали реки бледно-фиолетового оттенка, они разделялись снова и снова и, наконец, исчезали, теряясь в далеких отблесках.

«Они похожи на сосуды, — подумал Толлер. — На сосуды в каком-то гигантском глазе…»

На Мир набегала тень от планеты-сестры, и диск медленно превращался в некое поле черноты, но края его были ясно видны на фоне блестящих точек звезд. Остальная часть небосвода зажглась привычным сумасшествием галактик, мерцающих круглых или эллипсоидных водоворотов, к которым добавлялись бесформенные полосы

света, мириады звезд, кометы и шустрые метеоры. На фоне этого переливающегося великолепия диск выглядел еще таинственнее, чем прежде, — равнодушная стена ночи, которая не имела права существовать в упорядоченной вселенной.

Воспользовавшись килевой качкой судна, Толлер выглянул вперед и с удовлетворением отметил, что корабль движется прямо на западный край загадочного диска. Уныло тянулись часы темноты, воздух постепенно стал гораздо разреженнее, и легкие начали требовать больше кислорода — неопровержимое свидетельство того, что судно уже прилично удалилось от центра невидимого мостика, соединяющего две планеты. Кетторан не жаловался, но его дыхание превратилось в серию тяжелых хрипов. Налив в пакет воды, он периодически бросал туда несколько щепоток огненной соли и прикладывался к пакету, шумно вдыхая.

Когда наконец яркая полоска на западной оконечности диска ознаменовала появление солнца, Толлер обнаружил, что теперь край замерзшего озера виден даже тогда, когда судно идет ровно. Чувство перспективы вернулось, и в дело вступила геометрия.

— Осталась миля, не больше, — объявил он Сти-

намирту и Кетторану. — Еще несколько минут, и мы перевалим через край и полетим обратно к центру, туда, где сможем нормально дышать.

— Как раз вовремя! — Лицо Кетторана, спрятавшееся в глубинах капюшона, появилось над бортом пассажирского отделения. — И далеко от центра мы залетели?

— Если брать за основу наш первоначальный курс, миль на тридцать… — Толлер оглянулся на Стинамирта, и тот подтверждающе кивнул. — А это означает, что мы имеем дело не с озером, а с морем льда протяженностью в шестьдесят миль от края до края. Я собственным глазам не могу поверить, хотя смотрю прямо на эту штуковину. А в Праде нам тем более никто не поверит.

— Мы докажем.

— Как? Заставим взглянуть в телескопы?

— Нет, наш рассказ подтвердит твоя знакомая — графиня Вантара. — Кетторан смахнул каплю воды с кончика носа. — Ее корабль пролетал здесь за несколько дней до нас.

— Разумеется, вы абсолютно правы. — Толлер слегка удивился тому, что за последнее время еще ни разу не вспомнил о Вантаре. — Лед… или барьер… в общем, что бы это ни было… возможно, оно уже висело здесь, когда она летела с планеты

на планету. Мы сможем сравнить наши впечатления.

Предвкушая грядущее обсуждение — удачный предлог для встречи, где бы сейчас ни находилась Вантара, — Толлер погрузился в размышления о том, как бы половчее перевалить через край диска. По сути дела, маневр был не так уж и сложен. Кораблю надо пройти как можно ближе к западной оконечности диска, совершить обычный переворот и вернуться к центру атмосферного моста, где воздух обретет нормальную плотность.

Оставив Стинамирта у рычагов управления, он снова подплыл к поручням и, заняв наиболее выгодную точку обзора, принялся давать подробные инструкции по управлению кораблем. Судно, приблизившись к ободку круга, сбросило скорость и теперь еле тащилось, но по прошествии нескольких минут до Толлера вдруг дошло, что на то, чтобы достигнуть кромки ледяной стены, потребуется гораздо больше времени, чем он предполагал. Охваченный смутным подозрением, он направил бинокль на край. В глаза ему ударило близкое солнце, швырнув в линзы увеличительного прибора миллиарды крошечных игл, однако Толлеру все-таки удалось рассмотреть, где именно заканчивается лед. На самом деле до него

оставалось не больше фарлонга, но в бинокль он казался куда ближе.

Толлер удивленно хмыкнул, обнаружив, что кромка замерзшей воды ведет себя как живая.

Вместо ожидаемой неподвижности ледяного круга его глазам предстала некая бурлящая кристаллическая масса. Стеклянные призмы, шипы и ветви, каждая высотой с человека, с необычной быстротой выбрасывались из глубин озера. В целом зрелище было подобно лавине какого-то дыма, которая с каждой секундой все больше увеличивала поверхность круга: оказываясь на студеном воздухе, каждая такая «призма» или «веточка» быстро застывала, рассыпая во все стороны лучи света, чтобы тут же быть поглощенной своими родственницами в бешеном, сверкающем, стеклянном пенообразовании.

Окаменев на мгновение, Толлер удивленно уставился на феномен, захваченный неожиданной и невероятной красотой происходящего, поэтому лишь через несколько минут первая разумная мысль пришла ему в голову: «Этот барьер растет почти с такой же скоростью, с какой движется наш корабль!»

— Поддать пару! — крикнул он Стинамирту, и голос его колкими хрусталиками рассыпался в

лютой, враждебной стуже разреженной атмосферы. — Иначе нам никогда не увидеть дом!

Во время перехода через зону невесомости генерал Кетторан выглядел вполне здоровым, но когда до поверхности Верхнего Мира оставалось каких-то несколько тысяч футов, был сражен новым приступом болезни. Все произошло внезапно — только что он стоял рядом с Толлером у поручней гондолы, разглядывая знакомый пейзаж, проплывающий под кораблем, а в следующее мгновение уже лежал на спине, не в силах даже пальцем пошевелить, и лишь в его испуганных глазах светился разум, запертый внутри вышедшей из повиновения телесной оболочки. Толлер отнес его на койку, опустил на груду одеял, вытер пенистую струйку слюны, показавшуюся в уголке его рта, и кинулся устанавливать мигалку.

Боковой занос был больше обычного, поэтому кораблю пришлось опуститься в двадцати милях к востоку от Прада, однако послание Толлера вовремя достигло цели. Внушительная группа карет и всадников — в том числе и юркая воздушная шлюпка, разукрашенная в серо-голубые королевские цвета, — встречала их на месте посадки. Спустя пять минут после приземления посланника уже перенесли на борт шлюпки, и

Кетторан отправился на встречу с королевой Дасиной, ожидавшей его в жарко натопленных палатах дворца.

Толлеру так и не удалось попрощаться с Кетторaном, с которым, несмотря на разницу в возрасте и положении в обществе, он очень сдружился. Проводив взглядом шлюпку, скрывшуюся за позолоченным западным горизонтом, он ощутил неожиданный приступ вины и не сразу сумел определить ее источник. Толлер, конечно, очень беспокоился за здоровье посланника, но в то же время — и от этого факта никуда не уйти — он отчасти был благодарен судьбе, которая, поразив старика недугом, очень вовремя откликнулась на мольбы Толлера. Иначе ему бы никогда не удалось настолько быстро вернуться на Верхний Мир. А теперь встреча с Вантарой не за горами.

«Что же я за монстр такой? — подумал он в ужасе от собственного эгоизма. — Я, наверное, худший из…»

Самобичевание Толлера было прервано появлением отца и Бартана Драмме, вылезавших из кареты, только что прибывшей на место посадки. Оба были облачены в серые клетчатые штаны и доходящие до колен плащи, вышитые голубым шелком, — этот официальный стиль одежды

показывал, что они примчались прямиком с какого-то важного городского собрания. Толлер радостно устремился навстречу отцу, крепко обнял его, а затем пожал руку Бартану.

— Вот уж действительно не ждали, — сказал Кассилл Маракайн, и улыбка оживила его бледное треугольное лицо. — Досадно, конечно, что посланник так плох, но будем надеяться, королевские врачи — коих в нынешние времена с избытком — быстро поставят его на ноги. Как у тебя дела, сынок?

— Все хорошо. — Толлер с любовью посмотрел на отца, к которому всегда питал нежные и добрые чувства, но затем более насущные проблемы напомнили о себе, и он повернулся к Бартану Драмме. Последний был единственным оставшимся в живых участником легендарной экспедиции на Дальний Мир, внешнюю планету местной системы, и считался ведущим экспертом Колкоррона во всем, что касалось астрономии.

— Отец, Бартан, — сказал Толлер, — за последние десять — двадцать дней вы хоть раз наблюдали за небом? Вы не заметили ничего необычного?

Мужчины обменялись настороженными взглядами.

— Ты имеешь в виду голубую планету? — спросил Бартан.

— Голубую? — нахмурился Толлер. — Вовсе нет, я говорю о барьере… стене… об озере льда… в общем, называйте это явление как хотите… которое объявилось в зоне переворота. Сейчас оно раскинулось по меньшей мере на шестьдесят миль в ширину и с каждым часом все увеличивается. Его что, с земли незаметно?

— За последние дни ничего из ряда вон выходящего не наблюдалось, хотя, по-моему, телескопом Гло не пользовались с тех самых пор, как… — Бартан запнулся и смерил Толлера недоверчивым взглядом. — Толлер… в зоне невесомости неоткуда взяться образованию из льда — там просто нет воды. Воздух слишком сух.

— Именно лед! Или какая-то кристаллическая субстанция. Я своими глазами видел! — Вполне предсказуемая недоверчивость собеседников вовсе не удивила его, однако в глубинах подсознания зашевелился тревожный червячок беспокойства. Разговор протекал как-то не так. Он должен был вестись совсем по-другому, но некий фактор — скорее всего глубоко укоренившееся нежелание посмотреть в лицо действительности — на мгновение парализовал умственные

процессы.

Бартан терпеливо улыбнулся:

— Ну, наверное, в одну из станций обороны угодил метеорит, и, возможно, произошел взрыв, который и раскидал кристаллы по всей зоне невесомости. Они, должно быть, плавают там, вступают друг с другом во взаимодействие, образуют огромные облака пара. Мы оба прекрасно знаем, что сгусток пара со стороны может выглядеть очень даже плотной и твердой структурой… ну, скажем, как сугроб снега или…

— Графиня Вантара, — с застывшей на губах улыбкой перебил Толлер, еще стараясь сдерживаться, но страх гигантской волной накрыл его, и он почти прокричал: — Она вылетела за девять дней до нас! Графиня ни о чем необычном не докладывала?

— Понятия не имею, о чем ты говоришь, сынок. — Кассилл Маракайн произнес то, к чему Толлер уже успел внутренне подготовиться. — Ты первый, кто вернулся с Мира. А графиню Вантару никто не видел с тех самых пор, как она отправилась в эту экспедицию.

ЧАСТЬ II

ТАКТИКА ОТЧАЯНИЯ

Глава 8

Дививвидиву привиделся замечательный сон, в котором каждая секунда взятого из детства дня уподоблялась тщательно ограненному бриллианту. Избранный им день был восемьдесят первым в Цикле Чистого Неба. Его высший мозг задействовал воспоминания об имевших место в действительности событиях как подоснову для грезы, а затем удалил ту часть, которая не отличалась совершенством, и заменил ее вновь придуманными ходами. Содержание этих искусственных отделов было изумительным, а слияние их с остальным полотнищем сна — настолько полным, что Дививвидив проснулся, исполненный счастья и довольства. Впервые в грезу не закралось ни одной нотки, ни единого намека на вину, довлеющую над ним сейчас, и он знал, что в будущем не раз сможет вернуться к этому сну, который если и изменится, то только

самую малость.

Несколько мгновений он неподвижно лежал в слабом поле искусственной силы тяжести, обволакивающем его кровать, и наслаждался приятными ощущениями, когда вдруг почувствовал, что Кса стремится выйти с ним на связь.

«В чем дело?» — спросил он, садясь на постели.

«Ничего особенного, Возлюбленный Создатель, поэтому я и решил подождать, пока ты не вернешься к сознанию естественным путем», — сразу же ответил Кса, используя при этом желтоватый цвет, означающий уверенность.

«Очень разумно с твоей стороны. — Дививвидив начал массировать мышцы рук, готовясь к физической активности. — Я чувствую, у тебя есть хорошие новости. И в чем же они заключаются?»

«Судно примитивов возвращается, на борту его две особи мужского пола, только на этот раз они вовсе не собираются облетать меня с краю».

Дививвидив немедленно ожил:

«Ты в этом абсолютно уверен?»

«Да, Возлюбленный Создатель. Один из этих мужчин на чувственном уровне связан с одной из тех женщин. Он считает, что она и ее попутчицы повредили корабль, столкнувшись в темноте с

моим телом, и после этого укрылись в одной из хижин, что мы обнаружили в зоне невесомости. Он намеревается найти и спасти эту женщину».

«Как интересно! — отреагировал Дививвидив. — Эти создания, должно быть, испытывают необычайно сильную склонность воспроизводить свой род с одним-единственным партнером. Сначала мы узнали об их умственной слепоте, а теперь еще и это… сколько же напрасных препятствий вынуждена преодолевать разумная раса в борьбе за выживание?»

«О Возлюбленный Создатель, вопрос, сформулированный подобным образом, не имеет никакого смысла».

«Я другого и не ожидал. — Дививвидив обратился к более насущным делам. — Скажи мне лучше, эти самцы-примитивы уже поняли, что ты принадлежишь к определенному классу объектов и что раньше ни с чем подобным они не сталкивались?»

«Объектов? Объектов?»

«Созданий. Конечно же, мне следовало отнести тебя к созданиям. Но как они воспринимают тебя?»

«Как природное явление, — ответил Кса. — Как некое образование из льда или какой-то иной

кристаллической материи».

«Это очень кстати — они направят свою потенциальную энергию на причинение вреда, а мы тем временем легко справимся с ними».

Дививвидив переключился на режим высшего мозга, чтобы Кса не подслушал его мысли. Отлов опытных экземпляров примитивов для личного изучения директором Заннананом был в некотором роде вольностью, незапланированным отступлением от великого проекта, и если тело Кса понесет какие-либо повреждения, наказание будет ужасным. Его, Дививвидива, наверняка подвергнут личностной модификации — так карали тех, кто позволил себе забыть об обязанностях. Кроме того, проект был самым важным предприятием за всю историю его народа. Будущее целой расы…

«Возлюбленный Создатель! — непрошеным гостем вторгся зов Кса. — У меня есть к тебе один вопрос».

«Какой же?» — сказал Дививвидив, надеясь, что Кса не собирается вновь погружаться в утомительные размышления по поводу собственного будущего. Искусственного интеллекта Кса не хватало, чтобы воссоздать самого себя, но его разработчики — обитатели самых высоких этажей

Дворца Чисел — вряд ли могли предвидеть, что это существо настолько продвинется в личностном самопознании.

«Скажи мне, Возлюбленный Создатель, — спросил Кса, — что такое Трос?»

Потрясение, вызванное этим вопросом, было столь внезапным и настолько мощным, что у Дививвидива резко закружилась голова, и он утратил контроль над сознанием. На одно драгоценное мгновение он почти открыл для Кса доступ к сетям высшего мозга, и усилие, которое пришлось ему приложить, чтобы вновь закрыть сотни нервных окончаний, полностью вымотало его.

Использовав ритуал под названием «глаз урагана», чтобы восстановить спокойствие, он сказал:

«Кто говорил с тобой о Тросах?»

Кса несколько задержался с ответом, но потом все-таки произнес:

«Во всяком случае, не ты, Возлюбленный Создатель, да и вообще никто. Это понятие лишь недавно возникло вокруг меня. Оно постоянно повторяется в умах миллионов разумных существ, но стоящие за ним концепции слишком расплывчаты, чтобы уяснить их во всей полноте. Я знаю только, что это слово ассоциируется со страхом…

с ужасной боязнью перестать существовать…»

«Тебе не о чем беспокоиться, — ответил Дививвидив, используя всю известную ему технику убеждения, чтобы придать лжи оттенок правдивости. — Это слово — не больше чем пустой звук. Корни его происхождения лежат в областях заблуждений человеческого мозга — в повреждении логических связей, так ты это называешь, — в метафизике, в религии, в предрассудках…»

«Но почему оно начало воздействовать и на мое сознание?»

«Не знаю. Причиной тому может быть какой-нибудь прилив, течение, умственная воронка. Ты беспокоишься о вещах, которые тебя абсолютно не касаются. Я приказываю тебе забыть об этом и сконцентрироваться на исполнении данного тебе задания».

«Слушаюсь, Возлюбленный Создатель».

В душе благодарный Кса за такую покладистость Дививвидив прервал телепатическую связь и поплыл к ближайшему шлюзу. Натягивая скафандр, который должен был уберечь его от холода внешнего пространства, он с некоторой тревогой размышлял над использованием Кса термина «Трос». Значит ли это, что способности Кса к непосредственной связи продолжают

прогрессировать? Или на родной планете Дививвидива случилось нечто такое, от чего страх еще больше усилился и по всему окрестному космосу разлетелись соответствующие телепатические импульсы?

Дививвидив вошел в шлюз и закрыл внутренний затвор. Стоило ему распахнуть наружную дверь, как в лицо и в глаза впилась страшная стужа, а дышать стало настолько больно, что несколько секунд он просто-напросто бессильно задыхался. Перед ним раскинулись металлические площади станции, некоторые из них были покрыты плоскими и голыми пластинами, а на других возвышались всевозможные машинные комплексы. Далеко выдвинутая в залитый солнцем воздух антенна телепортационной установки представляла собой скопление тонких и причудливо изогнутых проволок, и периодические вспышки зеленых разрядов на их кончиках показывали, что в данный момент Кса подпитывается. За пределами угловатой глыбы станции разливалось море хрустально-белого сияния — тело Кса. Разросшееся до невозможных размеров, оно захватило полнебосвода.

Без помощи приборов глаза Дививвидива были не способны фокусироваться на бесконечности

вселенной, поэтому видимый космос, протянувшийся за белым горизонтом, сводился к картине солнца и одной из местных планет, на заднем фоне которых были наляпаны какие-то размытые светлые пятна. Дививвидив сосредоточил свое внимание на голубой точке, которая была его родной планетой под названием Дуссарра, и спустя считанные секунды вступил в контакт с директором Заннананом.

«В чем дело? — спросил Заннанан. — Как осмелился ты помешать моей работе?»

«У меня хорошие новости, — отозвался Дививвидив. — Так уж неудачно сложились обстоятельства, что представители примитивов, которых я отослал вам, — сплошь женские особи. Не повезло нам и со вторым судном, содержащим самцов-примитивов, — эти создания вовремя заметили Кса и облетели его стороной».

«Ты сказал, что у тебя хорошие новости». — Слова Заннанана сопровождались цветами, означающими растущее раздражение.

«Да! То же самое судно примитивов сейчас приближается к зоне невесомости, и находящиеся на борту верят — или надеются, — что потерявшиеся самки укрылись в зданиях, вращавшихся неподалеку от нас. И на этот раз, директор, я поймаю

их, потому что — как естественное следствие предыдущего физического контакта — самцы совершают повторное восхождение с единственной целью — освободить своих самок. Они летят прямо ко мне в руки».

«Это совершенно невероятно, — изумился Зананан. — Ты уверен?»

«Абсолютно».

«Действительно, хорошая новость — никогда не думал, что представителей какой-либо разумной расы могут связывать столь крепкие узы. Я с нетерпением жду самцов-примитивов, чтобы провести некоторые эксперименты».

«Для меня великая честь служить вам, — сказал Дививвидив, довольный тем, что директор одобрил его действия. — Пока мы беседуем в неформальной обстановке, могу ли я затронуть еще один вопрос?»

«Конечно».

«Сознание Кса достигло новых уровней, и недавно он поинтересовался у меня, что такое Тросы».

«Он что-нибудь понимает? Догадывается о чем-либо?»

«Нет. — Дививвидив помедлил, обдумывая, как бы поделикатнее изложить следующий во-

прос. — Но я уловил странные полутона… Что-то случилось?»

«Я вынужден ответить — да, случилось. — Последовала краткая пауза, а когда директор Заннанан снова заговорил, его слова омрачали необычные цвета, выражающие сомнения и дурные предчувствия. — Как тебе, наверное, известно, одна мощная фракция в нашем обществе вынудила ученых пересмотреть оценку местной ситуации, и самая последняя информация послужила дополнительным доказательством того, что Тросы действительно существуют. Также весьма вероятно то, что по меньшей мере двенадцать Тросов пересеклись когда-то неподалеку от нашей галактики — а ведь раньше заявляли, что их было всего семь.

А если это действительно так, то вскоре перестанет существовать не только наша галактика — сотни других галактик по всему космосу будут аннигилированы».

«Понимаю». — Дививвидив прервал ментальный контакт, и окружающий холод с новой силой вцепился в него своими клешнями.

«Вот ведь странно, — подумал он. — Почему силы, грозящей расправиться с миллионом других галактик, следует опасаться больше, чем той,

которая вот-вот должна уничтожить нашу систему, — тем более что и в том, и в другом случае меня ждет один конец? И почему меня так беспокоит намерение моего народа стереть с лица вселенной какие-то две неразвитые планетки с малочисленным населением, когда весь космос находится под угрозой гибели?»

Глава 9

На протяжении последних пятидесяти миль полета Толлер и Стинамирт, то включая, то выключая боковые двигатели, положили судно набок. Сделали они это, чтобы заранее увидеть вереницу деревянных станций и на подлете избежать горизонтального сноса. Даже в условиях отличной видимости обнаружить эти постройки было нелегко, а сейчас, когда небо заполонило море из кристаллов и солнечный свет разливался потоками бриллиантово-белых искр, Толлеру казалось, что на это уйдет немало времени. Каково же было его удивление, когда, приблизившись к мерцающему диску на тридцать миль, он вдруг различил небольшую черную точку в самом его центре. Подплыв поближе, он рассмотрел в бинокль, что это сооружение — хоть и весьма

неверных очертаний — состоит из ровных линий и прямых углов. Его силуэт напоминал план очень большого здания, которое достраивали до бесконечности, в результате чего оно превратилось в один огромный беспорядочный комок.

На какое-то мгновение Толлер просто не поверил собственным глазам — такому не было места в его картине действительности, — но вдруг почувствовал некий болезненный ментальный сдвиг…

— Что бы это ни было, — сказал он Стинамирту, — вряд ли оно могло вырасти само по себе, подобно кристаллу льда. Должно быть, это какая-то станция, но…

— Но построенная иными существами, — подсказал Стинамирт.

— Верно. Эти размеры… Словно небесный дворец.

— Или крепость. — Стинамирт невольно понизил голос, будто таясь от кого-то, видимо, совершенно забыв о том, что они с Толлером абсолютно одни, затерянные на маленьком кораблике в глубинах зоны невесомости. — А может быть, это дальнемирцы в конце концов решили покорить нас?

— Если так, то они избрали весьма странный

способ, — нахмурился Толлер, инстинктивно отвергая угрозу военного вторжения с третьей планеты. Из тех, кто выжил в той легендарной экспедиции на Дальний Мир, предпринятой много лет назад, только Бартан Драмме дожил до нынешних времен, и Толлер не раз слышал от него, что дальнемирцы предпочитают вести замкнутый образ жизни и страсть к покорению новых колоний им неведома. Кроме того, это загадочное море из живых кристаллов и гигантская станция каким-то образом связаны между собой. Вряд ли командующий военными силами — каким бы нездешним складом ума он ни обладал — начал бы вторжение со столь бессмысленных действий.

— Нет, это нечто совсем иное, — продолжал Толлер. — Мы знаем, что вокруг далеких звезд кружится множество других планет, а также и то, что на некоторых из них имеются цивилизации, намного превосходящие нас в своем развитии. Возможно, мой юный друг, то, что мы наблюдаем над нашими головами, есть… есть один из множества дворцов, принадлежащих какому-нибудь невообразимому королю королей. Возможно, эти просторы льда служат ему охотничьими угодьями… это его леса, где водится его причудливая

дичь…

Толлер замолк, потерявшись в экзотичной пышности собственного видения, но тут же весьма своевременный вопрос Стинамирта вернул его к реальности:

— Сэр, следуем прежним курсом?

— Конечно! — Для удобства Толлер откинул шарф, закрывающий нос и рот, и его слова отчетливо разнеслись в холодном воздухе. — Я все же думаю, что графиня и ее команда спаслись на одной из наших станций, но если там их не окажется… Что ж, придется нам заглянуть еще в одно место.

— Так точно, сэр.

Глаза Стинамирта, еле видные в узкой щелочке между шарфом и капюшоном, остались прежними, будто бы ничего необычного не произошло, но Толлера поразила фантастическая нотка, скрытая в собственных словах. Сердце его ледяной хваткой сжал страх, и он невольно положил руку на эфес меча.

Этот страх зародился в душе Толлера, как только он впервые услышал об исчезновении Вантары: кто мог поручиться, что графиня еще жива? Но он отказался признать свои опасения, выкинув их из головы и проникшись напускным

оптимизмом. Тогда Толлер целиком ушел в подготовку спасательной экспедиции, но ситуация осложнилась — добавились новые элементы, причудливые, чудовищные, необъяснимые, и теперь невозможно было даже представить, что их приключение закончится благополучно.

Шесть деревянных клетушек больше были известны как Группа Внутренней Обороны — это название прицепилось к ним со времен межпланетной войны, хотя на данный момент оно вряд ли было уместно.

Толлер и Стинамирт обнаружили их со стороны Верхнего Мира — станции примерзли к огромному диску примерно в двух милях от чужой конструкции. Совершив разворот, Толлер зашел к деревянным цилиндрам с внешней стороны, предусмотрительно придерживаясь такого курса, чтобы они все время находились между его кораблем и непонятной угловатой структурой на диске. Он специально избрал такую тактику, надеясь скрыться от чуждого ока, хотя и сам еще не верил, что в металлической конструкции могут обитать живые существа. Она глубоко ушла внутрь кристального барьера, и при внимательном рассмотрении в бинокль выглядела громадным безжизненным меха-

низмом — непостижимой машиной, закинутой в зону невесомости для выполнения какой-то непостижимой задачи столь же непостижимыми творцами.

Судно плыло всего в фарлонге от цилиндров, и Толлер постепенно убеждался, что они пусты. Группа Внутренней Обороны сгрудилась у поверхности замерзшего моря, захваченная тонкими ветвями кристаллов. Четыре цилиндра предназначались для жилья, и там же хранились все запасы, а две другие, более вытянутые станции были точными копиями того космолета, который когда-то отправился на Дальний Мир. Все они обладали одной общей чертой — видимым отсутствием обитателей.

Если бы Вантара и ее команда ждали в какой-то из деревянных оболочек, они бы непременно установили вахту и к этому времени уже просигналили приближающемуся кораблю. Но никаких признаков человеческой деятельности заметно не было. Все иллюминаторы оставались темными пятнами, а корпуса выглядели так же, как в первое их посещение Толлером, — безразличные реликты давно ушедших дней.

— Будем заходить внутрь? — спросил Стинамирт. Толлер кивнул.

— Мы должны… по идее, так мы и должны поступить… но… — Горло его болезненно сжалось, и он вынужден был прерваться на секунду. — Но ты же сам видишь, что там никого нет.

— Мне очень жаль, сэр.

— Ничего. — Толлер взглянул на странное, чуждое человеческому глазу здание, купол которого торчал над ледяной шапкой в нескольких милях слева.

— Если бы это был небесный дворец — как я недавно предположил в своих глупых фантазиях — или даже крепость, я бы до последнего продолжал надеяться, что они спаслись именно там. Я бы даже предпочел, чтобы они стали пленницами захватчиков с другой звезды, — но эта штука выглядит бездушной железной болванкой… Машиной… Вряд ли Вантара решила там укрыться.

— Если только…

— Продолжай, Бэйтен.

— Если только ею не двигало отчаяние. — Стинамирт заговорил быстро, будто боялся, что его предположения с ходу отвергнут. — Мы же не знаем, какова была ширина ледового барьера, когда графиня достигла его, но, если она подлетела к нему ночью — и произошло столкновение, в котором ее судно потерпело крушение, — она

должна была высадиться на противоположной стороне барьера, то есть со стороны Мира, а не здесь, сэр. Она не могла добраться до наших станций и в этих обстоятельствах, безусловно, сочла бы машину вполне приемлемым местом для укрытия. Кроме того, сэр, эта станция достаточно велика, и наверняка в ней имеются какие-то двери, ведущие внутрь…

— Прекрасно! — перебил его Толлер. Тьма неведения у него в голове вдруг озарилась внезапной догадкой. — А я еще кое-что могу предположить! Я-то подходил к проблеме, принимая графиню за обыкновенную женщину, а это ведь очень далеко от правды. Мы говорим о случайном столкновении, но такого столкновения могло и не быть. Завидев столь необычные механизмы, Вантара бы непременно высадилась на станции, чтобы обследовать их лично!

А значит, в настоящую минуту она и вся ее команда наблюдают за нами в какую-нибудь щелку. А быть может… несколько дней они обследовали эту машину, а затем решили вернуться на Мир. Они могли незаметно проскочить мимо нас, пока мы возились с посланником, — два корабля способны легко разминуться, такое и раньше случалось. Ты согласен, что такое могло произойти?

По той готовности, с какой Стинамирт закивал, Толлер понял, что вновь позволил эмоциям взять верх над собой, но черному отчаянию, которое он уже начинал ощущать, необходимо было противостоять как можно дольше и всеми доступными способами. Неожиданно проникшись новой надеждой, он не придавал значения тому, что ведет себя как ребенок, что настоящий Толлер Маракайн действовал бы совсем иначе, — тут Толлер снова открыл для себя свет и намеревался оставаться в нем как можно дольше.

Почувствовав, что пришла пора предпринять решительные действия — весь организм буквально гудел от распирающей его внутренней энергии, — он азартно ухмыльнулся Стинамирту:

— Кончай забавляться с панелью управления — для нас наметилась кое-какая работенка!

Они развернули корабль и выключили двигатель; не долетев каких-то пятидесяти ярдов до ближайшего из деревянных цилиндров, судно остановилось. Гондола прилепилась к сверкающей поверхности барьера, которая при близком рассмотрении оказалась очень неровной — «озеро» выглядело беспорядочной мешаниной из кристаллов размером с человека. Большинство

из них были шестиугольной формы, остальные представляли собой либо цилиндры, либо прямоугольники, а внутренности их были пронизаны бледно-фиолетовыми жилками. Зрелище поражало своим великолепием — на бесконечные мили во все стороны простиралась неземная, переливающаяся всеми цветами радуги красота.

Толлер и Стинамирт нацепили друг на друга воздухоструи и быстренько облетели все шесть цилиндров станций. Как и предполагалось, они были сплошь набиты провизией, хранившейся здесь на случай непредвиденной ситуации, но так и не пригодившейся. Оболочки станций, сделанные из лакированных балок и уплотненные полосами черного железа, больше смахивали на могильные склепы — такие же холодные и молчаливые. Толлер лишний раз порадовался, что догадался подумать о возможности высадки Вантары и ее команды на станции чужаков, иначе посещение и осмотр этих мрачных корпусов причинили бы ему невыносимое страдание.

Уже заканчивая облет, он вдруг заметил, что кристаллы барьера весьма странно облепили цилиндры станций. Вместо того чтобы полностью подмять под себя деревянные корпуса, что казалось Толлеру вполне естественным, они

окружили каждый из них узенькой шипастой порослью. Если бы его мысли не были заняты грядущим предприятием, он бы непременно заинтересовался этим фактом.

Когда формальный осмотр был завершен, они со Стинамиртом, оставляя за собой шлейф белого пара, вернулись на судно и, взяв семь парашютов и столько же комплектов экипировки для затяжных прыжков с высоты, отнесли их на ближайшую станцию. Толлер настоял на этой предосторожности, опасаясь, что баллон корабля может повредиться во время маневров у хрустальных шипов барьера.

Имея на руках парашюты, он, Стинамирт и все, кого они смогут спасти, не будут зависеть от небесного корабля, когда придет пора возвращаться на Верхний Мир. Защищенные от страшного холода шерстяными коконами, предназначенными для прыжков с парашютом, они могут сутками падать к поверхности планеты и раскрыть парашюты лишь тогда, когда до земли останется несколько тысяч футов. Каким бы устрашающим ни казался такой прыжок, за все минувшие годы произошел всего один смертельный случай — по-видимому, пилот так крепко заснул, пригревшись в теплых глубинах кокона,

что не успел вовремя выбраться из мешка и раскрыть парашют.

Оставив судно висеть на прежнем месте, Толлер и Стинамирт отправились в двухмильный перелет к гигантской инопланетной конструкции. На воздухоструях они неторопливо плыли под фантастическим переливающимся потолком из огромных кристаллов, которые на первый взгляд росли как попало, хотя через определенные интервалы встречались более упорядоченные области, внутри которых кристаллы были уложены правильными плотными рядами и более явственно проступали бледные фиолетовые жилки.

Подлетев ближе к станции и рассмотрев ее повнимательнее, Толлер отказался от мысли, что перед ним всего лишь безжизненная машина. То здесь, то там на металлической поверхности виднелись отверстия, внешне напоминающие иллюминаторы, и периодически взгляд упирался в похожие на двери заслонки. Мысль о том, что Вантара сейчас стоит у одного из таких иллюминаторов и наблюдает за его приближением, пьянила Толлера, голова которого и без того шла кругом от восторга. Наконец-то, прождав целую жизнь, он участвует в приключении, способном выдержать сравнение с авантюрами, прославив-

шими его деда.

Достигнув ближнего конца конструкции, он увидел, что вся станция окружена сплошным металлическим поручнем, поддерживаемым тоненькими стойками, которые вполне могли быть выкованы в каком-нибудь литейном цехе Верхнего Мира. Море кристаллов настолько плотно прилегало к металлу станции, что между ними не было ни малейшего зазора. Толлер выключил воздухоструй и, ухватившись за поручень, затормозил. Мгновение спустя рядом с ним остановился Стинамирт.

— Совершенно очевидно, что эта штуковина предназначается для того, чтобы за нее держались, — заметил Толлер. — Такое впечатление, что мы вот-вот должны встретиться с существами, прилетевшими к нам с другой звезды.

Лицо Стинамирта все еще закрывал шарф, но глаза, выглядывающие из-под капюшона, заметно расширились от удивления.

— Надеюсь, нас не убьют за то, что мы вторглись на их территорию. Тот, кто способен подвесить в небе такое…

Толлер задумчиво кивнул, окидывая взглядом окрестности и отмечая про себя, что ширина станции по меньшей мере полмили. Они со Сти-

намиртом висели у края плоской поверхности размером с парадный плац, сразу за которой ниспадала вниз центральная башнеподобная структура, уходя на сотню футов или даже больше в промерзший воздух. Пока Толлер осматривался, его чувства освоились с окружающей средой, и внезапно он оказался не «под» фантастическим ландшафтом — перевернувшись, он вдруг увидел, что висит над равниной и смотрит на какой-то странный замок, а огромный диск Верхнего Мира плывет у него над головой. Справа находилось скопление изогнутых конусообразных столбов — словно заросли огромного тростника нашли отражение в металле. На кончиках столбов вдруг запрыгали холодные зеленоватые искры, и это зрелище еще раз напомнило Толлеру, что сейчас он вторгся в область, недоступную человеческому пониманию.

— Если мы будем и дальше здесь висеть, то вряд ли чего-нибудь добьемся, — немного резко сказал он, отгоняя внезапные сомнения и робость. — Ты готов?..

Договорить он так и не успел — позади вдруг раздалось какое-то шипение и потрескивающий звук, напоминающий шум огня, охватывающего мгновенной вспышкой сухую листву и веточки.

Толлер попытался было обернуться, но паника в сочетании с отсутствием силы тяжести помешали ему исполнить задуманное. Несколько секунд он беспомощно барахтался в воздухе, а к тому времени, как он догадался ухватиться за поручень, чтобы обрести равновесие, было слишком поздно — ловушка захлопнулась.

Вокруг Толлера и его товарища в мгновение ока возник сверкающий шар, состоящий из кристаллов размером с кулак. Они очутились внутри хрустальной тюрьмы пять-шесть шагов в диаметре.

Сфера вынырнула из кристаллов замерзшего моря и нижней частью крепилась к металлу чужеродной станции. Блестящие стены вобрали в себя и часть поручня, за который держались двое мужчин. Какое-то мгновение Толлер и Стинамирт потрясенно смотрели друг на друга, затем Толлер стащил перчатку и коснулся внутренней поверхности сферы. На ощупь она была холодна, как лед, однако абсолютно сухая.

— Стекло! — Он указал на пистолет, висящий на поясе Стинамирта. — Проделай в нем несколько дырок, и мы быстренько выберемся отсюда.

— Да, да… — Стинамирт вытащил оружие, одновременно извлекая из прикрепленной к поясу

сетки наполненную сжатым газом сферу. Он лихорадочно начал устанавливать ее на рукоятке пистолета, когда прямо в мозгу Толлера раздался тихий голос — равнодушный, всезнающий и очень убедительный:

«Советую вам не прибегать к оружию. Окружающий вас материал снабжен защитным слоем, отражающим энергию. Основная функция этого слоя — отводить от материнской конструкции метеоры, но он не менее эффективно противостоит любому виду снарядов. Если оружие выстрелит, пуля начнет рикошетом летать по сфере, пока не будет остановлена одним из ваших тел. Таким образом, прибегнув к оружию, кто-то из вас может погибнуть, тогда как сфере это никакого вреда не причинит».

Толлер почему-то сразу понял, что и Стинамирт слышал то же самое. Беззвучный голос возник прямо внутри них… мозг говорил с мозгом… что означало…

Он посмотрел налево и отшатнулся — там за сферой маячила какая-то фигура. Стеклянная ячеистая поверхность сферы искажала и разбивала на части картинку, но существо это было ростом с человека, обладало на первый взгляд человеческой внешностью и, как любой человек,

держалось за поручень. Толлер не сомневался, что таинственный голос принадлежит именно этому существу, но никак не мог понять, каким образом инопланетянин так быстро пересек металлическую равнину и приблизился к ним незамеченным.

Толлер ужаснулся. Такого страха он никогда прежде не испытывал — смесь ксенофобии, потрясения и элементарного беспокойства за свою шкуру лишили его дара речи. Он стоял и не мог двинуться. Стинамирт, потрясенный ничуть не меньше, сразу перестал подсоединять газовую сферу к пистолету. Безголосая речь содержала в себе не просто утверждение — она передала им чувство знания, и теперь оба мужчины поняли, что пуля, ударившая в стену сферы, будет отброшена назад с не меньшей силой.

«Вы можете не тревожиться». — Беззвучный голос излучал уверенность и что-то еще, что можно было бы принять за заботу, если бы не очевидная снисходительность и отсутствие тепла.

«Мы и не боимся...» — вызывающе подумал Толлер, но тут же запутался в хаосе соображений, как донести эту мысль до захватившего их в плен существа.

«Говори как обычно, твои мысли сами органи-

зуются, и мы сможем обмениваться идеями, — поведал ему чужак. — Но не трать время на ложь, пустые похвальбы и угрозы. Ты собирался сказать, что не боишься меня, а это явная неправда. От вас всего лишь требуется успокоиться и не совершать ошибки, попытавшись сопротивляться».

Полная уверенность в голосе инопланетянина и чопорность, с которой тот заявлял о своем превосходстве, вызвали у Толлера унаследованную им от деда ярость, с коей он не способен был совладать. Багровое облако затуманило мозг, освободив Толлера от цепей, сковавших его тело.

— Лучше ты побеpегись, — крикнул он. — Я не знаю, что ты задумал, но буду сопротивляться тебе до последней секунды — и смерть грозит тебе!

«Это очень интересно. — Мысль чуждого существа была пронизана любопытством. — Одна из ваших женщин отреагировала с такой же бессмысленной воинственностью, Толлер Маракайн, — и я почти уверен, что она именно та, с которой ты соединен на эмоциональном уровне».

Эта реплика открыла Толлеру глаза.

— Так ты захватил наших женщин? — заорал он, совершенно позабыв о собственном положе-

нии. — Где они? Если им будет причинен хоть какой-нибудь вред…

«Они нисколько не пострадали. Я просто переправил их в безопасное место, расположенное в миллионах миль отсюда, — и намереваюсь точно так же поступить и с вами. А сейчас я введу в сферу усыпляющий газ. Ничего не бойтесь. Вы просто уснете, а когда придете в сознание, то окажетесь в более приемлемой обстановке. Поскольку вы пробудете у нас неопределенный срок, вам периодически будет поставляться пища».

— Мы не животные, чтобы нас холили, поили и кормили, — отрубил Толлер, все еще кипя от гнева. — Мы последуем за тобой туда, где содержатся женщины, но по собственной воле и с открытыми глазами. Вот мои условия, и если ты согласишься на них, я даю слово, что ни один из нас не попытается убить или ранить тебя.

«Твоя самоуверенность поразительна — и способна сравниться разве что с твоим невежеством, — прозвучал спокойный ответ. — Создания, находящиеся на такой примитивной стадии развития, не могут причинить мне вреда, но тем не менее я усыплю вас, чтобы вы не сопротивлялись во время перевозки».

Фигура за хрустальной стеной сделала какой-то

жест, распавшийся радужными осколками в ледяных ячейках, и один из шестиугольников вдруг потемнел. К внешней поверхности сферы что-то приложили. Стинамирт закончил сборку пистолета, поднял его и нацелил на черное пятно.

«Желаешь покончить жизнь самоубийством, Бэйтен Стинамирт? — В беззвучном голосе чувствовалась жалость, с которой натуралист наблюдает за маленькой мушкой, угодившей в сеть паука. — Вряд ли!»

Стинамирт взглянул на Толлера, блеснув глазами из узкой щелки между шарфом и капюшоном, и опустил пистолет. Тот кивнул, одобряя его благоразумие, и — специально отрешившись от окружающей действительности — неожиданно вытащил меч и одним быстрым движением вонзил его в хрустальную стену. Ухватившись левой рукой за поручень, он придал телу необходимое ускорение и надавил на стальной клинок. Лезвие глубоко погрузилось в сверкающие клетки, и в разные стороны полетели стеклянные осколки.

Хрустальная сфера закричала.

Страшный вопль отдался в умах людей, разительно отличаясь от точно сформулированных и изящно поданных мыслей, посылаемых инопланетянином. Толлер сразу же понял, что крик этот

исходит из стен сферы и от замерзшего озера, распростершегося вокруг станции, — это был множащийся вопль страдания, в котором вновь и вновь сталкивались гармония и хаос. Наконец все утихло, и послышался странный хныкающий беззвучный голос:

«Мне больно, Возлюбленный Создатель! Ты не говорил, что примитивы могут повредить мое тело».

Толлер, повинуясь инстинкту воина, не позволил неожиданному голосу отвлечь его и помешать атаке. Он достал врага и теперь должен был расправиться с ним раз и навсегда. Его меч с некоторым сопротивлением двинулся вперед, словно проходя через слой невидимой губки, но, напрягшись изо всех сил, Толлер все-таки прорубился сквозь стеклянные ячейки. Сделав еще один выпад, он отколол целый кусок и проделал в сфере дыру.

Изменив стиль атаки, он использовал рукоятку меча, чтобы еще больше увеличить поврежденную область, и несмотря на невидимое сопротивление, ему удалось отколоть еще две клетки и выкинуть их во внешнее пространство. Воодушевленный успехом, он перекинул меч в другую руку и врезал по стене кулаком. На этот раз у

него на пути не возникло никакого волшебного барьера, который смягчил бы удар, поэтому сразу несколько шестиугольных ячеек, еле держащихся на своих местах, вылетели наружу и исчезли из виду. Дыра в стене значительно увеличилась.

Снова раздался молчаливый нечеловеческий крик.

Стинамирт последовал примеру Толлера и, обняв рукой поручень, начал колотить по неровному краю дыры, расширяя отверстие.

В ревущем горне сознания Толлер утратил чувство времени: секунда-две, и вот перед ним зияет выход из сферы. Оттолкнувшись от поручня, он кинулся на инопланетянина, который уже развернулся, собираясь спасаться бегством. Левая рука Толлера сомкнулась вокруг шеи существа, а правая, казалось, сама собой приставила клинок к его боку.

«Как тебе это удалось?» — Слова чужака были пронизаны отвращением, которое он испытывал от физического контакта, но Толлер уже не чувствовал никакого страха.

«Ты сохранил полную координацию движений, — продолжал голос, — а никакой умственной деятельности я не заметил. Я даже не мог помешать тебе. Как ты это сделал?»

— Заткнись, — прорычал Толлер, цепляясь ногой за поручень, чтобы не улететь вместе с пленником в металлические просторы станции. — Где женщины?

«Им ничто не угрожает, — невозмутимо ответил инопланетянин, — вот и все, что тебе следует знать».

К вящему изумлению Толлера, в ментальном контакте не отразилось и следа тревоги.

— Слушай меня! — Толлер ухватил инопланетянина за плечо и развернул к себе. Перед ним предстало лицо, удивительно человеческое в своих чертах — Толлер смотрел и глазам не верил. Основными отличиями были кожа серого цвета, глаза без зрачков, в чьих белках словно были просверлены черные дыры, и маленький задранный нос без центральной перегородки. В единственной ноздре виднелись испещренные красными венами оранжевые мембраны, то расходящиеся, то снова сходящиеся в ритме дыхания существа.

— В первый раз ты меня не послушал. — Толлер, подавив желание отбросить от себя эту карикатуру на человека, толкнул меч, вонзая его в податливую одежду существа. — Теперь ты скажешь мне все, что я пожелаю — и немедленно, — иначе я убью тебя.

Черточки губ чужака разошлись в подобии улыбки.

«На таком расстоянии? Так близко? Пока мы в физическом контакте? Ни один представитель гуманоидной расы не сможет…»

Голова Толлера наполнилась малиновым звоном. Перед внутренним взором замелькала ужасная мешанина из образов Вантары и страшных видений чужеземных хищников; и ярость, особая ярость — прекрасная и отвратительная, постыдная и несущая радость — завладела всем его существом. Подтащив инопланетянина к себе, он приналег на меч, и только испуганный крик Стинамирта вернул его к действительности.

«Ты причинил мне боль! — Молчаливые слова инопланетянина были проникнуты удивлением и ужасом от осознания невероятного факта. — Ты действительно собирался это сделать! Ты готовился убить меня!»

— А я тебе что говорил, серая морда? — рыкнул Толлер. «Меня зовут Дививвидив».

— Начнем с того, что ты для меня все равно что труп, серая морда, — продолжал Толлер. — И не приди я вовремя в себя, я бы приговорил тебя без малейшего зазрения совести. Повторяю, если ты не скажешь мне…

Он запнулся, растерянно глядя налицо инопланетянина, которое вдруг жутко исказилось. Хрупкое плечо, сжатое левой рукой Толлера, заходило от какой-то внутренней дрожи. Черные полоски губ тоже претерпевали подобные изменения, изгибаясь то в одну, то в другую сторону, напоминая морской анемон, кидаемый взад-вперед противоборствующими течениями; в воздухе ниточками повисла слюна. Расплывчатое ментальное эхо, уловленное Толлером, поведало ему, что его пленнику еще ни разу не угрожали смертью. Сначала Дививвидив просто не поверил, что его жизнь в опасности, а теперь эмоции инопланетянина претерпевали невиданную нагрузку.

На это первое введение в культуру, полностью отличающуюся от его собственной, Толлер ответил повторным нажатием на меч.

— Женщины, серая морда… Женщины! Где они?

«Они переправлены на мою родную планету. — Дививвидив наконец овладел собой, но явно был на грани истерики. — Они спрятаны — в миллионах миль отсюда — в столице самой развитой цивилизации в этой галактике. Уверяю вас, что такие примитивы, как вы, в данном случае просто бессильны, а следовательно, логичнее всего с

вашей стороны будет…»

— У нас с тобой разная логика, — перебил Толлер угрожающим голосом, надеясь скрыть разочарование. — Если женщины не будут доставлены обратно живыми и невредимыми, тогда я тебя отошлю в другой мир — в тот, откуда еще никто не возвращался. Надеюсь, я понятно выражаюсь…

Глава 10

Комната была просторной и практически пустой. Единственным предметом обстановки служил голубой продолговатый блок, который выглядел бы в точности как кровать, если бы на нем не отсутствовали пристяжные ремни. По стенам были раскиданы прямоугольные и круглые панели, то и дело меняющие свой цвет, одни — реже, другие — чаще. Пол представлял собой серо-зеленое гладкое полотно, утыканное маленькими дырочками. Толлер заметил, что ноги как бы прилипают к поверхности пола, поэтому нужда в специальных линях, используемых в условиях нулевой гравитации, отпадает. Эти дырки, догадался он, каким-то образом связаны с вакуумной системой.

Однако он практически не обращал внимания на окружающую обстановку — его больше интересовал Дививвидив, который в данный момент освобождался от своей униформы. На серебряной ткани костюма проступали швы, тут же расходившиеся в стороны, стоило провести по ним застежкой, — благодаря этой весьма загадочной системе Дививвидив разоблачился за несколько секунд. Комбинезон, обтягивающий хлипкое гуманоидное тельце, на первый взгляд состоял из дюжин черных заплат, наслаивающихся друг на друга словно перья птицы.

Чужеродность костюма; лысый серый череп; почти безносое мертвецкое лицо — все это пробудило у Толлера сильнейшую ксенофобию, которая только усилилась, когда он обнаружил, что от инопланетянина еще и пахнет. Сам запах был не так уж неприятен — сладкий и густой, похожий на аромат наваристой мясной похлебки, — но его неуместность вызвала более чем неприятные ощущения. Он взглянул на Стинамирта и сморщил нос. Его юный друг, тем временем осматривавший странную комнату, сделал то же самое.

«Может быть, вам будет интересно узнать, что вы также обладаете весьма неприятным запа-

хом, — сказал Дививвидив. — Хотя я подозреваю, что причины этого кроются в нарушении правил элементарной гигиены и даже члены вашей расы сочли бы вас дурно пахнущими».

— А, мы, похоже, уже очухались от небольшого потрясения, да? — холодно улыбнулся Толлер. — Снова обрели внутренний стержень? Тогда позволь мне напомнить, что я в любую секунду могу оборвать твою жизнь и сделаю это с превеликим удовольствием.

«Ты жалкий хвастун, Толлер Маракайн. В глубине души ты сомневаешься, что способен должным образом исполнить свою роль в обществе, и пытаешься всячески скрыть этот факт — поэтому и раскидываешься пустыми угрозами».

— Эй, серая морда, ты поосторожнее! — Толлер несколько растерялся, когда эта демоническая фигура из какой-то далекой области вселенной так легко проникла в глубины его мозга и вытащила наружу все секреты, существование которых он даже наедине с самим собой отказывался признать. Он бросил взгляд на Стинамирта, но тот тактично продолжал обследовать комнату.

«Советую вам снять эти неловкие изоляционные костюмы, — как ни в чем не бывало заметил Дививвидив. — Несмотря на свою грубость, они,

вероятно, весьма действенны, поэтому вскоре вы почувствуете некоторое неудобство. Здесь в отсеках поддерживается довольно высокая температура».

Толлер, уже начавший потеть, подозрительно поглядел на Дививвидива:

— Если ты надеешься преподнести какой-нибудь сюрприз, пока я путаюсь в…

«Я далек от этой мысли. — Дививвидив освободился от серебряной оболочки и теперь стоял рядом с Толлером, раскачиваясь из стороны в сторону под действием минимальной силы притяжения. — Ты сам это знаешь».

Множественные уровни связи, присутствующие при ментальном контакте, сразу дали знать Толлеру, что инопланетянин говорит правду. «Но, — подумал он про себя, — может, это какой-нибудь особый телепатический прием? Может, эта суперречь таит в себе возможности и для суперлжи, которая прозвучит убедительно для слушателя?»

— Держи его на мушке, пока я буду вылезать из этого костюма, — приказал Толлер Стинамирту. — Если он двинется… даже мигнет… всади в него заряд.

«Твои умственные процессы необычно слож-

ны для примитива». — Дививвидив, казалось, абсолютно успокоился, и его беззвучная речь выражала искреннее любопытство.

— Я рад, что ты наконец-то сообразил, что имеешь дело не с какими-то амебами, — съязвил Толлер, выпутываясь из своей экипировки. — А чему это ты так радуешься, серая морда? Что-то я не вижу смысла в твоем довольстве.

«Смысл кроется в вашей смышлености. — Нелепая пародия на человеческий смешок вырвалась из черной полоски рта Дививвидива. — Теперь, когда мне представилась возможность проанализировать ваше ментальное строение более тщательно, я обнаружил, что смысл вам не чужд, и понял, что могу защитить себя и свои интересы, просто-напросто разъяснив вам ваше положение. Чем большим количеством информации я с вами поделюсь, тем крепче станут наши связи. Вот почему я предлагаю переместиться в более удобные апартаменты, где мы сможем спокойно поговорить».

— Мне и здесь неплохо, — отрезал Толлер, гадая, какой уровень *лжи* доступен Дививвидиву. Сам процесс подобного общения способен был потопить человеческий мозг в изумлении и восторге, а если учесть еще инопланетную обстановку и

внешность самого инопланетянина — не говоря уже о крайне необычных обстоятельствах встречи, — то вообще удивительно, как Толлер до сих пор не свихнулся. Ему постоянно приходилось напоминать себе о Вантаре. Все остальное не важно, главное — найти ее, спасти и вернуть целой и невредимой на Верхний Мир…

«Не стоит постоянно тыкать в меня этим варварским оружием, — сказал Дививвидив, когда Толлер взял у Стинамирта пистолет, чтобы дать юноше возможность тоже раздеться. — Я же сказал вам, что логика возобладает над силой».

— В таком случае тебе не о чем беспокоиться, — иронично заметил Толлер. — Если дело дойдет до ссоры, ты можешь палить по мне силлогизмами, а мне придется отвечать тебе лишь обыкновенными пулями.

«Ты стал благодушен».

— А ты — утомителен, серая морда. Теперь скажи мне, собираешься ли ты вернуть нам женщин и таким образом сохранить собственную жизнь.

От Дививвидива пошли волны раздражения.

«У меня есть к тебе один вопрос, Толлер Маракайн. Может быть, он не относится к данной ситуации, но, если ты сумеешь хотя бы на какое-то время обуздать свое нетерпение, к тебе придет

понимание. В моих словах есть смысл?»

Толлер согласно кивнул, с беспокойством начиная подозревать, что им манипулируют.

«Замечательно! Итак, сколько планет насчитывает ваша солнечная система?»

— Три, — ответил Толлер. — Мир, Верхний Мир и Дальний Мир. Мой дед по отцу — чье имя я с гордостью ношу — погиб на Дальнем Мире.

«Твои познания в астрономии оставляют желать лучшего. А ты, случайно, не заметил, что теперь ваша система включает четыре планеты?»

— Четыре? — Толлер, нахмурившись, уставился на Дививвидива, припоминая, что совсем недавно кто-то говорил ему о голубой планете. — Теперь у нас четыре планеты? Ты говоришь так, будто новый мир добавился к нашей маленькой компании по мановению волшебной палочки.

«Именно так и произошло — только волшебство здесь ни при чем. — Дививвидив наклонился вперед. — Мой народ перенес свою родную планету, которая носит имя Дуссарра, через сотни световых лет. Мы сняли ее с прежней древней орбиты вокруг далекого солнца и поместили на новую орбиту вокруг вашей звезды. Теперь ты понимаешь, какой силой мы обладаем?»

— Ага — силой воображения. — Толлер презрительно фыркнул, подавив в себе страх от мысли, что инопланетянин говорит чистую правду. — Даже если вы способны сдвинуть с места целую планету, как ее обитателям удалось выжить в холоде и темноте, царящих между звездами? И сколько времени может занять такой перелет?

«Нисколько! Межзвездный перелет должен выполняться мгновенно. Эти концепции не под силу вашим умам — хотя вашей вины здесь нет, — но я попытаюсь привести кое-какие аналогии, которые помогут вам хотя бы частично понять процесс».

Нечеловеческие глаза Дививвидива на секунду закрылись, и Толлер почувствовал, как некие невидимые шлюзы открываются внутри его головы. Это было весьма непривычно, но в то же время волнующе приятно. Он задохнулся от удивления, когда — подобно развернувшемуся лучу маяка — в его мозг ударила ослепляющая волна знаний. В течение одного мучительного мгновения он колебался на грани — вот-вот он узнает все, что должно знать совершенное создание, — но затем волна отхлынула, а вслед за этим пришло ощущение утраты, ибо свет скрылся вдали. Однако философская тьма, вновь окутавшая

его, уже не так давила и стала менее неприступной, чем раньше. В ней встречались сумеречные островки. Толлер уловил движение вакуума внутри вакуума; ухватил понятие межзвездного пространства, как губчатого ничто, начиненного трубами и туннелями еще большего ничто; увидел нематериальные галактические дороги, чей вход там же, где выход…

— Верю, я верю, — выдохнул он. — Но… между нами ничего не изменилось.

«Ты разочаровываешь меня, Толлер Маракайн. — Дививвидив переступил через груду своего костюма, притянутого к полу воздушными потоками, и пододвинулся к Толлеру поближе. — Где же твое любопытство? Где твоя жажда научного познания? Разве ты не хочешь выяснить, почему мой народ отважился на такое гигантское предприятие? Или ты думаешь, что все разумные расы только тем и занимаются, что перекидывают свои родные планеты из одной части галактики в другую?»

— Я уже сказал тебе — меня это не волнует.

«Еще как волнует! Более того, это касается каждого живого существа на каждой из планет этой системы. — Рот Дививвидива вновь подвергся асимметричным изменениям, дергаясь

на невидимых ниточках эмоций. — Дело в том, что мой народ спасает свои жизни. Мы бежим от самой великой катастрофы за всю историю вселенной. Этот факт тоже не пробуждает в тебе любопытства?»

Толлер посмотрел на Стинамирта, который, казалось, застыл, так и не стянув штанину костюма с ноги, и в первый раз за последние дни беспокойство о Вантаре и ее судьбе начало отступать.

— От катастрофы?! — переспросил он. — Но от звезды до звезды миллиарды и миллиарды миль! Ты имеешь в виду какой-то взрыв? Даже если он произойдет, я не понимаю…

«Он уже произошел, — перебил Дививвидив. — Здесь расстояние от звезды до звезды не играет особой роли — масштабы взрыва таковы, что вскоре будут уничтожены сотни галактик!»

Толлер попытался представить себе нечто подобное, но его воображение не сработало.

— Но что могло явиться причиной такого взрыва? Если он уже произошел, почему мы еще живы и откуда вы о нем узнали?

Дививвидив придвинулся еще ближе, и сладковатый аромат его тела ударил Толлеру прямо в нос.

«Опять-таки эти концепции лежат вне вашего

понимания, но…»

На этот раз луч маяка обрушился на Толлера еще яростнее, он инстинктивно попытался укрыться от него, но спрятаться было негде. Он содрогнулся, ибо в течение крохотных долей секунды его внутренняя модель действительности была разорвана на клочки и перестроена, и обнаружил, что совсем недавно обретенное понимание пространства как пустоты, пронизанной случайными туннелями еще большей пустоты, — тоже всего лишь упрощение. Космос — теперь он знал или почти знал — был рожден во взрыве, невообразимом по силе, а через минуту весь его объем заполнили переплетающиеся массы тросов. Тросы — сравнительно древние и уже отживающие реликты периода космической истории, который длился на протяжении одного человеческого вдоха-выдоха, — имеют диаметр примерно в одну миллионную человеческого волоска, но плотность их такова, что один-единственный дюйм их весит как средних размеров планета. Они переплетаются, изгибаются и колеблются, но именно они в своей слепоте влияют на распределение вещества во вселенной: на структуру галактик, скопление галактик и целых пластов скоплений галактик.

Чем больше старела вселенная с появлением разумной жизни, тем меньше оставалось тросов. Их невероятные запасы энергии пропадали зря, расходуясь на бешеные столкновения и переплетения друг с другом, на распространение гравитационных волн. Постепенно они стали в космосе редкостью, и чем меньше их становилось, тем большую стабильность обретала вселенная. Вскоре она превратилась в достаточно безопасное место для таких хрупких биологических конструкций, как человеческие создания; но космос вовсе не однороден. До сих пор сохранились аномальные области, до предела насыщенные тросами, поэтому в них чаще всего происходят всяческие катастрофы, последствия которых недоступны ни одной из описательных систем математики.

В одном таком месте пересеклось не меньше двенадцати тросов — взорвавшись, они выбросили свою энергию вовне. Этой энергии теперь суждено аннигилировать почти сотни галактик и определенным образом повлиять еще на тысячу. Ни одно живое существо не способно увидеть этот взрыв — взрывная волна движется со скоростью, близкой к скорости света, но разумные создания, использовав собранную в подпространстве ин-

формацию, узнали о существовании этой волны. А узнав, увидели только один выход.

Бежать!

Бежать подальше и как можно быстрее…

Толлер яростно замигал; на мгновение ему показалось, что по видению промелькнула какая-то рябь, но он сразу понял, что это всего лишь иллюзия. Та вселенная, которую он знал от рождения, была распылена и абсолютно перестроена, и теперь сам он тоже изменился. Быстро взглянув на бледное лицо и опустевшие глаза Стинамирта, Толлер догадался, что тот прошел через сходные очищающие метаморфозы.

Но голос из далекого прошлого предупреждающе шепнул:

«В твоей защите пробита внушительная брешь! Сейчас Серая Морда при желании без труда одолеет тебя!»

Приняв предупреждение к сведению, Толлер насторожился. Он искоса взглянул на лицо инопланетянина, но ничего подозрительного не заметил: на нем читались умиротворенность и удовлетворение. Никакой физической угрозы не наблюдалось, однако это тоже могло оказаться ловушкой. Они находились в цитадели Дивив-видива, поэтому инопланетянин, даже пальцем

не пошевелив, мог призвать на помощь любые силы.

Пытаясь усвоить полученную информацию, Толлер потряс головой, как бы приходя в себя после мощного удара. Мозг его поглотила волна чистого знания, поэтому нормальные мыслительные процессы были на время подавлены, однако Толлер смутно ощущал, что на один очень важный вопрос он так и не получил ответа. Но на какой именно? За слишком краткий период времени он узнал слишком многое, тем не менее его беспокоила мысль, что даже при всем при этом ему рассказали слишком мало. Кроме того, складывалось впечатление, что этот ужасный инопланетянин в своем костюме из черных заплат начинает брать ситуацию в свои руки…

— Кажется, ты очень собой доволен, серая морда? — прорычал Толлер. — Но ведь между нами ничего не изменилось.

«О, изменилось, и очень многое, — уверил его Дививвидив, излучая волну веселья. — Ты вынужден осмысливать информацию, а следовательно, в данной ситуации логика будет работать на меня и против тебя. Даже толком ничего не уяснив, ты уже начал осознавать, что сопротивление представителям самой великой расы в

галактике бесполезно».

— Я отказываюсь…

«А теперь, когда ты пришел к этому выводу, — не умолкал Дививвидив, — я завершу свою логическую постройку, которая послужит абсолютной защитой мне и создаст непреодолимую преграду для тебя. Ты хотел спросить, зачем ваша парочка незначительных миров понадобилась Дуссарре, бегущей от аннигиляции.

Ответ состоит в том, что двойные планеты, имеющие общую атмосферу, — явление крайне редкое. Дуссаррианские астрономы сумели отыскать в этой галактике еще три такие пары — все они расположены крайне далеко и подходят нам гораздо меньше, чем Мир и Верхний Мир. Как тебе уже известно, мы умеем мгновенно перемещать нашу родную планету от звезды к звезде, но лимит энергии позволяет нам совершать прыжки всего лишь на расстояние нескольких световых лет за раз. Выходит, аннигиляционная волна, которая катится по этой области галактики, будет всегда наступать нам на пятки… пока мы… пока, Толлер Маракайн, мы не найдем способ перепрыгнуть сразу в другую галактику».

Толлер вдруг услышал свое дыхание со стороны — шумный чуждый звук, похожий на гул волн на

далеком пляже.

«Мы разработали машину, способную перенести нашу родную планету на нужное нам расстояние, но для ее создания требуется очень специфическая физическая среда. Необходимо отсутствие силы тяжести, чтобы машина не сломалась под собственным весом — это условие легко выполнимо. Но также должны непременно присутствовать кислород и гелий, чтобы подпитывать рост машины, — вот почему мы решили поместить Кса между двумя вашими мирами.

В дополнение ко всем тем знаниям, которые я поместил в твой мозг, Толлер Маракайн, я хочу сказать, что рост Кса почти завершен. Он будет задействован приблизительно через шесть дней, и когда это произойдет, планета Дуссарра просто исчезнет на ваших глазах. И немедленно перенесется в другую галактику, которая находится в девяти миллионах световых лет отсюда.

Попытайся понять, что я тебе говорю, Толлер Маракайн, — ради себя самого, ради собственного успокоения.

Ты ничего не можешь сделать. Ты не можешь вернуть своих женщин. Даже совокупные ресурсы тысячи таких цивилизаций, как ваша, сейчас уже ничего не изменят. Я повелеваю — прими,

что я сказал тебе, мирно вернись на родную планету и не терзайся муками совести. Ты сделал все возможное, но больше от тебя ничего не зависит...»

Толлер зачарованно глядел в черные дырочки инопланетных глаз, ведя разговор с самим собой и с тем, другим Толлером Маракайном — героем из великого прошлого, чьи пример и совет (правда, последний существовал лишь в его фантазиях) он ценил больше всего. «Как бы поступил в этой ситуации настоящий Толлер?» — спрашивал он, беззвучно шевеля губами и проговаривая слова про себя. Несколько секунд он оставался неподвижным, прельщенный чуждой логикой, но затем очнулся; глаза его расширились, он был похож на человека, только что избежавшего зубьев огромного стального капкана.

— Забери у меня пистолет, — приказал он Стинамирту. — И дай мне мой меч.

«Я снова потерял тебя, — отшатнулся Дививвидив. — Ты действуешь не думая. Что ты собираешься делать?»

Толлер принял клинок из рук Стинамирта, обхватил пальцами знакомые выпуклости рукояти и прижал лезвие к горлу инопланетянина. В глазах у него мелькали малиновые звездочки.

— Что я собираюсь делать, серая морда? — прошептал он. — Что ж, я отвечу. Я собираюсь отделить твою башку от твоего грязного тельца, если ты не перестанешь говорить мне то, что ты хочешь, чтобы я услышал, и не начнешь отвечать на мои вопросы. Твой изумительный интеллект успел впитать это послание? А теперь скажи мне — и поживее! — как мне спасти наших женщин.

Он нажал на стальное лезвие.

Черногубый рот инопланетянина исказился, его хлипкое тело конвульсивно задергалось, но на этот раз угроза немедленной смерти не лишила его самоконтроля.

«Я сказал тебе все, что мог. Ты должен осмыслить ситуацию — ты ничего не можешь сделать».

— Я могу убить тебя!

«Да, но чего ты этим добьешься? Ничего!»

— Я… — Толлер не сдавался. — Ты сказал, что женщины были перевезены на твою планету… перемещены… одной из твоих машин…

«Ну и?..»

— В таком случае мы вернем их назад тем же самым способом, — выдал Толлер, потрясенный собственными словами.

Дививвидив постепенно начал справляться с

дрожью.

«Есть ли предел твоей тупости, Толлер Маракайн? Ты хочешь, чтобы я перенес тебя в самое сердце дуссаррианской мегастолицы, население которой превышает тридцать миллионов! Чего ты и твой товарищ сможете там достигнуть?»

— Я возьму тебя заложником. На кон будет поставлена твоя жалкая жизнь.

Содрогания Дививвидива немедленно прекратились.

«Это невероятно, но шанс есть — хоть и бесконечно малый. В своем слепом и примитивном упрямстве ты можешь преуспеть там, где намного превосходящие тебя создания потерпят полное поражение. Какой интригующий поворот событий! Это может послужить главной темой для обсуждения на следующем собрании…»

— Хватит! — Толлер стальной хваткой стиснул плечо инопланетянина и опустил меч. — Ты обещаешь повиноваться моим приказам? Обещаешь отвезти нас на Дуссарру?

«Ты не оставляешь мне выбора. Мы отправляемся немедленно».

— Вот это мне нравится. — Толлер разжал пальцы, отпуская Дививвидива, но тут же снова сжал их, да так сильно, что инопланетянин весь смор-

щился. — Или все-таки не нравится?

«Я не понимаю тебя! Что случилось?»

— Ты перестал дрожать, серая морда. Ты перестал бояться.

«Но это естественная реакция на твое предложение».

— Неужели? Я не доверяю тебе, серая морда. — Толлер холодно улыбнулся. — Вот так мы, примитивы, ведем переговоры с врагом. Мы полагаемся на наши низменные инстинкты — на инстинкты, которые такое развитое существо, как ты, презирает. И мои инстинкты говорят мне, что ты всей душой желаешь отправить нас на Дуссарру на своей волшебной машине. Я подозреваю, мы будем ошеломлены перелетом и потеряем сознание или случится еще что-нибудь, что отдаст меня в твои лапы.

«Бесполезно урезонивать твое буйное и дезорганизованное воображение. — В поведении Дививвидива появился вызов. — Не могли бы вы меня сразу проинформировать, какие еще предложения собираетесь внести, руководствуясь своими драгоценными примитивными инстинктами?»

— Разумеется! — Толлер вспомнил о дедушке и снова улыбнулся. — Я беру тебя на Дуссарру

в качестве заложника — как и предполагалось, — но перелет будет совершен безо всяких геометрическо-волшебных штучек. Два добрых колкорронских корабля, построенные из лучших сортов дерева и обладающие полным запасом провизии, ждут неподалеку. И на одном из них мы полетим на Дуссарру.

Глава 11

Слова примитива донеслись до Дививвидива из постоянно перемещающихся бесформенных всполохов эмоциональной активности и были настолько неожиданны — и смехотворны, — что он практически не ощутил тревоги. Сначала он не понял, как примитивы способны на скоординированное, направленное действие, когда из их нервных систем не поступает связных сигналов, но потом объяснил это тем, что подобное переменчивое состояние вызвано гневом или страхом. После того как штормы в умах утихомирятся, верзила-примитив наверняка оставит свою манеру изъясняться случайными наборами слов, которые лишь поверхностно сходны с разумным предложением.

— Ну, как тебе моя идея? — спросил примитив,

и его толстогубый розовый рот отвратительно приоткрылся.

Дививвидив озадаченно смотрел на него, и вдруг им начал овладевать ужас: он сообразил, что за процессы происходят сейчас в уме инопланетянина. Примитив слышал собственные слова как бы со стороны, будто их произнесло какое-то другое существо, и в первые мгновения был не меньше Дививвидива поражен их содержанием, но сейчас вновь вернулся к тому, что у примитивов называлось рациональным режимом мышления, и начал понимать абсурдность собственного предложения.

«Эта идея безумна, — протранслировал Дививвидив. — Тебе не обязательно воплощать ее в действительность, потому что ты выразил ее в состоянии стресса. Будь разумен, Толлер Маракайн, — защити себя настоящего от себя прошлого!»

Дививвидив усилил воздействие на мозг примитива и уже предвкушал победу — этот одержимый гигант вот-вот должен был изменить свою ментальную установку, — но, к превеликому разочарованию Дививвидива, примитив отреагировал смесью презрения, любопытства, гордости и слепого упрямства.

— Ну-ка, серая морда, напрягись! — прогремел он. — И попытайся выразить мне искреннюю благодарность! Ты испытывал мое терпение всякими бреднями насчет межзвездной доблести своего вида — если слово «доблесть» вообще применимо к твоему геометрическому колдовству, — а теперь я познакомлю тебя с реальностью полетов в пустоте.

Мой дед по отцу — чье имя я с гордостью ношу — был первым человеком, который долетел на одном из наших кораблей до другой планеты, и мне была оказана великая честь, когда судьба призвала меня посоперничать с его достижениями. Давай, серая морда, облачайся в свои серебряные обноски — нас ждет долгая дорога.

«Но это самоубийство! Сумасшествие!» — Дививвидив всем телом содрогнулся от перспективы рисковать жизнью на одной из этих деревянных скорлуп, которые он мельком обследовал, когда Кса вступил в самую первую стадию развития. Он сохранил эти хрупкие артефакты на случай, если директор заинтересуется их происхождением. Ну почему он не догадался уничтожить их? И почему разработчики станции — эти деспоты с высших уровней Дворца Чисел — не предвидели возможность вторжения инопланетян?

— Самоубийство, говоришь? Ну нет, настоящее самоубийство я бы совершил, если бы позволил… телепортировать… себя в самый центр одного из твоих городов. — Здоровенный примитив ослабил хватку, и боль в плече немножко поутихла.

Великан с каждой секундой все больше раздувался от самоуверенности, но Дививвидив чувствовал, как в мозгу его компаньона зреет беспокойство. В настоящий момент он не мог проанализировать это чувство, ибо большая часть его умственных резервов была брошена на решение проблемы, как выпутаться из этого сложного положения, но он надеялся, что Стинамирт все-таки выдвинет пару-другую разумных аргументов против использования деревянных космических кораблей. Низшим мозгом Дививвидив слышал, что его зовет Кса: отвлекающие полутона примешивались к и без того уже крайне опасной степени потрясения.

«У тебя нет ни одного астронавигационного прибора, следовательно, путешествие, которое ты задумал, не состоится. — В голову Дививвидива пришла новая мысль. — Я понимаю, ты действительно веришь, что твой дед долетел на одном из этих кораблей до другой планеты, но без точного знания скорости судна и…»

— Он делал расчеты. — Гигант уколол его кончиком меча, который, видимо, носил для того, чтобы компенсировать свою умственную недостаточность. — Да и ты мне поможешь. Для тебя ведь это раз плюнуть, а, серая морда? Ты же всю дорогу твердил о своем неизмеримом превосходстве во всех областях наук.

«Я по-прежнему настаиваю, что риск крайне велик. Твой так называемый космический корабль может сломаться прямо посреди…» — Дививвидив оставил мысль незаконченной, потому что внезапно в разговор вступил второй варвар.

— Простите, сэр, что вмешиваюсь. — Его обеспокоенный взгляд был прикован к лицу гиганта. — Я тут подумал…

— О чем же, Бэйтен?

Дививвидив считал, что знает, о чем собирается сказать примитив, и был несколько разочарован, обнаружив, что беспокойство Стинамирта имеет отношение не к настоящему положению дел, а к тому космологическому обзору, который был им получен несколько минут назад. Тем не менее его вмешательство отвлекло страшную умственную энергию гиганта от Дививвидива и дало дуссаррианцу прекрасную возможность реально оценить ситуацию.

«Что случилось, Возлюбленный Создатель? — мгновенно прорвался в мозг Дививвидива голос Кса. — Я справился с повреждением, но мое тело все еще немножко побаливает. Жаль, что я не обладаю органами чувств, которые позволили бы мне видеть и слышать все, что происходит на станции. Примитивы с тобой?»

«Это не твое дело».

«Но, Возлюбленный Создатель, между вами шел разговор о тросах! Это ты его начал? Ты способен изъясняться словами, которые не соответствуют действительности?»

«Ни одно нравственное существо на это не способно, — раздраженно ответил Дививвидив. — Успокойся!»

«А ты нравственное существо, Возлюбленный Создатель?»

«Говорю тебе, оставь меня в покое!» — Дививвидив перекрыл все каналы низшего мозга, чтобы положить конец нытью Кса.

— Этот лысый поведал нам о чудовищном взрыве, сэр, — сказал Стинамирт великану. — Вспомните его слова. Целые галактики будут аннигилированы! А значит, если верить ему, Верхний Мир и Мир вскоре сгинут в одной огромной вспышке!

— Бэйтен, как ты можешь отвлекать меня всякой болтовней о галактиках и взрывах в такой момент?

Омерзительные черты маленького примитива тревожно исказились.

— Но он сказал, что это случится очень скоро, сэр.

— Скоро? И насколько скоро?

— Вот это-то нам и следует выяснить.

«Возлюбленный Создатель! — Дививвидив с удивлением отметил, что Кса практически без труда пробился сквозь все его заслоны. — Ты сказал примитивам, что я буду убит через каких-то шесть дней?»

Этот вопрос открыл Дививвидиву глаза. Где-то в защите станции образовалась брешь, и теперь Кса улавливал отрывки ментальных взаимодействий, что было строго-настрого запрещено. Узнай Дививвидив об этом в более подходящее время, он бы немедленно занялся ремонтом, но сейчас эта новость вызвала у него лишь очередной приступ гнева и тревоги.

«Я приказываю тебе! — протранслировал он Кса изо всех сил. — Возвращайся в состояние общего покоя и оставайся в нем, пока я сам тебя не вызову».

— …К тебе обращаюсь, серая морда, — орал гигант. — Когда эта волна, о которой ты столько трепался, доберется до моей планеты?

«Точно сказать не могу — но, кажется, лет через двести по вашему исчислению».

— Двести лет. — Гигант глянул на своего компаньона. — Для планеты это не срок, но для меня — в данный момент — это все равно что вечность. Нам предстоит многое сделать, Бэйтен, и мы должны действовать быстро.

«Уж куда быстрее, чем ты думаешь», — добавил Дививвидив, окружив эту мысль всеми возможными защитами высшего мозга, чтобы даже Кса не смог уловить, что сейчас творится у него в уме. Чувство вины, которое мучило его каждый раз, когда он вспоминал о судьбе, уготовленной его сородичами обитателям двойных миров, бесследно испарилось — во всяком случае, пока. Оно сменилось презрением, отвращением и страхом, пробужденными в Дививвидиве его гигантским захватчиком.

«Всего лишь через десять дней, Толлер Маракайн, — подумал он, — твой домишко перестанет существовать».

Глава 12

Вынырнув из духоты дворца, Кассилл Маракайн с облегчением вдохнул полной грудью. Не обращая внимания на нарушение этикета, навязанного ему высоким положением в обществе, он немедленно стащил с себя официальный камзол и расстегнул ворот блузы, охлаждая разгоряченное тело. Он еще раз глубоко вдохнул свежий утренний воздух и огляделся в поисках Бартана Драмме.

— Ты похож на вареного рака, — весело сказал тот, выныривая из-за постамента гигантской статуи короля Чаккела, которая господствовала над просторами двора, как когда-то сам Чаккел господствовал над целой планетой.

— Там как в печке. — Кассилл промокнул платком пот. — Дасина убивает себя, закрывшись в такой парилке, но каждый раз, когда я советую ей впустить немножко свежего воздуха…

— А какой из тебя правитель, если ты не способен своим указом подчинить смерть?

— Не смешно, — упрекнул его Кассилл. — Боюсь, у Дасины осталось совсем немного времени — этот поразительный барьер плюс беспокой-

ство о благополучии графини Вантары только ухудшают положение дел.

— Ты бы лучше побеспокоился о Толлере. Существуют ли весы, на которых можно было бы взвесить подобные чувства? Чья чаша перевешивает — твоя или Дасины?

— Толлер способен сам позаботиться о себе.

— Да, но все-таки он — не дед, — кивнул Бартан.

— Что ты хочешь этим сказать? Ты представь, что за генеалогическое дерево получилось бы, будь мой отец и мой сын одним и тем же человеком! — с раздражением отозвался Кассилл.

— Извини, старина. Я люблю Толлера почти так же, как… — Бартан обреченно пожал плечами, признавая, что сейчас им лучше поговорить о другом. — Может, найдем какую-нибудь скамейку поудобнее?

— Хорошо, только смотри не засни на ней.

Мужчины, вымученными насмешками демонстрируя друг другу, что дружба их ничуть не пострадала, направились в сторону реки Лейн. У моста магистра Гло они свернули на восток и вскоре наткнулись на пустую мраморную скамейку. В воздухе разливалась та утренняя тишина, которая типична для административных

районов всех столиц. Над рекой плыли шары птерты, сияя, словно стеклянные, и забавно прыгали над поверхностью взбудораженной легким ветерком воды. Бартан выждал несколько секунд, затем спросил:

— Ну, каков был вердикт?

— Она хочет послать флот.

— Ты сказал ей, что кораблей нет?

— Она и слышать ничего не хочет о всяких мелочах. — Кассилл хмуро усмехнулся. — Тоже мне мелочи!

— И что ты будешь делать?

— Я пообещал подробно выяснить, сколько кораблей пригодно к полету — в крайнем случае разорю суда, стоящие на ремонте, — а потом доложить ей. Вообще-то большинство машин нужно либо чинить, либо вообще заменять, но паруси-ны для баллонов нет и в ближайшем будущем не предвидится. Пройдет не меньше двадцати дней, прежде чем мы сможем послать кого-нибудь наверх, а к тому времени… — Кассилл замолчал и начал крутить золотое кольцо на шестом пальце левой руки.

— Ты надеешься, что Толлер тогда уже вернется, — сочувствующе заметил Бартан. — Скорей всего вернется… с графиней, болтающейся у него

на шее… Этого юношу ох как нелегко сбить с избранного курса.

— Сегодня утром мне доставили свежие данные, и, насколько я понимаю, ширина барьера уже достигла сотни миль. Это означает, что теперь его невозможно обогнуть.

— Ну вот! — бодро сказал Бартан. — Значит, Толлеру придется скоро вернуться.

— Ты хороший друг, — ответил Кассилл, пытаясь улыбнуться. — Я люблю тебя, Бартан, и любил бы еще больше, если бы ты объяснил мне, откуда эта голубая планета взялась в нашей системе и зачем она возвела хрустальную стену между нами и нашей прародиной.

— Ты думаешь, эти два явления связаны между собой?

— Уверен. — Кассилл посмотрел на небо, на загадочный белесый диск, маячащий в зените. — Впрочем, как и в том, что добра они нам не сулят.

Глава 13

— В следующие несколько часов я буду занят, — сказал Толлер Дививвидиву, ничем не выдавая своего уже привычного отвращения при виде

лица инопланетянина и подчеркивая этим, что говорит бесстрастно и излагает только факты. — Следовательно, надо воспользоваться моментом и прояснить тебе твое положение, — продолжал он. — Сохранишь ты жизнь или нет, сейчас зависит только от тебя, и, помогая мне всем, чем можешь, ты продлишь свое существование. Если я поймаю тебя на лжи или на двусмысленных ответах, если я вдруг подвергнусь опасности, о которой ты мог предупредить, — я убью тебя. Вовсе не обязательно, что казнь последует непосредственно за предательством — ведь ты мне пока нужен, — но если мне покажется, что ты что-то замышляешь… а после мои опасения хоть отчасти подтвердятся… ты тут же умрешь.

Ты знаешь, меня ничто не остановит. Я все время буду наготове и в одну секунду снесу тебе голову с плеч. Причина может оказаться самой незначительной — я способен счесть подозрительным любой твой чих. Я прекрасно понимаю, как мало у меня шансов. И насколько мне известно, я уже сейчас практически труп, поэтому не обольщайся пустыми мечтами, что справишься со мной в любых обстоятельствах. Если хочешь остаться в живых, ты должен без вопросов исполнять любые мои желания. Все понял?

«Все, — спокойно ответил Дививвидив. — Но ты по-прежнему тратишь энергию впустую».

Толлер нахмурился, подозрительно оглядывая инопланетянина. Неужели столь малодушное существо наконец собралось с силами и решило мужественно встретить опасность? Он щелкнул последней застежкой костюма и перехватил у Стинамирта пистолет, давая юноше возможность тоже облачиться в комбинезон. Дививвидив уже закончил возиться со своими серебряными одеяниями, и теперь его внешность не так резала человеческий глаз. Группа была готова к путешествию на родную планету пришельца. Толлер попытался не думать о том, что ждет его впереди. Будущее, которое он избрал, было полно непредсказуемых трудностей, и он не осмеливался размышлять о грядущих опасностях, потому что тогда им завладеют сомнения, а это может дать Дививвидиву преимущество.

— Перед уходом я хочу задать тебе один вопрос, но, прежде чем ответить на него, вспомни мои предупреждения, — обратился он к инопланетянину, оглядывая странную и негостеприимную комнату. — Будут ли как-то предупреждены наши противники, если ты покинешь это место?

«Вряд ли, — ответил инопланетянин. — Стан-

ция работает в автоматическом режиме. Кроме того, сомневаюсь, что на этой стадии проекта кто-нибудь с Дуссарры попытается связаться со мной лично».

— Вряд ли? Сомневаюсь? Это все, что ты можешь сказать?

«Ты же сам настаивал на откровенности».

— Ты прав. — Толлер кивнул Стинамирту, и все трое двинулись к двери, через которую они попали в эту комнату. Инопланетянин ступал уверенно, легко скользя по усеянному дырками полу, тогда как Толлер и Стинамирт раскачивались из стороны в сторону, словно шли по узеньким досточкам. Достигнув шлюза, Дивив-видив снял со стены двигатель для перемещения в невесомости. Сверкающими защелками он начал закреплять серую металлическую коробку на поясе.

— Оставь ее здесь, — приказал Толлер.

«Но ты уже знаком с его действием. — Дивив-видив совершенно по-человечески развел руки, выражая тем самым изумление. — Это ведь мой переместитель».

— Да, замечательная штуковина. Она позволяет тебе летать как стрела — я припоминаю, как быстро ты добрался до нас, когда мы с Бэйтеном

попались в твою стеклянную клетку. — Толлер поддел коробку кончиком меча и откинул ее прочь. — Не стоит зря искушать себя возможностью попытки к бегству — тем более что я намереваюсь доставить тебя на корабль со всеми почестями.

Толлер отстегнул от пояса моток тонкой веревки, обвязал один конец вокруг Дививвидива и туго затянул узел. Втащив Дививвидива в шлюз, он дал инопланетянину сигнал открыть дверь. Существо повернулось к голубым пластинкам, выпирающим на сплошной серой стене. Внутренняя дверь шлюза словно по волшебству захлопнулась, и несколько секунд спустя открылся внешний люк, за которым простиралась серая металлическая равнина, окруженная хрустальным морем. В шлюз ринулся ледяной воздух. Толлер натянул на лицо шарф, радуясь про себя, что наконец-то выбрался из подавляющих своей чужеродностью стен станции, и шагнул в знакомые ландшафты зоны невесомости.

Солнце приближалась к Верхнему Миру и сейчас висело над искусственным горизонтом, создаваемым громадой диска, который, как теперь знал Толлер, на деле был невероятно огромной машиной. Солнечные лучи, встречая на пути

миллиарды кристаллов, возводили целые баррикады из слепящих глаз радужных огней. Сияние было настолько ярким и всепоглощающим, что даже Верхний Мир, чей блестящий месяц застыл прямо над головой, выглядел по сравнению с диском каким-то мрачным и нереальным.

Толлер вытравил линь, запустил воздухоструй и направился к Группе Внутренней Обороны. Позади него болтался на веревке Дививвидив. Троица вылетела за пределы инопланетной станции, и звук выхлопов тут же затерялся в окружающем пространстве. За время полета Толлер не произнес ни слова — он пытался вспомнить последовательность вывода космического корабля за пределы воздушной перемычки между планетами. В ходе двух обязательных тренировочных полетов все выглядело простым и очевидным, но с тех пор прошли годы, и теперь задача казалась невыполнимой.

Впереди виднелось скопление деревянных станций — их желтые, оранжевые и рыжевато-коричневые очертания резко выделялись на белом фоне. Толлер облетел их и развернулся. Неподалеку был пришвартован корабль, на котором он поднялся сюда; его баллон осел и сморщился — газ постепенно остывал. На поверхности планеты

под воздействием силы тяжести баллон быстро опускался и автоматически выдавливал из себя остатки газа, но в невесомости он просто весь пошел складками и теперь напоминал шкуру какого-то умирающего глубоководного существа.

Толлер выключил микродвигатель и остановился. Дернув за линь, он подтащил до сих пор молчавшего пленника к себе. Стинамирт затормозил поблизости, не долетев несколько ярдов до фантастического переплетения гигантских кристаллов. Раскинувшаяся в двух милях от них инопланетная станция напоминала неведомый замок, высящийся посреди пылающего моря. На заднем плане мелькали черточки метеоров и тут же гасли в черной тьме вселенной.

— Какова картинка, Бэйтен, — отметил Толлер. — Не каждый может похвастаться, что видел такое. Ты наверняка ее не забудешь.

— Так точно, сэр, — ответил Бэйтен, и в его глазах отразилось изумление.

— Я хочу, чтобы ты доставил два послания: одно моему отцу, другое — королеве Дасине. У меня нет времени писать пространный отчет, поэтому слушай внимательно… — Толлер прервался, потому что Стинамирт протестующе замахал руками.

— Зачем вы так со мной поступаете? — выкрик-

нул юноша. — Я разве плохо вам служил?

Теперь настал черед Толлера удивляться:

— Ты служил верой и правдой. Я как раз хотел включить в свое послание королеве отзыв о твоей…

— Тогда почему вы прогоняете меня в самый ответственный момент?

Толлер стянул шарф и улыбнулся:

— Я тронут твоей преданностью, Бэйтен, но дело приняло такой оборот, когда я не имею права требовать от тебя чего-либо. Путешествие на враждебную планету скорее всего закончится для меня смертью — на этот счет я не обольщаюсь, — но я ни капли не боюсь, потому что это дело чести. Пообещав спасти графиню Вантару, я не могу вернуться в Прад и во всеуслышание объявить, что я отказался от данного мной слова просто потому…

— А как насчет моей чести? — настаивал Стинамирт, и голос его дрожал от обиды. — Неужели вы думаете, что честь — прерогатива аристократов? Да я в глаза никому не смогу посмотреть, зная, что трусливо бежал, стоило опасности замаячить на горизонте.

— Бэйтен, здесь дело не в этом.

— Именно в этом. — В голосе Стинамирта

прозвучали несвойственные ему жесткие нотки. — Именно в этом!

Толлер несколько секунд молчал, глаза его пощипывало от холода.

— Я возьму тебя с собой на Дуссарру, но с одним условием.

— Назовите его, сэр!

— Я хочу, чтобы ты перестал обращаться ко мне «сэр». Мы отправляемся в это путешествие как гражданские люди, оставляя Небесную Службу и все ее условности позади. Мы будем участвовать в этом предприятии, как друзья и как равные, это понятно?

— Я… — Настойчивость Стинамирта мигом куда-то подевалась. — Это будет трудно… мое происхождение…

— Всего лишь мгновение назад ты полностью позабыл о своем происхождении, — перебил его Толлер, усмехаясь. — Давненько меня так не отчитывали.

Стинамирт робко улыбнулся:

— Боюсь, я вышел из себя.

— Оставайся на месте, пока мы не достигнем Дуссарры, а тогда можешь выходить из себя и не возвращаться обратно. — Толлер переключил внимание на плененного инопланетянина. — А

ты что скажешь, серая морда?

«Скажу, что еще не поздно забыть об этом бессмысленном предприятии, — ответил Дививвидив. — Почему бы вам не воспользоваться той жалкой толикой разума, которая у вас имеется?»

— Он ничего не понял, — бросил Толлер Стинамирту. — И это он нас называет примитивами!

Ни слова больше не говоря, Толлер снова привел в действие воздухоструй и, потянув за собой Дививвидива, подлетел к ближайшему из космических кораблей. Лакированные доски корпуса пускали во все стороны солнечные зайчики теплых коричневых оттенков. Корабль был собран прямо в зоне невесомости из пяти цилиндрических секций, доставленных с Верхнего Мира небесными судами. Он был четыре ярда в диаметре и раньше казался Толлеру весьма массивным сооружением, но сейчас, по сравнению с чужеродной станцией, выглядел абсолютно не соответствующим своему назначению. Напомнив себе, что дед успешно пересек космическое пространство на похожем кораблике, Толлер постарался отбросить сомнения.

Он изучил круг кристаллов, соединяющих судно со стеклянной равниной, и снова повернулся к Дививвидиву:

— Эти путы крепко держат? Что произойдет, если я просто отстрелю их?

«Кристалл легко отделится».

— Ты уверен? Может быть, ты проинструктируешь эту тварь в машине и она отпустит свою хватку?

«Лучше не беспокоить сейчас Кса. — Лицо инопланетянина было закрыто отражающим забралом шлема, но Толлер почувствовал убежденность в его словах. — Помни, я сам должен лететь в этом варварском приспособлении, поэтому в моих интересах, чтобы оно не получило случайных повреждений».

— Замечательно, — подвел итог Толлер и, отстегнув от пояса моток веревки, один конец которой опутывал инопланетянина, отбросил ее в сторону. — Мой друг-примитив и я должны обсудить кое-что наедине. Я оставлю тебя здесь на пару минут — однако искренне прошу не пытаться бежать. Ты исполнишь мою просьбу?

«Обещаю, что ни на дюйм не сдвинусь с места».

Толлер, попросив инопланетянина об этой услуге, рассчитывал посмеяться, прекрасно зная, что в полной невесомости тот обездвижен, поэтому совсем не ожидал услышать не менее

насмешливый ответ. Ему в голову закралась мысль, что эта шутливая пикировка может иметь немалое значение в будущем, если Дуссарра и Колкоррон все-таки сумеют договориться. Но сейчас его ждали более неотложные дела.

Задняя часть космолета на самом деле представляла собой специально сконструированное небесное судно, обычная квадратная гондола которого была заменена цилиндрической секцией. Внутри нее хранился газовый баллон, дающий команде возможность высаживаться на поверхность планеты и возвращаться к ждущему на орбите кораблю-матке. Толлер не строил никаких планов насчет этого модуля, потому что баллон сразу заметят, тем более что опускается он очень медленно.

— Как ты думаешь, Бэйтен? — спросил он, пока они плыли в разреженном холодном воздухе. — Может, стоит вообще отказаться от хвостовой части? Инструменты у нас под рукой, и мне что-то не хочется тащить лишний груз всех этих механизмов.

— Клеящая мастика была нанесена давным-давно, — задумчиво ответил Стинамирт. — Она, вероятно, пропитала все кожи, дерево, затычки и швы… Она превратилась в камень. Даже имея

под рукой все необходимое, потребуется как минимум пять человек, чтобы отсоединить эту секцию от основного корпуса, да и возможно, это повредит кораблю. Кроме того, нам придется укорачивать стержни, ведущие к рычагам управления, переключать их на действующую машину…

— Короче говоря, — вставил Толлер, — мы забираем судно целиком. Отлично! Не будешь ли ты так любезен перенести сюда наш запас парашютов и коконов, а я тем временем осмотрю корабль. Затем мы можем отправляться.

За время полета на Дуссарру ничего необычного не произошло.

Практически все, что было известно насчет путешествий за пределы атмосферы Мира и Верхнего Мира, изложил в своих записках Илвен Завотл, который был участником экспедиции на Дальний Мир. В годы ученичества Толлер не раз штудировал его отчет и сейчас с облегчением признал, что он полностью соответствует действительности. Теперь Толлер мог не беспокоиться насчет того, что с кораблем случится что-нибудь непредвиденное.

Как и предсказывалось, небо вокруг стало абсолютно черным, и спустя какое-то время судно

достаточно разогрелось, чтобы находящиеся на борту смогли освободиться от своих комбинезонов. Если верить покойному Завотлу, жестокая стужа зоны невесомости между двумя мирами была обусловлена атмосферной конвекцией, а когда судно вырывалось в вакуум, оно сразу же начинало поглощать щедрое тепло солнца. Также оправдались и его слова насчет метеоров, чьи огненные штрихи — постоянный атрибут ночного небосвода родных миров — бесследно исчезли. Завотл утверждал, что на самом деле метеоры по-прежнему на невообразимых скоростях пронизывают космическое пространство, но видимы они только тогда, когда входят в атмосферу какой-либо планеты. Толлер предпочел не рассматривать возможность гибели судна от столкновения с такой невидимой скалой.

Как выяснилось, управлять космолетом — весьма нелегкое дело, все равно что пытаться удержать шест на кончике пальца. Кабина пилота, расположенная на верхней палубе, была оборудована телескопом, нацеленным параллельно продольной оси судна. Перекрестие инструмента необходимо было удерживать на цели полета, а это требовало постоянного внимания и умения манипулировать боковыми двигателями.

Стинамирт, несмотря на полное отсутствие опыта, оказался более приспособленным к этой работе, чем Толлер, и с готовностью взял на себя дежурства у панели управления. Толлер был только рад — теперь у него появилось время проанализировать события последних часов. Он подолгу качался в гамаке на палубе — иногда дремал, иногда наблюдал за Стинамиртом и Дививвидивом.

Поначалу инопланетянин шарахался от каждого шороха, но постепенно, когда стало очевидно, что судно взрываться не собирается, обрел самообладание. Он также проводил большую часть времени в гамаке, но отнюдь не бездельничал. Дуссарра, как он объяснил, находилась всего лишь в восьми миллионах миль от миров-близнецов, и это упрощало полет; но тем не менее расчеты были весьма сложны, и непрофессиональному математику, лишенному вспомогательных вычислительных устройств, было нелегко с ними справиться.

Иногда Дививвидив при помощи карандаша, как-то странно зажатого в тонких серых пальцах, делал пометки в блокноте, подаренном ему Толлером. Он говорил Стинамирту, когда включить, а когда выключить главный двигатель и куда

переместить астронавигационное перекрестие, чтобы поймать в него новую точку. Периодически он впадал в транс, в котором, как предполагал Толлер, прибегал к помощи телепатии или прочих неизвестных человеку чувств, уточняя местонахождение судна в пространстве относительно пункта назначения. Толлер старался не думать о том, что инопланетянин может вступать в контакт со своими сородичами и расставлять ловушки на пути плениших его людей.

В интересах всех находящихся на борту было завершить полет как можно быстрее, но Толлер все равно был изрядно удивлен, когда Дививвидив — меньше чем через час после подробного ознакомления с возможностями судна — предсказал, что путешествие займет от трех до четырех дней с учетом всевозможных остановок или затруднений. Толлер попытался самостоятельно прикинуть цифры, однако, столкнувшись с параметром скорости свыше 100 000 миль в час, сразу отказался от вычислений. Лучи солнечного света, освещающие внутренности корабля через иллюминаторы, казалось, не двигались ни на дюйм; водовороты и спирали раскинувшейся за бортом вселенной представлялись столь же далекими и туманными, как и раньше, — поэтому

лучше было забыть о страшном мире математики и представить себе тихий дрейф от островка к островку в стеклянно-черном море.

Одной из основных черт, унаследованных Толлером от деда, было нетерпение — даже несколько часов вынужденного безделья сводили его с ума. Он много раз читал и перечитывал дневник Завотла, который тот вел во время путешествия на Дальний Мир, и сейчас мог без труда слово в слово процитировать соответствующий абзац: «Наш капитан начал на долгие часы покидать каюту управления. Он предпочитает проводить время на средних палубах, уставившись в иллюминаторы. Похоже, он находит утешение в собственных мечтах, молча созерцая глубины вселенной».

Ощущая неловкость, Толлер невольно начал подражать своему деду и будто тайком от кого-то спускаться в странные нижние миры корабля, где протянувшиеся от иллюминаторов узкие лучики света создавали причудливые тени, висящие между внутренними подпорками и ларями с запасами кристаллов, огненной соли, пищи и воды. Он забирался между двух ящиков и, рассеянно глядя в ближайший иллюминатор, погружался в себя. Звук работающего двигателя здесь был

громче, запах просмоленной обшивки судна бил в ноздри, но в одиночестве ему лучше думалось.

Чаще всего в своих думах он обращался к загадкам и опасностям недалекого будущего. Казалось невероятным, что совсем недавно он жаждал приключений, искал их и жаловался на отсутствие возможности доказать, что он действительно достоин носить свое славное имя. И вот он участвует в предприятии, которое, хоть и делает ему честь, заранее обречено на полный провал. Даже старый Толлер Маракайн и тот не ввязался бы в авантюру, у которой просто не могло быть благополучного исхода.

Осуществляемый сейчас план пришел ему в голову в момент полного отчаяния, и Толлер сразу вцепился в него с одержимостью маньяка. Ему казалось, что это идеальный способ миновать все подводные камни сложившейся ситуации. Вместо того чтобы телепортироваться на чуждую планету, он полетит туда на колкорронском корабле и застанет Дуссарру врасплох. Дививвидив клялся в своей незначительности и, следовательно, бесполезности в качестве заложника, но все его клятвы разбивались о весьма весомый довод — именно он был назначен командовать огромной станцией на хрустальном круге. Сцена

была подготовлена для появления героя — вооруженного смелостью, воображением и верным клинком; Толлер должен был огорошить и покорить целую планету. Сначала будет быстрый полет в коконе, затем парашют откроется, он высадится неподалеку от вражеской столицы… хитростью захватит вражеского главаря… затем последуют переговоры, во время которых Толлер будет диктовать свои условия… он воссоединится с Вантарой… сначала при помощи телепортера, а затем небесного корабля или парашюта они вернутся на Верхний Мир… Вантара полюбит его, и всю оставшуюся жизнь они проведут в безмятежной идиллии…

Идиот! Порой Толлер раскаивался в своем безумном плане не меньше, чем восторгался им на станции. В такие мгновения он извивался и чуть ли не стонал, изводя себя и проклиная собственную глупость. И лишь один аспект этой невероятной ситуации оставался неизменным в общей неразберихе мыслей и чувств, придавая ему необходимые силы следовать дальше. Он поклялся себе и остальным найти Вантару, и теперь у него не было иного выхода, кроме как упорно двигаться вперед, как бы ни были ничтожны шансы на успех. И он будет идти вперед, даже

если его ждет верная смерть…

* * *

С высоты более чем четырех тысяч миль родная планета чужаков выглядела в точности как Мир или Верхний Мир. Облачный покров состоял из тех же широких, степенно двигающихся рек, разбиваясь на завихрения или отдельные водовороты. Пронзив взглядом это филигранное сверкающее одеяло, окутывающее поверхность планеты, Толлер увидел, что земная твердь на ней практически отсутствует. Основным цветом Дуссарры был цвет водных стихий, то есть голубой, на фоне которого изредка попадались коричневые заплаты, обозначающие землю.

— Похоже, дело может закончиться для нас мокрыми задницами, — мрачно пробормотал Толлер, разглядывая в иллюминатор огромную выпуклость планеты.

«Еще не поздно отказаться от твоего безумного плана. — Дививвидив уставился на него своими глазами-буравчиками. — Вам ничто не мешает повернуть назад и прожить остаток жизни в счастье и довольстве».

— Ты хочешь помешать нам?

«Я только исполняю твои собственные приказания, попутно пытаясь сохранить себе жизнь,

делюсь с тобой важной информацией и даю советы.».

— Смотри не переусердствуй, — отрезал Толлер. — На данной стадии от тебя мне нужно лишь одно — сведения касательно высадки на поверхность. Ты уверен, что сделал правильную поправку на ветер? Мне совсем не хочется приземлиться в море, к тому же меня не радует перспектива высадиться в самом центре вашей столицы.

«Можешь довериться мне — все имеющие значение факторы были учтены».

После того как корабль преодолел половину пути, Дививвидив практически не вылезал из гамака, то и дело требуя новых данных касательно курса и скорости судна. У Толлера сложилось впечатление, что инопланетянину, несмотря на все его выдающиеся таланты, несколько затруднительно управлять судном, которое движется задом наперед, так как в расчетах ему приходилось отталкиваться от звезд, расположенных в направлении прямо противоположном цели полета.

Однако сейчас, когда корабль вышел на орбиту Дуссарры, Дививвидив заметно расслабился и стал более общительным. Очевидно, он безумно

боялся вхождения в атмосферу планеты, но — по какой-то причине, ведомой только его расе, — тот факт, что в данном случае он погибнет не от чьей-нибудь руки, укрепил его дух, и он относился к предстоящей посадке точно так же, как отнесся бы к ней обычный, не обладающий особым мужеством человек.

Дививвидив уже натянул на себя серебряный костюм, готовясь вскоре покинуть судно — что должно было произойти примерно через час, — после чего принялся уничтожать свои пищевые запасы. Когда ему сказали, что колкорронский рацион состоит в основном из полосок вяленой говядины и рыбы вперемешку с брикетами спрессованной пшеницы и сухофруктов, он настоял на том, чтобы на корабль доставили его собственную провизию. Инопланетная пища представляла собой разноцветные кубики плотного желе, завернутого в золотую фольгу. Дививвидив вытащил целую пригоршню таких кубиков из кармана и внимательно рассматривал их, очевидно, отыскивая лакомый кусочек.

Толлеру снова бросилось в глаза необыкновенное спокойствие инопланетянина, и он в очередной раз задумался о том, что ждет их в будущем: больше всего его заботило, не припря-

таны ли у Дививвидива про запас целые пласты знаний, о которых он даже не упомянул во время телепатического контакта. Как бы упражняясь в практической стратегии и тактике, Толлер попытался перенестись в уме на тысячи лет вперед, в будущее колкорронской цивилизации, делая особый упор на развитие военной технологии, и в тот же миг весьма тревожное видение расцвело перед его глазами.

— Скажи-ка, серая морда, — спросил он. — Эта штуковина, которую ты зовешь Кса… это ведь просто машина?

«В принципе — да».

— Однако вы наделили ее возможностью видеть с необычайной четкостью объекты, находящиеся в тысячах миль от нее?

«Верно».

— Следовательно, можно сделать логический вывод, что твой родной мир, колыбель твоей цивилизации, просто наводнен подобными машинами. — Толлер замолчал — его слова уже произвели должное впечатление, а в остальном инопланетянин разберется сам.

«Ты ошибаешься! — прозвучал изумленный ответ Дививвидива. — У нас нет таких устройств, которые могут заметить корабль и предупредить

о его приближении. Мы не следим за небесами. Зачем нам это?»

— Ну, чтобы защититься от внезапного вторжения… опередить врага.

«Но откуда взяться такому врагу? И с какой стати иной культуре идти на враждебные действия по отношению к Дуссарре?»

— С целью покорения новых земель, — объяснил Толлер, уже начиная жалеть, что затеял этот разговор. — Желание покорять и править…

«Это примитивный образ мышления, Толлер Маракайн, — ему нет места в цивилизованных сообществах». — Дививвидив вновь вернулся к пищевым кубикам.

— Самодовольство — основной враг… — Толлер, к своему раздражению, вдруг обнаружил, что не способен закончить наполовину придуманный афоризм. Одержимый жаждой действия, он схватился за рукоятку воздушной машины, добавив новый заряд огненной соли к воде в покрытом проволочной сеткой резервуаре. Еще в начале путешествия Дививвидив выказал определенный интерес к этому устройству и объяснил Толлеру, что воздух состоит из смеси нескольких газов, один из которых — кислород — крайне необходим для всего живого. Кроме

того, он поддерживает горение и заставляет железо ржаветь. Когда огненная соль вступает во взаимодействие с водой, в результате реакции вырабатывается большое количество кислорода, и таким образом команда корабля выживает во время долгих полетов в межпланетном вакууме. Толлер подробно записал эти научные данные, надеясь по возвращении в Прад передать их заинтересованным сторонам. Правда, он предпочел не вдаваться в подсчет своих шансов доставить эту информацию на Верхний Мир.

Спустить корабль до уровня, где окружающий воздух пригоден для дыхания, не составило бы труда. Затем они бы выключили двигатель и покинули борт. Выпрыгнуть из парящего судна, залезть в коконы и привязаться друг к другу также не требовало особых усилий. Однако Дививвидив возразил, что кажущийся неподвижным корабль мало-помалу наберет скорость и вскоре последует за парашютистами. Достигнув поверхности, он взорвется, как бомба, что может стоить жизней многим дуссаррианам.

Толлера такая перспектива особенно не тревожила — он считал население чуждой планеты своими врагами, — но пришлось согласиться с доводом, что невинные жертвы весьма осложнят

переговоры. Кроме того, он рассчитывал высадиться как можно тише, а не под аккомпанемент жуткого взрыва.

По этим причинам Толлер положил судно на бок и направил туда, где, если верить Дививвидиву, оно должно было безвредно упасть в море. Главный двигатель оставили включенным, зафиксировав рычаги в положении минимальной тяги. Но теперь Толлер и Стинамирт столкнулись еще с одной проблемой — выпрыгивая из движущегося на внушительной скорости судна, они могли упустить пленника. Дививвидив, будучи значительно легче, станет падать медленнее, чем они, и стоит ему только вырваться, как физические законы сразу же вступят в силу и обеспечат ему благополучный побег, все с большей скоростью увлекая Толлера и Стинамирта к поверхности планеты.

Толлер подошел к этой проблеме со всей ответственностью и настоял, чтобы перед тем, как покидать судно, все обвязались одним крепким линем. Попасть наружу можно было только из средней секции, а люк специально сконструировали очень маленьким, чтобы не нарушать структурной целостности корпуса. Поэтому всем троим пришлось прижаться друг к другу и ждать

в тесном пространстве шлюза, пока Толлер отвернет болты. Дверь представляла собой усеченный конус, чтобы внешнее давление плотнее прижимало ее к раме. Свободной рукой Толлер еле-еле вытолкнул деревянный диск наружу.

Завывающий ледяной воздух ударил в лицо. Покрепче ухватив щуплую фигурку Дививвидива и взяв за руку Стинамирта, Толлер выбросился в холодную сверкающую пустоту. Инерция увлекла их за собой, завертела, понесла прочь от корабля. Мгновение спустя уши заложило от оглушающего рева, и вселенная превратилась в ослепительно белое облако — они вошли в полосу выхлопных газов космолета.

Эта круговерть длилась считанные секунды, и вскоре все трое очутились в чистом воздухе, в сотнях миль над поверхностью Дуссарры. Небо над ними было заполнено звездами, галактиками и кометами. В стороне расползалось блестящее облако снежинок — корабль неторопливо скрывался вдали. Теперь Толлер мог вернуться на родину только при помощи волшебства инопланетного передатчика материи, но в данную секунду у него не было времени строить планы отступления.

Падение сквозь верхние слои атмосферы, когда

внизу простираются долгие мили пустого воздуха, — непростое испытание даже для опытного пилота, и Толлер понимал, что Дививвидиву сейчас приходится очень туго. Инопланетянин не дрожал, но движения его рук и ног казались бессмысленными, кроме того, он даже не пытался связаться с ними.

— Давай засунем его в кокон, пока мы до смерти не замерзли, — сказал Толлер. Стинамирт кивнул, и, разом дернув за линь, они притянули Дививвидива к себе. Выпуклость парашюта инопланетянина изрядно мешала, но им все же удалось затолкать Дививвидива в шерстяные внутренности мешка. Они застегнули горловину и открыли вентиляционное отверстие.

«Здесь удобнее, чем я думал, — поделился с ними Дививвидив. — Может быть, я вздремну немножко — но что, если я не смогу выбраться из кокона, когда придет время открывать парашют?»

— Не беспокойся, — крикнул Толлер в отверстие мешка. — Мы не дадим тебе разбиться.

Шарф, закрывающий лицо, мгновенно заледенел от паров дыхания, и даже несмотря на теплый комбинезон, Толлер начал дрожать от холода. Он оттолкнулся от инопланетянина и

залез в собственный кокон, сражаясь с постоянно за что-то цепляющимся мечом. Очутившись в тепле и покое, Толлер понял, с каким нетерпением ждал этого момента, и вдруг ощутил странную вину. Он закрыл глаза и задремал. Падение к далекой планете только началось, и лишь немного погодя они наберут достаточную скорость. Пока же вокруг было тихо, а он очень устал и хотел немного расслабиться…

Некоторое время спустя Толлер проснулся и увидел, что снаружи темно. Тень Дуссарры захватила в свои объятия три искорки жизни, которые, отдавшись на волю гравитации планеты, продолжали путь к поверхности. Интересно, как выглядит чужеродный мир ночью, подумал Толлер и, охваченный внезапным любопытством, приподнялся, открыл горловину кокона и выглянул наружу.

Неподалеку мчались бесформенные тени — коконы Стинамирта и Дививвидива, очерченные серебряными вспышками вселенной, — но взгляд Толлера приковала таинственная планета, распростершаяся внизу. Видимое полушарие погрузилось во тьму, и лишь восточный край его охватывала тонкая бело-голубая полоска. Толлер не раз наблюдал подобное на Мире и Верхнем

Мире, но там ночные области всегда скрывал беспросветный мрак, поэтому он был несколько не готов к зрелищу сумеречной стороны планеты, которая служила домом высокоразвитой цивилизации.

Основные земельные массивы, кажущиеся незначительными в свете дня, превратились в островки желтого сияния, и чем больше сгущалась тьма, тем ярче горели огни, и даже океаны были усеяны блестящими капельками, что вызвало у Толлера образы гигантских кораблей, размерами превосходящих целые города и курсирующих по всей планете в поисках выгодных торговых сделок. Этот мир казался огромной металлической сферой, сквозь дырки в которой пробивался свет, излучаемый каким-то внутренним огнем.

Толлер довольно долго любовался открывшимся ему великолепием, а затем, немного успокоившись и почувствовав себя как бы очистившимся, залез обратно в кокон и застегнул горловину, защищаясь от страшного холода.

Едва приземлившись, он понял, что их обманули и завлекли в ловушку.

Три парашюта открылись практически одновременно, расправив свои купола над погло-

щенным ночью ландшафтом. Единственным признаком жизни служила тонкая вереница огоньков в нескольких милях к западу. Ветра практически не было, поэтому и у неопытного Дививвидива трудностей при приземлении возникнуть не могло. Толлер даже ощутил прилив давно забытого оптимизма, когда все трое погрузились в высокую, залитую светом звезд траву…

С виду все осталось без изменений. Если глаза его не обманывали, Толлер приземлился на равнине, как две капли воды похожей на любую равнину его родной планеты. Стинамирт и Дививвидив опустились немного левее. Они тоже стояли по пояс в траве — и все-таки Толлер чувствовал под ногами плоскую каменную кладку. Вокруг раскинулось пространство пустынного луга, однако он уловил какое-то движение и ощутил чье-то разумное присутствие.

— Берегись, Бэйтен, — крикнул он, обнажая меч. — Нас предали!

Толлер в гневе повернулся к Дививвидиву, но сутулой фигурки инопланетянина нигде не было видно. Он словно сквозь землю провалился.

«Опусти оружие, Толлер Маракайн. — В голосе Дививвидива прозвучали одновременно дружелюбные и презрительные нотки. — Тебя

окружает по меньшей мере тысяча офицеров стабильности. Многие из них вооружены — поэтому любые враждебные действия с твоей стороны могут повлечь за собой твою же смерть».

— Я дорого продам свою жизнь, — прорычал Толлер.

«Может быть, но в таком случае ты никогда не увидишь свою женщину. Она всего лишь в нескольких милях отсюда, и спустя считанные минуты ты можешь оказаться в ее компании. Живым, возможно, ты ей еще послужишь, но вот мертвым…»

Толлер уронил меч. Клинок звякнул о каменную мостовую, и глаза его наполнились слезами разочарования и ярости.

Глава 14

Лишь когда Толлер и Стинамирт отдались на волю возникших из ниоткуда рук, когда им стянули запястья за спиной, таинственная повязка упала с их глаз. Сигнал от сетчатки, который раньше задерживался внешними силами, наконец достиг мозга, и два колкорронца вновь обрели зрение.

Ночь по-прежнему окутывала окрестности, но

залитые светом звезд луга сменились мешаниной тускло светящихся зданий и рядами темных фигур дуссарриан, окруживших Толлера и Стинамирта. Толлер догадался, что они находятся на огромной площади какого-то города. Соседние здания отличались плавными изгибами и округлостями, резко контрастируя с привычной угловатой архитектурой его родной планеты. Неподалеку, несмотря на то что жаркая ночь действительно была безветренной, качались изящные деревца. В бурлящем море облаченных во все черное инопланетных фигур выделялось единственное знакомое лицо — Стинамирт в растерянности глядел на своего командира.

— Похоже, вы все-таки одолели нас, — сказал Толлер нарочито равнодушным голосом. — Волшебство одержало верх над силой.

Дививвидив чуть приблизился, пробившись сквозь шеренгу пахучих тел.

«Я желаю тебе только добра, Толлер Маракайн, поэтому искренне советую позабыть о своих примитивных идеях насчет волшебства и магии. В природе не существует ничего сверхъестественного. То, что естественно для нас, кажется вам волшебством, но это просто потому, что по сравнению с вами мы обладаем куда большими

знаниями».

— Которые ничем не отличаются от волшебства. Надо же, человека подвели его собственные глаза.

«Организовать это было совсем несложно. Приблизившись к земле, я воспользовался телепатической помощью некоторых моих сограждан. Стоило нам превзойти тебя и твоего компаньона численностью, как мы начали диктовать вам, что видеть, а что нет. Один-единственный голос бесследно теряется в мощном хоре. И никакого волшебства!»

— Но ты же не будешь отрицать, что тебе просто повезло, — проворчал Толлер, чувствуя, как его подталкивают к только что подъехавшему экипажу. — Мы приземлились рядом с городом, угодили прямо в толпу твоих лакеев… И объяснение тому — либо волшебство, либо слепая удача.

«Ни то, ни другое! — Дививвидив и Толлер потеряли друг друга в толпе, но слова инопланетянина звучали все так же четко и ясно. — Как только от меня поступил сигнал о случившемся, мои товарищи взяли контроль над местными воздушными течениями и проводили нас прямо сюда. Я же предупреждал тебя, Толлер Маракайн, — у твоей миссии не было ни единого

шанса на успех.

А теперь я возвращаюсь обратно на пост, поэтому вряд ли мы когда-нибудь еще встретимся, но ты можешь не опасаться за свою жизнь. В отличие от вас, примитивов, мы, дуссарриане, не…»

Этот жест был несвойственен Дививвидиву, но внезапно цепочка его мыслеформ оборвалась. Последовало секундное колебание, за которым Толлер различил присутствие чувства вины, а затем ментальный контакт прервался. Концепция телепатии была еще в диковинку Толлеру, поэтому он почувствовал некоторое удивление, обнаружив, что способен воспроизводить в уме неизвестные прежде слова, однако ему вдруг показалось, что инопланетянин перенес неожиданный укол совести, возможно, вызванный стрессом после падения с огромной высоты.

«Виноват! — Слово это назойливым комариком билось и жужжало внутри смущенного мозга Толлера. — Неужели серая морда снова солгал? Нас с Бэйтеном облапошили? И сейчас ведут прямиком на эшафот?»

Страдая от отсутствия опыта, он вновь неловко попытался дотянуться своим мозгом до единственного знакомого дуссаррианина, но ответом была ментальная пустота. Дививвидив исчез и

отныне принадлежал уже прошлому, а времени на подробный анализ воспоминаний не оставалось. Повозка, вынырнувшая из ночных проулков инопланетного города, смахивала на громадное черное яйцо. Она качалась над сплошным полотном дороги на расстоянии вытянутой руки. В боку ее появилось отверстие, хотя Толлер никаких вспомогательных механизмов не заметил: только что корпус представлял собой сплошной черный овал, и вдруг в нем открылся круглый люк, ведущий в светящиеся призрачно-красным цветом недра. Дюжины рук начали подталкивать его и Стинамирта к повозке.

Первым побуждением Толлера было сопротивляться изо всех сил, бороться до конца, но где-то внутри него еще оставалась надежда, что Дививвидив на самом деле им не враг. Надежда была призрачной — она основывалась на тонких нюансах и двусмысленных намеках и еще на том, что инопланетянин обладает чувством юмора, — но Толлеру не оставалось выбора, поэтому он последовал за этой тусклой путеводной звездой.

Вместе со Стинамиртом он забрался в повозку, и она легонько качнулась под их весом. Дверь исчезла, словно расплавленный металл вновь обрел поверхностное натяжение, и внезапно навалив-

шаяся тяжесть подсказала Толлеру, что повозка поднялась в ночное небо. Сиденья отсутствовали, но это не имело значения — внутри было очень тесно, потому что толстые комбинезоны двух колкорронцев занимали почти все место. Легче просто постоять. Спустя некоторое время Толлер весь покрылся потом, но практически не ощущал этих липких ручейков, сбегающих по спине.

— Ну что ж, Бэйтен, — сказал он удрученно. — Я тебя предупреждал, что так все и обернется.

— А я не жалуюсь, — вымученно улыбнулся Стинамирт. — Скоро я увижу такое, о чем и не мечтал, а жизнь моя вне опасности.

— Это если верить словам серой морды — а он уже достаточно наврал.

— У него были на то причины! Но на этот раз ему просто незачем врать.

— Надеюсь, ты прав. — Толлер припомнил странное колебание, телепатический призрак вины и раскаяния, проскользнувший в последнем контакте с Дививвидивом, но не успел он толком поразмыслить над этой загадкой, как Стинамирт вдруг повалился на него — направление полета резко изменилось. Вслед за этим раздался едва слышный щелчок, и повозка остановилась. В стене появилась маленькая дырочка и начала

расти — вскоре перед ними зияла круглая дверь.

За ней открывался короткий коридор, напоминающий испещренную пятнышками половинку разрезанной поперек стеклянной трубы. В материале виднелись серые, желтые и оранжевые вкрапления, стены и потолок тускло светились — то ли сами собой, то ли подсвеченные снаружи. Толлер посмотрел по сторонам и увидел, что край этой полутрубы настолько плотно примыкает к повозке, что в щелку не пролезет даже листок самой тонкой бумаги. Он всмотрелся в глубь коридора. Тот упирался в выпуклую стену с маленьким круглым отверстием в центре, которое то открывалось, то закрывалось. Несмотря на усталость и опустошенность, Толлер припомнил определенные биологические параллели.

— А что, поприветствовать нас никто не желает? — спросил он у Стинамирта и неловко вылез из повозки. Толстый костюм мешал двигаться, тем более что руки все еще были связаны за спиной. Как только он и Стинамирт достигли конца коридора, отверстие расширилось, открывая доступ в большое помещение — круглую залу, наполненную лестницами и галереями. Этот образчик инопланетного собора в другое время, несомненно, заинтересовал бы Толлера, но

сейчас ему было не до архитектурных изысков. Взгляд его остановился на небольшой группке женщин, бегущих им навстречу.

И впереди них спешила графиня Вантара!

— Толлер! — выкрикнула она, и ее прекрасные черты засветились нечеловеческой радостью. — Толлер, любовь моя! Ты пришел, ты пришел, ты пришел… Я так и знала, что это будешь ты!

Она так импульсивно кинулась ему на шею, что он чуть не упал. Прижавшись к Толлеру, графиня страстно поцеловала его, и ее язык требовательно скользнул к нему в рот… Толлер был ошеломлен, все его чувства пришли в смятение, поэтому он даже не заметил, как кругленькая фигурка лейтенанта Пертри подошла сзади. Лейтенант начала развязывать ему руки, а трое других членов команды занялись Стинамиртом. Вантара, все еще не отпуская Толлера, слегка отстранилась и лишь тогда поняла, что на самом деле происходит.

— Так ты пленник! — горько констатировала она. — Тебя поймали точно так же, как и нас! — Она оттолкнула Толлера, и на лице ее проступили разочарование и ярость. — Что, твой корабль тоже врезался в этот странный риф?

— Нет. Мы подошли к нему днем, и мне удалось обогнуть его. Добравшись до Прада, я узнал, что

твое судно еще не прибыло, и немедленно отправился на поиски.

— А где же твои войска? Толлер потер затекшие запястья:

— Нет никаких войск — только я и Бэйтен. Челюсть Вантары отвисла. Она недоверчиво посмотрела на лейтенанта:

— И ты, командуя армией из одного человека, осмелился бросить вызов инопланетной расе?!

— В то время я даже не подозревал о присутствии враждебной силы, — неловко признался Толлер. — Я думал только о твоем спасении. Кроме того, в такой ситуации двое или тысяча — никакой разницы нет!

— Ушам своим не верю, Толлер Маракайн проповедует пораженчество! Или, может, передо мной самозванец, подосланный этими грязными тварями? — Толлер не успел и слова сказать, как Вантара отвернулась и быстрым шагом направилась к ближайшей лестнице.

«Сначала я был безрассудно храбр — теперь я чересчур робок», — подумал Толлер, чувствуя обиду. В смущении он посмотрел на трех молодых женщин в пилотской униформе, которые занимались Стинамиртом. Они помогали ему освободиться от комбинезона и в то же самое

время — с явным дружелюбием — улыбались и засыпали вопросами. Стинамирт выглядел несколько сконфуженным, но лицо его лучилось довольством.

— Вы уж извините моего командира. Она аристократ по воспитанию, — произнесла лейтенант Пертри, а в глазах ее прыгали смешливые искорки. — Нельзя сказать, что нас держат здесь на хлебе и воде, но графиня — будучи королевских кровей и, следовательно, обладая повышенной чувствительностью — находит условия нашего содержания несколько унизительными.

Толлер был почти благодарен той жаркой волне гнева, которая нахлынула на него и вернула к реальности.

— Я прекрасно помню вас, лейтенант. Вижу, вы по-прежнему при любом удобном случае нарушаете правила субординации и демонстрируете неуважение к старшим офицерам.

— А я прекрасно помню вас, капитан, и вижу, вы по-прежнему одержимы страстью и ничего вокруг себя не замечаете.

— Лейтенант, я не позволю, чтобы…

Толлер запнулся на середине предложения, внезапно вспомнив, что сам разрешил Стинамирту участвовать в экспедиции только при

условии, если они забудут о прежнем различии в рангах и классах. Он смущенно улыбнулся и начал выбираться из жарких недр комбинезона.

— Простите, — сказал он. — От старых привычек нелегко отказаться. Я не раз слышал, как вас зовут, но, признаюсь честно, все время забываю ваше имя…

— Джерин.

— А мое — Толлер, — снова улыбнулся он. — Может быть, мы подружимся и плечом к плечу встанем против общего врага?

Он ожидал, что толстушка сразу смягчится, и был немало удивлен, увидев тревогу на ее кругленьком личике.

— Значит, это правда, — выдохнула она, растеряв вдруг всю самоуверенность. — Раньше вы так не говорили. Ну так скажи мне, Толлер, нас и впрямь перенесли на другую планету? Пути домой нет? Эта тюрьма действительно находится на каком-то необычном небесном теле в миллионах миль от Верхнего Мира?

— Да. — Толлер заметил, что три другие девушки тоже внимательно слушают его. — А вы что, ничего не знали?

— Когда стемнело, до маневра переворота оставалось еще часа два, — задумчиво начала

Джерин. — Было решено сбросить скорость и совершить маневр, как только проглянут первые лучи…

Она описала ему, как команда, большинство членов которой спали, была разбужена страшным скрежетом, донесшимся со стороны баллона. Затем треснули все четыре подпорки, и обломки насквозь прошили парусину. Сразу вслед за этим волна газа накрыла команду, и шар начал резко уменьшаться в размерах. Ужас и смятение только усилились, когда гондола запуталась в складках поврежденного баллона.

Прошло несколько страшных минут, прежде чем перепуганным до смерти астронавтам удалось выбраться наружу. Призрачного свечения Мира как раз хватило, чтобы сделать невероятное открытие — их судно натолкнулось на кристаллическую пластину, которая, казалось, раскинулась до самого горизонта, напоминая замерзшее море. А всего лишь в нескольких фарлонгах от места крушения — чудо следовало за чудом — возвышался фантастический замок, прекрасный и загадочный, темным силуэтом выделяющийся на серебряном фоне космоса.

К счастью, воздухоструев хватило на всех, и вскоре они приблизились к замку. Каким-то об-

разом им удалось отыскать в его металлической обшивке дверь. Они вошли и непонятно как очутились в этом серо-желтом соборе. Не прошло и секунды, как они вдруг стали пленниками…

— Я подозревал нечто подобное, — подвел итог Толлер, когда лейтенант закончила рассказ. — Что-то подсказывало мне, что она… что все вы еще живы.

— Но что с нами случилось?

— Дуссарриане использовали усыпляющий газ. Должно быть…

— До этого мы и сами додумались, — перебила Джерин, — но что дальше? Нам сказали, будто нас волшебством перенесли на другой мир, но все это — пустые байки. По-моему, мы все еще где-то в глубинах замка. Да, мы весим как обычно, будто находимся на поверхности планеты, но это опять-таки может быть волшебством.

Толлер покачал головой:

— Мне, конечно, очень жаль, но все рассказанное вам — чистая правда. Эти инопланетяне способны путешествовать от звезды к звезде со скоростью мысли. Вас перенесли — не успели вы и глазом моргнуть — на их родную планету Дуссарру.

Его слова вызвали среди женщин смешанную

реакцию — кто-то с отчаянием в голосе вскрикнул, кто-то недоверчиво прищурился. Высокая, со вздернутым носиком блондинка в униформе капрала расхохоталась и что-то прошептала стоящей рядом девушке. До Толлера вдруг дошло, что уроки космологии и галактической истории, полученные им и Стинамиртом от Дививвидива, в корне изменили их внутреннее «я». Теперь они оба разительно отличались от своих соотечественников. Он наконец понял — ощутив при этом некоторую неловкость, — какими упрямыми и невежественными они выглядели в глазах Дививвидива.

— А откуда ты знаешь, что вся эта болтовня насчет магического перемещения по небосводу — правда? — усмехнулась Джерин. — Ты-то тоже небось руководствуешься одними сказками этих чудищ, как и все мы.

— Вовсе нет! — возразил Толлер, снова начав выпутываться из своего костюма. — Когда Бэйтен и я проникли в «замок» — по-моему, так вы называете станцию, — мы захватили его трупообразного хозяина в плен, приставив тому клинок к горлу. А затем мы перевезли его в виде заложника на старый, добрый колкорронский космолет. Так что, уверяем вас, в данный момент

все мы находимся в миллионах миль от Верхнего Мира. Мы на родной планете захватчиков.

Глаза Джерин расширились, а лицо залилось румянцем.

— Ты пошел на это ради… — Она бросила взгляд на лестницу, где скрылась Вантара. — Ты запустил один из древних космолетов Группы Обороны… отправился на нем на другую планету… и все ради…

— Для высадки мы решили воспользоваться парашютами и прихватили с собой нашего пленника, — вмешался Стинамирт, прервав затянувшееся молчание. — Но только эти проклятые лысые твари подавили наши чувства и ослепили нас, поэтому мы попали в засаду. Имей мы шанс сразиться с ними в открытую, честь по чести, исход мог бы быть совсем другим. Мы бы вошли сюда с нашим заложником, трясущимся за свою шкуру, так как к его горлу было прижато лезвие меча, — и обменяли его на вас.

— Я должна доложить об этом капитану, — произнесла Джерин, слегка задыхаясь и широко раскрытыми глазами изучая лицо Толлера. — Ее непременно следует поставить в известность.

— Она до сих пор считает, что мы находимся в зоне невесомости! — Толлер облегченно вздохнул

и улыбнулся, поняв наконец, почему отношение к нему Вантары так резко переменилось. — Естественно, она ожидала, что меня сопровождает целая армада, и, конечно, была разочарована, услышав обратное.

— Да, но прояви она чуть больше терпения… — Стинамирт прервался на полуслове и виновато опустил голову.

— Что ты сказал, Бэйтен? — яростно глянул на него Толлер.

— Ничего! Ничего!

— Сэр? — Вперед выступила высокая блондинка. — Вы не могли бы сообщить нам, сколько нас здесь уже держат?

— А в чем дело? Вы потеряли счет дням?

— Здесь нет понятий дня и ночи. Свет еще ни разу не гас. Толлер, который пытался смириться с перспективой длительного заключения, видел мало привлекательного в жизни при постоянно горящих лампах.

— Кажется, вы пробыли здесь дней двадцать пять. А как же насчет еды? Вы могли бы вести отсчет завтраков, обедов и ужинов.

— Обедов и ужинов! — криво усмехнулась блондинка. — В каждой камере стоит корзина с запасом еды, который чудища то и дело попол-

няют. Это кубики… Ну, в общем, у каждой из нас имеется собственное мнение на тот счет, чем нас кормят.

— По-моему, это просто перченое мясо синерога, — удрученно произнесла смуглая женщина в форме рядового.

— Перченое дерьмо синерога! — вставила третья летчица, шатенка, передернувшись от отвращения, чем несказанно развеселила своих подруг. Она была коротко подстрижена, что абсолютно не шло ее очень симпатичному личику.

— Это Традло, Мистекка и Арванд, — пояснила Джерин, по очереди указывая на девушек. — Наверное, ты уже мог заметить, что они абсолютно забыли, как себя следует вести в присутствии офицера.

— Ранги для меня больше ничего не значат. — Толлер кивнул женщинам. — Говорите что хотите и поступайте по своему усмотрению.

— В таком случае… — Арванд бочком подобралась к Стинамирту, схватила его за руку и одарила теплой улыбкой. — В постели одному так тоскливо — как ты считаешь?

— Это нечестно! — воскликнула белокурая Традло, хватая Стинамирта за другую руку. Бедняга совсем смешался. — Всем поровну!

Толлер хотел было направиться на поиски Вантары, но по лицу Джерин заметил, что разговор еще не завершен. Он неохотно отошел в сторонку, где они могли бы побеседовать наедине.

— Толлер, я прошу прощения, что так относилась к тебе, — смущенно начала она. — Ты всегда казался таким хвастуном… и твой меч… Ты так старался подражать своему деду, что все, кто был знаком с тобой, считали тебя тщеславным и заносчивым, хотя сейчас я сама не понимаю почему.

Но то, что ты сделал… ведь ты летел на одном из этих древних деревянных бочонков сквозь черные глубины космоса и добрался до другой планеты… и вот ты здесь…

Одним словом, я хочу сказать, что Вантара — наисчастливейшая женщина за всю историю и что тебе больше никогда не придется жить в тени своего деда. Теперь не может быть никаких сомнений — вы достойны друг друга.

Толлер моргнул — в глаз ему попала какая-то соринка.

— Я очень ценю то, что ты мне сказала, но я всего лишь…

— Скажи мне лучше вот что. — Джерин переключилась на деловой тон несколько раньше,

чем того хотелось бы Толлеру. — Эти монстры заколдовали нас? Почему мы слышим то, что они говорят, когда их даже нет рядом, когда ни единого звука не раздается? Это волшебство?

— Никакого волшебства здесь нет, — начал объяснять Толлер, снова почувствовав, какая пропасть пролегла между ним и его соотечественниками. — Дуссарриане так общаются друг с другом. Они ушли далеко вперед в своем развитии, поэтому теперь им не требуется изъясняться словами. Они общаются мысленно и могут связаться друг с другом на огромном расстоянии. Неужели вам этого не объяснили?

— Нам ничего подобного не говорили. Мы для них не больше чем животные в зоопарке.

— Думаю, я получил эти знания просто потому, что инопланетянин, с которым я общался, тянул время ради сохранения собственной жизни. — Толлер с отвращением оглядел галереи. — И когда обычно дуссарриане связываются с вами?

— Есть тут один… его все зовут директором, — ответила Джерин. — Он может говорить с нами часами — постоянно задает вопросы о нашей жизни на Верхнем Мире, о наших семьях, о нашей пище, фермах, о различиях между одеждой мужчин и женщин… Его интересует каждая мелочь.

А есть еще один, хотя скорее всего это женщина, которая все время отдает приказы.

— И что она приказывает?

Джерин пожала плечами:

— Выйти из клеток, собраться тут, на полу… и тому подобное. Мы остаемся здесь, пока один из монстров меняет воду, разносит новые кубики.

— А этот так называемый директор посещал вас хоть раз лично? Вас осматривали какие-нибудь важные дуссарриане?

— Сложно сказать. Иногда мы видим целые группы монстров вон за той загородкой, но… — Джерин показала на застекленное, похожее на большую коробку сооружение, которое закрывало один из входов в купол, и задумчиво посмотрела на Толлера. — А почему тебя это так интересует, Толлер?

— Я лишился отличного заложника, — улыбнулся он, — и теперь подыскиваю очередного кандидата на эту должность.

— Но после всего того, что ты рассказал нам… Отсюда не сбежишь.

— Вот здесь ты не права, — тихо произнес Толлер, нахмурившись. — Убежать можно откуда угодно… если только задаться целью… и отважиться на риск, который обязательно при-

сутствует при побеге…

Толлер и Стинамирт спорили о традиционных и современных методах меблировки комнат, делая особый упор на дизайн стульев.

— Ты не забывай, железо мы получили всего пятьдесят лет назад, — сказал Толлер. — Скобы и уголки непременно изменятся, а потом отойдут и деревянные болты.

— Неправда, — возражал Стинамирт. — К мебели надо относиться как к творениям художника. Стул — это та же скульптура, хотя с таким же успехом его можно назвать приспособлением для поддержки толстых задниц. Да любой чувствующий искусство человек скажет тебе, что дерево может сочетаться только с деревом. Шипы должны быть естественными, Толлер, и хотя стулья получаются не такими прочными, как твои деревянно-металлические гибриды, в них есть некая чистота, которая…

Он продолжал говорить, а Толлер тем временем встал на колено и попробовал поддеть пол галереи большой иглой для починки сетей, вытащенной из сумки, где хранилось все необходимое для ремонта кораблей. Толлер поднял взгляд и покачал головой, показывая, что покрытие слишком хорошо прикреплено к полу; план

содрать его и неожиданно свалиться на голову стоящим внизу оказался несостоятельным. Они находились в галерее, проходящей прямо над комнатой, где, если верить лейтенанту Пертри, периодически появлялись группы дуссарриан для обозрения пленников.

— Да, после Переселения и до сих пор только состоятельные люди могут пользоваться услугами опытных столяров и плотников, — заметил Толлер, выпрямляясь. — Но у обычных людей тоже должно быть хотя бы что-нибудь, на чем можно пристроить зад — а я сомневаюсь, что их задницы слишком уж толстые, — иначе им придется сидеть на голом полу.

Толлер и Стинамирт вслух разговаривали о мебели — это вызывало у них в мозгу образы всяческих планок, шипов и рам, — а сами между тем пытались отыскать слабое место в строении тюрьмы. Продолжая увлеченно дискутировать, они спустились вниз и приблизились к самой комнатке. В темном бездонном мире телепатических связей они были пока новичками, настоящими примитивами, но из бесед с Дивив-видивом они узнали достаточно для понимания того, что инопланетяне не так уж неуязвимы и вполне могут быть обмануты. Наверняка за

мыслительными процессами пленников сейчас следят, но колкорронцы — воины по духу и обладают прирожденным талантом завлекать врагов в ловушку.

— Но ты же не собираешься отрицать, что двери стали значительно удобнее, когда к ним добавили железные петли, — возмутился Толлер, подходя к комнатке. Любой ремесленник с Мира или Верхнего Мира построил бы для наблюдения примерно такую же конструкцию. Это была прямоугольная коробка, примыкающая одним боком к стене возле входа в купол. Три другие ее плоскости упирались в пол проходящей над ней галереи. Примерно на уровне пояса начиналось стекло, которое шло до самого верха.

Все еще споря по поводу истории развития плотничного дела, Толлер как бы невзначай прислонился плечом к углу комнаты и почувствовал, что она легонько подалась под его весом. Самый рослый из виденных им дуссарриан доходил ему максимум до плеча, кроме того, Толлер был и значительно тяжелее инопланетян — весил по меньшей мере в три раза больше обычного дуссаррианина. К тому же он был намного сильнее их физически — из-за различий в общей мускульной массе. Колкорронец представлял собой силу,

с которой Дививвидиву и его расе еще не приходилось сталкиваться. Таким образом, вполне вероятно, что комнатка, казавшаяся надежным убежищем любому дуссаррианину, могла быть разнесена в щепки простым нажатием плеч Толлера и Стинамирта.

Инопланетяне обладали многими неоспоримыми преимуществами над горсткой колкорронцев, но — во всяком случае, так надеялся Толлер — они были слишком самоуверенны, чересчур самодовольны. Их лучшие мыслители тратили силы на обдумывание всяких абстрактных проблем — например, причин исчезновения целых галактик, — и не замечали, что творится под самым носом. Они были похожи на великих королей, готовящихся противостоять мириадам врагов и не видящих телохранителя, подносящего кубок с ядом или улыбающуюся наложницу, сжимающую острый кинжал…

— Да, признаю, насчет дверей и дверных рам ты абсолютно прав, но это скорее исключение, — сказал Стинамирт, постучав ногой по панели и многозначительно кивнув. — Здесь металл пришелся к месту, но что касается стульев и столов — насчет этого я с тобой никогда не соглашусь.

— Посмотрим, посмотрим, — ответил Толлер,

и друзья продолжили свою неспешную прогулку по куполу.

Они находились в заключении всего каких-то несколько часов, но нетерпеливая и беспокойная натура Толлера уже восстала против монотонности местного существования. Телепатический голос, в котором проскальзывали едва различимые типично женские нотки, направил их со Стинамиртом в клетки, расположенные на ближайшей от входа галерее. Толлер быстренько осмотрел свою каморку и, заупрямившись из принципа, заявил, что ему она не нравится и здесь он жить не будет. Пускай подают ему другие апартаменты. Так как клетки ничем не отличались друг от друга и даже не имели дверей, ему было без разницы, где жить, но соответствующей реакции, которую он надеялся спровоцировать, не последовало.

Он немного повалялся на губчатом блоке, заменяющем кровать, но безделье ему быстро наскучило, и он пошел навестить Вантару. Ее отношение, думал Толлер, изменится, как только она узнает от Джерин, что он просто не мог привести за собой целую освободительную армию. Однако Вантара продемонстрировала полное равнодушие и, не произнеся ни слова,

отвернулась к стенке своей камеры, рядом с которой располагались места заключения других женщин. Попытавшись отнестись к вопросу философски, Толлер решил, что любая женщина впадет в депрессию, когда ей вдруг говорят, что она заточена на планете, которая крутится в миллионах миль от ее дома.

Движимый жаждой деятельности, он внимательно обследовал каждую галерею купола. Помещение оказалось достаточно большим, чтобы вместить в двадцать раз больше пленников, но ни в одной из безликих клеток не обнаружилось никаких следов предыдущих обитателей. Неужели это место изначально предназначалось под тюрьму? И есть ли вообще у дуссарриан тюрьмы? Или этот купол, наполненный стерильной, не дающей теней иллюминацией, был когда-то зоопарком? Птичьей клеткой?

Этот поток вопросов заставил шевельнуться какое-то далекое воспоминание. Перед тем как Толлер и Дививвидив расстались, возможно, навсегда, ум маленького инопланетянина омрачила какая-то странная эмоция. Толлер интуитивно определил в ней вину — и, оглядываясь сейчас назад, он лишний раз убедился в собственной правоте. Тогда Толлер боялся, не ведут ли их со

Стинамиртом на казнь, но его опасения не оправдались — так что же породило беспокойство и вину в чуждой душе Дививвидива?

Кроме того, оставался еще открытым вопрос о Кса — о том фантастическом море из живого кристалла — и о причинах его присутствия в зоне невесомости между Миром и Верхним Миром. Теперь, когда в уме Толлера кишмя кишели всякие невероятные концепции, когда странность превратилась в норму, он совершенно спокойно принял тот факт, что Кса должен зашвырнуть целую планету в самое сердце галактики, расположенной в миллионах световых лет отсюда.

Когда Дививвидив рассказал ему о Кса, он не придал его словам никакого значения — это было слишком далеко от реальной жизни на планетах-сестрах. Тогда это выглядело умозрительной болтовней, воздушным дворцом, возведенным из призрачных абстракций, — но сейчас все было иначе!

Он, Вантара и их друзья были заключены на этом злополучном мирке и… и…

Лоб Толлера наморщился. В голове у него замелькали картинки-образы. Во время первой встречи с Дививвидивом инопланетянин сказал Толлеру, что межгалактический прыжок должен

состояться через шесть дней. Шесть или, может, больше? Нет, все точно, шесть дней… полет к Дуссарре занял приблизительно четыре дня… а затем они теряли драгоценное время, падая в коконах к поверхности планеты…

Ледяной пот проступил на спине Толлера, когда он понял, что часы, оставшиеся у маленькой компании колкорронцев, можно буквально по пальцам пересчитать.

Или, может, не часы — минуты…

Глава 15

Словно в ответ на его молитвы за металлическо-стеклянным экраном появились облаченные в черное фигуры с опущенными на мертвенного цвета лица капюшонами.

Толлер мгновенно прервал нить размышлений — унял сумятицу в мыслях, попытался думать и одновременно не думать. Как только он понял, что потрясающий прыжок в отдаленную часть вселенной должен свершиться в самом ближайшем будущем, им овладел пессимизм. Ему действительно нужен был новый заложник, чтобы замерцал хоть лучик надежды на побег с Дуссарры, но, как бы между делом упомянув об

этом Джерин, он всего лишь бравировал, маскируя отчаяние и неуверенность. Его общество не раз сталкивалось лицом к лицу с кризисами, и хотя вряд ли здесь можно было провести какие-либо параллели, Толлер не представлял себе, чтобы группа высокопоставленных чиновников или ученых Верхнего Мира решила вдруг в такой ответственный момент посетить зоопарк.

Тем не менее под неестественным, безрадостным светом купола показалось несколько врагов — они поступали очень опрометчиво, сами напрашивались на роль жертв и провоцировали нападение. Вероятность, что план колкорронцев сработает, была ничтожно мала, но само существование этой вероятности — какой бы незначительной она ни выглядела — явилось тем импульсом, которого не хватало Толлеру…

Он быстрым шагом направился туда, где Стинамирт и двое пилотов — Мистекка и Арванд — сидели скрестив ноги и что-то бурно обсуждали. Женщины, прервавшись, вопросительно посмотрели на него, но Бэйтен, увидев лицо Толлера, торопливо вскочил на ноги.

— Пора, Бэйтен, — тихонько сказал Толлер. — Думай о каких-нибудь отвлеченных материях, а сам следуй за мной — это, наверное, наш

единственный шанс. — Он повернулся к женщинам. — Ступайте и скажите Вантаре и Джерин, чтобы готовились. Нам придется действовать быстро.

Он развернулся и пошел к комнате, в которой собралось примерно с дюжину дуссарриан. Стинамирт следовал за ним по пятам.

— Надавим на правый угол коробки… да, из кейлианского черного винограда получается самое ароматное вино… Зайдем справа и разом ударим… но, на мой вкус, оно все-таки кисловато…

Изгнав все связные мысли из сознания и отдавшись на волю слепому гневу, Толлер огромными прыжками кинулся вперед. Боковая стенка комнаты приближалась, и он увидел, как в его сторону начали поворачиваться серые лица. Он уже набрал достаточную скорость, а за спиной раздавалось шумное пыхтение Стинамирта, который старался не отставать. Конструкция из металла и стекла закрыла собой весь обзор, и внутри Толлера завопил инстинкт самосохранения, приказывая ему остановиться, иначе дело закончится переломами.

Пыхтя, как громадный зверь, Толлер врезался в комнатку плечом и почувствовал, как край одной из панелей оторвался от стены купола.

Стинамирт ударил почти в ту же секунду, с разгону въехав ногами в нижнюю панель, которую выбрал своей целью. Преграда треснула пополам и подалась внутрь, загоняя в угол нескольких дуссарриан и прижимая их к стене. Огромный кусок стекла падал на поднимающегося на ноги Стинамирта. Толлер уже с ужасом представлял, как стекло рассыпается на тысячи обоюдоострых ножей, но панель, не причинив никому вреда, бесшумно скользнула на пол. Послышались странные мяукающие крики — Толлер впервые услышал звуки, производимые ртами инопланетян. Дуссарриане в панике бросились к выходу.

— Ну зачем же так спешить? — крикнул вслед Толлер, прижимая плечом металлическую панель и удерживая попавшихся в плен инопланетян. — У нас здесь остались трое ваших, им может потребоваться срочная медицинская помощь.

Острым взглядом он окинул пленников. Двое из них оставались на ногах и не могли и пальцем пошевелить, прижатые к стене металлической пластиной, их мертвенно-бледные лица яростно взирали на Толлера с расстояния нескольких дюймов. Третий инопланетянин, сбитый ударом и очутившийся внутри стального сандвича, ско-

рее всего либо был без сознания, либо вообще погиб. Разглядывая стоящую парочку, Толлер даже не пытался скрыть отвращение, которое вызывали в нем эти безносые лица и дрожащие черные полоски губ. Инопланетяне не издавали ни звука, но голову Толлера переполняли встревоженные телепатические вопли. Это было ментальное выражение неприкрытого страха — обнадеживающее напоминание, что дуссарриане отнюдь не прирожденные воины. Этот страх был благоприятным знамением для Толлера.

— Проверь, готовы ли женщины, — крикнул он Стинамирту. — А я тем временем постараюсь убедить этих тварей вести себя разумно.

Стинамирт кивнул и помчался к женщинам, которые столпились у подножия лестницы, а Толлер опять повернулся к своим жертвам. Все прочие инопланетяне, в своих черных одеяниях похожие друг на друга как дождевые капли, теснились у самой двери, ведущей к выходу из купола. Густой запах их тел наполнял узкое пространство.

— Ну, кошмарики, кто из вас главный? — рявкнул Толлер. — Кто будет говорить за остальных?

Инопланетяне ничего не ответили. Секунда шла за секундой, а они все глазели на Толлера

своими белыми фарфоровыми глазками с черными дырочками. Хотя в мозгу Толлера не звучало никаких телепатических голосов, он ничуть не сомневался, что сейчас пленники мысленно взывают к другим дуссаррианам. Подумав об этом, он решил подкрепить слова действием.

— Вижу, вы крепкие ребята и просто так не сдадитесь, — сказал он, одарив инопланетян доброжелательной улыбочкой, которой обычно предварял какое-нибудь решительное действие. Эту особенность он тоже унаследовал от деда — по крайней мере так ему говорили — и подсознательно развивал ее с раннего детства. Без лишних слов он уперся покрепче в пол и что было сил нажал на панель. Инопланетяне, зажатые между ней и стеной, захрипели, их пепельные лица перекосились от боли, и Толлер вроде бы даже услышал, как хрустнула хрупкая кость.

«Остановись, дикарь! — Один из столпившихся у выхода дуссарриан шагнул вперед. — Нет прощения такому варварству!»

— Очень может быть, — ответил Толлер, учтиво поклонившись, — но если бы ты и твои отвратительные сограждане не захватили нас и не обращались, как со зверьем — по-моему, это тоже варварство, только с вашей стороны, — вам

бы не пришлось столкнуться с моим варварством. Ясна причина? Или понятие естественной справедливости доступно только тупоголовым примитивам?

«Примитив — самое подходящее определение для тебя, Толлер Маракайн, — прозвучал мысленный ответ инопланетянина. — Неужели ты до сих пор не понял, что вам не удастся покинуть эту планету?»

— А неужели вы до сих пор не поняли, что я покину эту планету — так или иначе? И если единственным выходом будет смерть, я постараюсь прихватить с собой и кое-кого из ваших. — Толлер взглянул налево и увидел, что девушки и Стинамирт уже на подходе. К его удивлению, Вантара держалась позади всех и смотрела на него нерешительными, обеспокоенными глазами.

— Мы здесь, Толлер, — крикнул Стинамирт.

— Замечательно! — Толлер вновь повернулся к инопланетянину. — Раз ты добровольно вызвался говорить со мной, значит, я могу сделать вывод, что ты весьма важная фигура. Таким образом, тебе предоставляется великая честь стать моим заложником. Ну-ка, ко мне, живо!

«А если я откажусь?»

— Я только легонько придавил этих типичных

представителей мужского населения Дуссарры, а их жалкие косточки уже затрещали. — Пленники Толлера беспокойно закрутили головами, когда тот взялся за панель поудобнее, демонстрируя свои намерения.

«Убив моих помощников, ты потеряешь и то небольшое преимущество, которого временно достиг».

— Это только начало, — пообещал Толлер, жалея, что под рукой нет меча. Он считал, что дуссарриане не обладают мужеством, но этот инопланетянин демонстрировал невиданное упорство. Внешне он ничем не отличался от остальных — причудливые одеяния из свисающих черных заплат были обычным явлением в среде инопланетян, — но этот индивид производил впечатление более важной персоны, чем, к примеру, тот же Дививвидив.

«А может… — Где-то в глубинах сознания Толлера начала зарождаться смутная догадка. — Может быть, госпожа Удача подкинула мне самого ценного заложника, какого только можно представить? Вдруг этот ничем не выделяющийся, невзрачный тип — король дуссарриан? Что там за титул использовал Дививвидив? Директор! А имя? Заннанан!»

— Скажи-ка мне, плешивый, — произнес он вкрадчиво, — а как тебя зовут?

«Мое имя не имеет значения, — ответил инопланетянин. — Я в последний раз взываю к твоему разуму. Твой план — если к подобному безумству вообще применимо это понятие — состоит в том, чтобы силой заставить нас отправить всех вас туда, откуда вы пришли, используя для этого мгновенный передатчик материи. После чего ты и твои товарищи на баллоне или на парашютах вернетесь на одну из родных планет. Я правильно изложил твои чаяния?»

— С чем тебя и поздравляю, труполицый! — Отказ инопланетянина назвать свое имя только приободрил Толлера и добавил ему мужества.

«Этот план несостоятелен! Более рациональные члены твоей группы испытывают насчет него большие сомнения, и в данном случае они поступают исключительно мудро».

Толлер снова посмотрел на Вантару, но она сразу опустила голову, отказываясь встретиться с ним взглядом.

«Я не волен вдаваться сейчас в подробности, Толлер Маракайн, — продолжал инопланетянин, — но, поверь, вам необыкновенно повезло попасть на Дуссарру именно в этот момент. Ты

должен поверить, что я…»

— Я верю только в одно! Ты король дуссаррианан, — заорал Толлер, давая выход ярости, которую новые опасности только подогрели. — Все, наши переговоры чересчур затянулись! Либо говори мне свое имя, либо — клянусь честью — я так пощекочу эту троицу, что они заплачут кровавыми слезами!

Уродливая фигура поднесла руку к выпуклой груди: «Меня зовут Занананан».

— Так я и думал! — Толлер триумфально оглянулся на Вантару, Стинамирта и других. — А теперь я даю тебе…

«Больше ты ничего не сможешь сделать, — прервал Толлера Занананан. — Я намеревался подробнее изучить психологические отношения между тобой и твоей женщиной, но пришел к выводу, что в неуправляемом состоянии ты либо убьешь себя, либо причинишь хлопот больше, чем того стоишь. Соответственно, я решил прекратить твое существование».

Толлер покачал головой, и голос его изменился до неузнаваемости:

— Меня не так-то легко убить.

«О, я вовсе не собираюсь убивать тебя. — В психотоне дуссаррианина проскользнули веселые

и уверенные оттенки. — Твое тело останется неповрежденным — оно еще пригодится мне для экспериментов по спариванию, — но в него я переселю другую, более мирную личность».

— Ничего у тебя не получится!

«Еще как получится! По сути дела, процесс замещения личностей уже пошел — ты поймешь это, как только попробуешь сдвинуться с места. — Рот Заннанана искривился в ужасной пародии на улыбку. — Ты был абсолютно прав, когда начал подозревать, что наши переговоры чересчур затянулись. Я приказал своим людям образовать телепатическую линзу. И эта линза сейчас настроена на твой мозг. Через несколько секунд ты перестанешь существовать. Прощай, Толлер Маракайн!»

Толлер попытался было кинуться на инопланетянина, но, как тот и предсказывал, не смог даже пальцем пошевелить. И что-то начало происходить внутри его головы. Толлер почувствовал, как кто-то вторгается к нему в мозг, и со стыдом вдруг понял, что испытывает неземную радость — жизнь Толлера Маракайна-младшего всегда была утомительной и скучной, и теперь пришло время, когда он может — с превеликим удовольствием — сбросить с плеч эту тяжкую ношу…

Глава 16

— Двенадцать кораблей! И это все? — Дасина укоряюще посмотрела на Кассилла Маракайна. — Я была уверена, что мы сможем набрать больше.

— Прощу прощения, Ваше Величество, но фабрика с трудом подготовила даже эту дюжину, — сказал Кассилл, старательно скрывая нетерпение. Он уже в третий раз за час приводил одно и то же объяснение. — Одна из основных наших проблем — это отсутствие надежных машин и запасных частей к ним.

— Но я лично видела сотни машин на старом парадном плацу в Кэнделле. Своими собственными глазами видела. Валяются под открытым небом!

— Да, но они уже устарели и сделаны исключительно из древесины бракки. Их давно заменили стальные машины.

— Что ж, тогда верните их в строй! — отрубила Дасина, поправляя жемчужно-белый парик.

— Они не подойдут под новые крепления. — Ветеран подобных бесед с королевой, Кассилл старался говорить с хладнокровным убеждением. — Уйдет много времени на то, чтобы вернуть

в строй хотя бы одну такую машину, кроме того, большинство частей старых двигателей также отсутствуют.

Дасина, прищурившись, взглянула на Кассилла и откинулась на высокую спинку стула:

— Иногда, мой дорогой Маракайн, вы напоминаете мне своего отца.

Кассилл, несмотря на царящую в комнате страшную жару, весело улыбнулся:

— Благодарю за комплимент, Ваше Величество.

— Это вовсе не комплимент, вы прекрасно знаете, — сказала Дасина. — В пору Переселения ваш отец сослужил моему супругу небольшую службу…

— Если Ваше Величество не возражает, я позволю себе вольность напомнить одну незначительную деталь, — сухо вставил Кассилл. — Он спас жизнь всей вашей семье.

— Ну, это вы излишне драматизируете, но не важно… Он помог нам всего один раз, а потом всю оставшуюся жизнь только и делал, что напоминал об этом моему супругу, вымогая всяческие поблажки со стороны трона.

— Я почитал за честь служить Вашему Величеству, — снова вмешался Кассилл, чувствуя себя

вполне свободно на знакомой территории, — и никогда даже не мечтал об ответной благодарности.

— Да вам этого и не требовалось, вы делали проще — сами поступали так, как вашей душе угодно. Вот о чем я говорю! Ваш отец притворялся, что исполняет желания короля, а сам творил, что хотел. И вы делаете точно так же, Кассилл Маракайн. Иногда мне кажется, что это вы, а не я, правите…

Дасина наклонилась вперед, и ее слезящиеся глаза с тревогой уставились на Кассилла.

— Мой дорогой друг, вы неважно выглядите. Ваше лицо покраснело, а на лбу выступила испарина. У вас лихорадка?

— Нет, Ваше Величество.

— Но что-то вас гложет. У вас болезненный вид. Я считаю, вам следует немедленно обратиться к врачу.

— Я так и сделаю, — заверил Кассилл, с тоской мечтая о той секунде, когда наконец вырвется из невыносимой жары залы, но он еще не добился того, за чем пришел. Дасина ошиблась, когда заявила, что он полностью владеет обстановкой. Он искоса посмотрел на ее хрупкое лицо, гадая, не ведет ли королева какую-нибудь коварную игру.

Может, она прекрасно понимает, что эта ужасная жара убивает его, и ждет, пока он либо упадет в обморок, либо сдастся и взмолится о пощаде.

— И все-таки почему вы продолжаете отнимать у меня время? — спросила она. — Вы, наверное, чего-то хотите.

— Так случилось, Ваше Величество, что… — Ха!

— Сущие пустяки… в общем-то это в пределах моей компетенции… но я подумал, что следует непременно обратиться к Вашему Величеству… не то чтобы…

— Закругляйтесь побыстрее, Маракайн! — Дасина в отчаянии возвела глаза к потолку. — К чему вы клоните?

Кассилл сглотнул, пытаясь избавиться от сухости в горле.

— Этот барьер между Миром и Верхним Миром представляет значительный научный интерес. Я и Бартан Драмме не раз послужили Вашему Величеству как преданные советники по делам науки, но, оценив все стороны дела, мы пришли к выводу, что нам крайне необходимо сопровождать флот…

— Никогда! — Лицо Дасины превратилось в алебастровую маску, на которой искусный художник изобразил похожую на королеву женщину. — Вы

останетесь здесь, я нуждаюсь в вас, Маракайн, — здесь, на земле! То же самое относится и к вашему другу, к этому вечному юноше, Бартану Драмме. Я понятно выразилась?

— Вполне, Ваше Величество.

— Я понимаю, вы беспокоитесь за сына — точно так же, как я беспокоюсь за внучку, — но бывают такие времена, когда лучше прислушаться к голосу рассудка, — изрекла Дасина с силой, которая немало удивила Кассилла.

— Понимаю, Ваше Величество. — Кассилл поклонился и уже собрался было выйти из залы, когда королева жестом остановила его.

— Да, пока вы не ушли, — сказала она, — позвольте еще раз напомнить вам: непременно посетите врача.

Глава 17

Испуганный крик Стинамирта пронзил темные недра души — тенистые глубины, где вращаются невиданные миры, — и достиг Толлера. Каждый мир был воплощением новой личности, и одной из этих планет должен был стать он сам, поэтому Маракайна-младшего мало волновали мелочи прошлого существования. Толлер с раздраже-

нием спросил себя: зачем он понадобился этому юнцу? Разве в черных просторах космоса может найтись хоть какое-то оправдание подобной назойливости? Ведь сейчас решалась его судьба!

Но происходило что-то еще! На адских ландшафтах, которые окружали его, началась битва. Мощные внешние силы наступали на психическую линзу, чьи изгибы формировали его будущее…

Линза треснула! Выйдя из умственного и физического ступора, Толлер возродился в мире шума и красок. Дюжины одетых в черные лохмотья фигур дуссарриан бежали по полу купола в направлении разрушенной комнаты. Кричала женщина. Инопланетяне, которых Толлер придавил панелью, освободились и, пошатываясь, брели к своему предводителю. Их товарищи, до того толпившиеся за спиной Заннанана, удирали через дверь в неведомые коридоры здания.

«Пойдем с нами! — Сбоку от Толлера возник какой-то дуссаррианин и потянул его за руку. — Мы ваши друзья!»

Толлер вырвался из серых пальцев. Инопланетянин, казалось, ничем не отличался от тех, с кем Толлеру довелось познакомиться раньше, разве что на костюме из обрывков ткани, болтающемся

на его хлипком тельце, были нашиты несколько ромбов тускло-коричневых и зеленых цветов.

— Друзья? — Толлер чуть не отшвырнул нового «знакомого» в сторону, но затем — приняв телепатическое послание — понял, что этот инопланетянин был одним из тех, кто вернул его в собственное тело. Выбирать, во всяком случае, не приходилось — ему оставалось либо стоять и ждать возвращения непобедимого директора Заннанана, либо хвататься за неожиданное предложение спастись.

— Бэйтен! — Стинамирт с беспокойством оглянулся на него. — Нам придется им довериться.

Стинамирт кивнул, а за ним кивнули несколько женщин, стоящих позади него. Люди бросились вслед за инопланетными освободителями, но их бегству воспрепятствовали другие дуссарриане, хлынувшие в купол через неизвестно откуда взявшиеся двери. Противостоящие силы столкнулись, и начался хаос. Темные фигуры сходились друг с другом в рукопашной.

Толлер с изумлением наблюдал за боем. Принцип рукопашной борьбы дуссарриан сводился к тому, что они вцеплялись друг в друга руками и ногами и начинали бороться, пока не валились на пол. Упав, они оставались лежать, словно

спаривающиеся насекомые, мешая друг другу подняться. С точки зрения человека, у такого боя было одно явное преимущество — в нем не использовалось оружие: инопланетяне сражались, как рассерженные ребятишки, и, несмотря на весь свой гнев, не способны были вывести противника из строя. У Толлера точно камень с сердца свалился, когда он понял, что он и его новые союзники не будут аннигилированы в считанные секунды; но затем он обратил внимание на негативные аспекты схватки. Борьба была слишком демократичной, она напоминала подсчет голосов. В таком бою противник одерживает победу численностью.

Еще раз пожалев об отсутствии меча, Толлер повернулся к одному из инопланетян, окруживших его и угрожающе раскинувших руки. Он уложил его на пол ударом кулака, а затем — с жаждой убийства в сердце — наступил на шею дуссаррианина каблуком, одновременно отшвыривая от себя еще двоих.

Он почувствовал, как живая плоть поддалась и превратилась в неподвижную массу. Дуссаррианин был мертв, и ужасным подтверждением тому явилось происходящее вокруг. Масса облаченных в черные одежды инопланетян — друзей и врагов

— начала биться в конвульсивном спазме, словно какая-то невидимая, мощная сила разрывала их на куски. Сражающиеся пары распались, и воздух наполнился бессловесными страдальческими воплями. Теперь единственную подвижную и действующую силу на поле боя представляли Толлер, Стинамирт и женщины.

— Что случилось? — закричала Джерин, обратив к Толлеру свое круглое личико и ясные глаза, в которых отразилась растерянность.

— Когда кто-нибудь умирает, шок переносят все плешивые, оказавшиеся поблизости, — ответил Толлер, припоминая рассказы Дививвидива о той странной телепатической отдаче, которая сопровождает смерть любого дуссаррианина. — Вся беда в том, что нашим союзникам тоже досталось. Давайте поднимайте их на ноги, и двигаем отсюда — иначе мы потеряемся в этих коридорах.

Колкорронцы немедленно принялись поднимать на ноги носивших ромбы инопланетян и подталкивать их к выходу. Их приходилось буквально тащить волоком или некоторое время толкать вперед, чтобы их конечности начали двигаться в соответствующем ритме. Разношерстная компания проскочила под аркой, выбежала в коридор и, раскачиваясь из стороны в сторону,

понеслась к двойным дверям, видневшимся в отдалении. Другие дружественные дуссарриане, которых можно было определить по зеленым ромбам на костюмах, переминались с ноги на ногу у выхода и подавали нетерпеливые сигналы двигаться побыстрее.

«Меня зовут Гретэк, — поднял голову инопланетянин, которого толкал перед собой Толлер. Его молчаливые слова были пронизаны страхом и отвращением. — Ты намеренно лишил его жизни! Ты повел себя как вадавак! У тебя что, никаких чувств нет?»

— Есть. Например, сильное желание побыстрее отсюда выбраться.

«Я не это хотел сказать».

— Знаю! Ты имеешь в виду отлив. — Толлер посильнее подтолкнул инопланетянина, чтобы подчеркнуть свои слова. — Пойми, я с превеликим удовольствием переломаю еще тысячу дуссаррианских шей, лишь бы убраться отсюда подальше, поэтому, если на нас снова нападут, готовься к следующим отливам.

Однако шансов на новое нападение оставалось все меньше и меньше. Наконец группа достигла двойных дверей и протиснулась наружу. Вокруг Толлера маячили мертвенно-бледные, чуже-

родные лица, то приближаясь, то в смущении отстраняясь. Он вырвался из тесных стен коридора в ночь, залитую искусственным светом. Частично свет этот исходил от фасадов прямоугольных зданий, а кроме того, в небе плавали светящиеся блоки, излучающие многоцветное сияние, в котором преобладали полосы ярко-красного и желтого цветов.

У Толлера не было времени как следует рассмотреть столь экзотичный пейзаж, ибо яйцеподобная повозка — практически такая же, как та, что доставила его и Стинамирта в купол, только побольше размерами, — уже ждала их. У него сложилось впечатление, что ее нижняя поверхность совсем не касается земли. Сквозь круглое отверстие виднелись тусклые внутренности. Оттуда им призывно махали руками другие дуссарриане. Толлер остановился у входа и начал помогать своим и чужим залезать в повозку. В дальнем конце коридора показалась толпа инопланетян, которые, видимо, обрели подвижность и теперь неслись к нему подобно черным птицам, отчаянно пытающимся подняться в воздух.

Толлер ничуть не боялся преследователей, которые укладывались на пол, стоит погибнуть кому-нибудь из их числа, но его подстегивало

убеждение, что Занананан слишком изобретателен, чтобы его можно было надолго вывести из строя, и сейчас с противоположной стороны их обходят другие вражеские силы. Поэтому он запрыгнул в овальную повозку, вжавшись в гущу тел, и дверь прямо за ним исчезла. На Толлера навалилась легкая тяжесть, показывающая, что повозка поднимается в воздух. Ему пришло в голову, что он не видел ни пилота, ни станции, с которой могло осуществляться управление машиной. Похоже, как это ни странно, дуссаррианский экипаж мог сам о себе позаботиться.

Он заворочался, оглядываясь по сторонам, чтобы найти подтверждение своей догадке, и вдруг понял, что в общей тесноте Вантара оказалась прижатой к нему. Ее лицо было бледным, отрешенным и напоминало маску — трагическую маску настоящей женщины, — поэтому, несмотря на то, что глаза ее смотрели на него, Толлер вовсе не был уверен, что она его видит. Чувствуя себя крайне неловко, он попытался выдавить из себя ободряющую улыбку.

— Держись, Вантара, — тихим шепотом произнес он. — Клянусь, какие бы беды ни обрушились на нас, я всегда буду рядом с тобой.

Какое-то странное, бесконечное мгновение ее

взгляд скользил по его лицу, а затем — Толлеру показалось, что солнце взошло в тесной кабинке, — она ответила ему такой же улыбкой:

— Толлер, мой дорогой Толлер! Мне так жаль, если я не…

«Молчите! — телепатически предупредил Гретэк, инопланетянин, стоящий рядом с Толлером. — Не думайте о происходящем — иначе нас легко выследят. Попытайтесь забыть, кто вы и что вы. Попытайтесь представить себя пузырьками воздуха в огромном котле кипящей воды… кидающимися то туда, то сюда… поворачивающими в самых неожиданных направлениях…»

Толлер кивнул и закрыл глаза. Он превратился в пузырек в громадном котле… он бросался из стороны в сторону… следуя опасной, непредсказуемой тропой…

* * *

Изгнав из ума все связные цепочки мыслей, Толлер настолько глубоко погрузился в ментальный транс, что даже не заметил, как повозка приземлилась. Вроде бы только что он стоял в гуще человеческих и чужеродных тел, прижатый к стенке, а в следующую секунду вокруг уже никого не осталось — вываливающиеся из повозки дуссарриане пробегали мимо. Он не получил

никакого связного телепатического призыва, но голова его была наполнена пульсирующими, подгоняющими импульсами. Даже воздух дрожал, взволнованный всеохватывающим чувством паники.

«Ты должен двигаться быстрее, — пришло молчаливое послание от Гретэка, единственного, кто остался в яйце-подобном экипаже. — Нельзя терять ни секунды».

— Что здесь происходит? — вмешалась Джерин, опередив Толлера с вопросом.

Черные губы Гретэка искривились.

«Мы находимся в гуще гражданского конфликта — если хотите, называйте это войной. Такое случилось впервые за многие тысячи лет».

— Гражданская война! — подытожил Толлер. — А чего вы тогда беспокоитесь за судьбу каких-то чужаков?

«Все случилось очень неожиданно — но ты и твои сородичи очутились в самом центре противоречий, раздирающих дуссаррианское общество».

— Не понимаю, — заморгал Толлер.

«Насколько мне известно, Решающий, ответственный за проект Кса, объяснил тебе основные причины нашего присутствия в этой части га-

лактики. Каким количеством информации вы на самом деле обладаете?»

— Ну, там было что-то про тросы, — наморщив лоб, начал вспоминать Толлер. — Какой-то взрыв должен уничтожить дюжины галактик…

Стинамирт прокашлялся и подошел к ним:

— Нам сказали, что хрустальное море… Кса… это машина, которая забросит вашу родную планету в далекую галактику, где взрыв больше не будет вам угрожать.

«Я под впечатлением, — кивнул Гретэк, переведя взгляд с Толлера на Стинамирта и махнув рукой в сторону двери. — Крайне редко бывает, когда раса, находящаяся на вашей ступени развития, способна вдруг воспринять концепции, которые настолько далеки от примитивных, базирующихся на мифах картинах…»

— Нам очень не нравится, когда нас называют примитивами, — прорычал Толлер. — Дививвидив испытал это на своей шкуре.

«Может быть, поэтому он и поделился с вами только частью информации. Если бы он рассказал вам все, что знал, это могло бы повлечь непредвиденную реакцию с вашей стороны».

— Говори! — рявкнул Толлер прямо в лицо инопланетянину. — Говори быстрее, иначе я…

«Не стоит мне грозить, Толлер Маракайн, — сказал Гретэк. — Я с самого начала протестовал против проекта Кса. Я ни в чем не виноват, и вина за содеянное меня не мучит. Дело в том, что в тот самый миг, когда Дуссарра перенесется в пункт своего назначения, ваша родная планета… и ее соседка… перестанут существовать».

Глава 18

Как и все остальные, Толлер был настолько ошеломлен словами Гретэка, что безропотно позволил миниатюрному инопланетянину вытолкать себя из повозки. На них навалилась прежняя темнота с редкими отблесками яркого света, только теперь в отдалении еще маячили изогнутые конусообразные колонны, пылающие ярко-зеленым. Опомнившись наконец, Толлер схватил Гретэка за плечо. Остальные люди столпились вокруг.

— Ну-ка еще раз, — сказал Толлер, по привычке прибегая к словам. Телепатическая связь была очень чистой, каждое слово несло в себе ассоциативные и подтверждающие ряды значений, но колкорронцы только недавно узнали, что их родные планеты приговорены к смерти, поэтому

умы людей были не в состоянии осмыслить этот факт.

Гретэк попытался вывернуться из хватки Толлера: «Поймите же, мы должны действовать быстрее».

— Ты лучше быстрее объяснись, — возразил Толлер, не двигаясь с места. — Почему это Верхний Мир будет уничтожен?

Черные буравчики глаз Гретэка оглядели группу, и Толлер понял, что сейчас на их умы обрушится целая волна телепатических мыслей — за одну секунду будет передано огромное количество данных. Он почувствовал, как мощный луч маяка начинает скользить по поверхности его сознания…

«Планеты-сестры вращаются вокруг своего общего центра притяжения, и дискообразный инструмент под названием „Кса“ вращается вместе с ними. За время каждого такого оборота ось Кса дважды указывает на планету дуссарриан — один раз прямая проходит через Мир, второй раз — через Верхний Мир. В одно из этих мгновений и будет активирован Кса; на Дуссарре сфокусируются лучи сверхсометрических сил, которые перекинут планету в назначенную галактику. И в тот же самый миг Мир и Верхний Мир прекра-

тят свое существование в местном континууме. Так как масса Верхнего Мира меньше массы соседней планеты, перемещающая энергия будет перекачиваться через вашу родину. И это должно случиться очень скоро — ось Кса будет направлена на Дуссарру меньше чем через десять минут. Если мы хотим помешать перемещению — и таким образом спасти ваши планеты от аннигиляции, — мы должны действовать как можно быстрее. Наверняка директор уже натравил на нас вадаваков. А теперь отпустите меня и следуйте прямо за мной!»

Секундное слияние закончилось, и Толлер вдруг обнаружил — он ничуть не сомневался, что ему сказали чистую правду, — что бежит за маленьким инопланетянином. Они направлялись к кругу наклоненных внутрь колонн, на кончиках которых метались язычки зеленоватого пламени. Вантара держалась за левую руку Толлера, Стинамирт бежал справа вместе с Джерин. Традло, Мистекка и Арванд мчались за ними, и, оглянувшись на их мрачные, решительные лица, Толлер понял, что послание Гретэка дошло и до них. Несмотря на летающие светящиеся блоки и пересечения разноцветных лучей, тьма укрыла их плотным покрывалом, но, даже ничего не видя

вокруг, Толлер знал, что сейчас по всему городу ведутся молчаливые битвы. Сотни, может, тысячи облаченных в черное дуссарриан сходились в необычной рукопашной схватке, накидываясь на противника и обхватывая руками и ногами, стараясь обездвижить его и тем самым вывести из строя.

— Но почему вы помогаете нам? — крикнул Толлер в спину Гретэку, давая выход тем сомнениям, которые скапливались в глубоких водах подсознания с тех пор, как они бежали из купола. — Вам-то что? Ведь погибнете не вы.

И снова разворот ослепляющего луча ментального посыла… только на этот раз все свершилось значительно быстрее… знания ярчайшей вспышкой озарили его мозг…

«В споре о перемещении планеты дуссаррианское общество разделилось на две половины. Несмотря на то что Дворец Чисел не раз предупреждал о Тросах, многие наши сограждане не верят, что они существуют в действительности. Мы, например, думаем, что информация, добытая из подпространства, может толковаться иначе. В общем, мнение наше таково, что перемещение в другую галактику излишне. Однако нам не удалось привлечь на свою сторону директора

Заннанана или заручиться поддержкой большинства.

Уже казалось, что перемещение неизбежно, и никто против него особо не протестовал — как вдруг выясняется, что один из приговоренных к смерти миров населен гуманоидной расой. Именно поэтому, пытаясь предотвратить утечку информации, директор Заннанан устроил дело так, чтобы станция Кса управлялась всего одним Решающим.

Его план увенчался бы успехом, если бы не некоторые непредвиденные обстоятельства. В Кса пришлось поместить искусственный разум, чтобы станция могла управлять процессом собственного роста, но технологи никогда не работали в подобном масштабе. Поэтому они были захвачены врасплох, когда, достигнув определенного уровня сложности, Кса одновременно развил самосознание — свою личность — и начал бояться собственной гибели. Разговоры между Кса и Решающим Дививвидивом были плохо экранированы, поэтому эксперты, находящиеся здесь, на Дуссарре, узнали, что в результате перемещения будет аннигилирована развивающаяся цивилизация. Теперь сомнений никаких не оставалось, и оппозиционные партии разом

объединились и мобилизовали свои силы».

Этот телепатический посыл выкладывал в сознании Толлера стену из кирпичиков голых фактов, но одновременно был пронизан беспокойством. В нем присутствовало даже отчаяние — капли времени, словно вода, просачивались сквозь пальцы, огромные невидимые двери возможностей захлопывались прямо перед носом. Толлер прибавил ходу, пытаясь нагнать Гретэка, но инопланетянин оказался весьма проворным и легко оторвался от него. До конусообразных колонн оставалось шагов сорок, не больше, когда Толлер увидел, что в центре круга их уже ждут другие инопланетяне, на чьих одеждах также нашиты зеленые ромбы. Их было по меньшей мере шестеро — кое-кто телепатически торопил бегущих, другие пытались сдвинуть с места белую коробку размером с небольшой стол.

— Зачем мы тогда бежим? — тяжело дыша, крикнула из-за спины Толлера Традло. — Если ничего уже поделать нельзя… мы только зря вымотаемся… какой толк от этого?

«Хороший вопрос», — подумал Толлер. Ему самому только что пришло в голову, что если сейчас их перенесут на планету, которая вот-вот должна быть уничтожена, то вряд ли они что-то

успеют сделать.

«Еще можно успеть, — донесся ответ Гретэка. — Только действовать нужно быстро».

— Куда успеть? — Вопрос был задан одновременно несколькими людьми.

«Тот белый предмет, который мои братья затаскивают на пластину перемещения, — упрощенная версия машины, переместившей наш мир в вашу солнечную систему. План состоит в том, чтобы перенести его на Верхний Мир и с его помощью отбросить вашу планету на некоторое расстояние. Хватит и пары дюжин миль, чтобы дестабилизировать Кса — его ось начнет колебаться. И тогда перенос Дуссарры станет невозможен».

Толлер резко затормозил на границе озаренного зеленым сиянием круга. Глаза его были прикованы к белой коробке.

— Неужели это может сдвинуть с места целую планету? — недоверчиво пробормотал он. — По-моему, она чересчур мала.

Несмотря на крайнюю спешку, Гретэк нашел время немножко поиронизировать:

«А по-твоему, Толлер Маракайн, каких размеров должна быть точка опоры?»

Прежде чем Толлер успел ответить, сверху до-

несся гудящий звук, и кромешную тьму пронзили яркие лучи. Колонны света двигались параллельно друг другу, и Толлеру показалось, что они принадлежат какому-то чудовищному небесному кораблю, который приближался к ним сверху. Низкое гудение все усиливалось и усиливалось, пока вдруг резко не оборвалось. Внезапно наступила полная тишина, но пораженные ум и тело отказывались подчиняться.

«Бегите в центр! Быстрее! — Гретэк был похож на маленькую птичку, защищающую своих птенцов. Он суетился и подталкивал людей к пластине. — У нас мало времени!»

Все еще сжимая руку Вантары, Толлер шагнул на круглую пластину цвета меди и шагов десяти в диаметре. Стинамирт, Джерин и трое пилотов последовали за ним, и люди примкнули к кучке инопланетян, собравшихся вокруг белой коробки…

И вдруг произошел межпланетный прыжок — Толлер даже не успел ничего почувствовать.

Вспыхивающая разноцветными огнями ночь родной планеты дуссарриан сгинула, и путешественников окутала кромешная тьма. «Это невероятно», — подумал Толлер, парализованный изумлением. Только секунду спустя до него

дошло, что, мысленно восприняв навязанную силой идею телепортации, в глубине души он все равно не верил в такую возможность. Он не почувствовал боли, не испытал никаких неприятных ощущений, которые показали бы ему, что его перекинули через миллионы миль, однако… Один-единственный взгляд на залитое светом звезд небо планеты — и Толлер понял, что стоит на мирных полях своей родины.

Проведя большую часть жизни на борту воздушных кораблей, Толлер как уроженец Верхнего Мира обладал почти инстинктивной способностью ориентироваться во времени и в пространстве по планете-сестре. Беглый взгляд на Мир, который завис почти в центре небесного купола, подсказал Толлеру, что они очутились у самого экватора, примерно в пятидесяти милях к востоку от Прада. Поскольку огромный диск Мира был едва ли не поровну поделен между днем и ночью, стало ясно, что скоро наступит восход, и это еще раз подтвердило слова Гретэка насчет времени перемещения Дуссарры.

Спустившись с небес на землю, он увидел, как часть инопланетян склонились над белой коробкой. Они открыли маленькую дверку в боку, и один из них поспешно начал что-то крутить

внутри. Спустя секунду инопланетянин захлопнул дверку и вскочил на ноги.

«Импеллер приведен в готовность и сработает через четыре минуты! — Он раскинул руки в стороны и начал ожесточенно махать ими. Этот сигнал люди поняли даже без помощи телепатии. — Всем за линию безопасности!»

Все развернулись и кинулись прочь от машины. Толлеру в спину уперлись маленькие ручки, заставляя его двигаться быстрее, и ему пришло в голову, что, несмотря на свою кошмарную внешность, инопланетяне — альтруисты в полном смысле этого слова. Они зашли очень далеко и подвергли себя невиданным опасностям, лишь бы сохранить жизнь абсолютно неизвестной им культуре. Толлер сильно сомневался, что в подобных обстоятельствах поступил бы так же, и на него нахлынула волна уважения и искренней благодарности дуссаррианам. Он бросился бежать вместе с остальными, по пути потеряв где-то Вантару, и остановился, только когда остановились инопланетяне, то есть примерно в шестидесяти ярдах от загадочного белого прямоугольника.

— Хватит? — спросил он у Гретэка, попытавшись представить себе поток энергии, способный

сдвинуть с места целую планету, несущуюся сквозь пространство и время по своей неизвестной орбите.

«Вполне, — ответил Гретэк. — Если бы импеллер не был собран нелегальным путем и в большой спешке, он был бы снабжен защитным экраном, и нам вообще не пришлось бы отходить от него. Кроме того, в идеале у него должны иметься якоря, чтобы он случайно не перевернулся. Но директор Заннанан, изменив время переноса, вынудил нас действовать немедленно».

Толлер нахмурился, полуусвоенные идеи и концепции наслаивались одна на другую.

— А что случится, если человек будет стоять слишком близко к импеллеру, когда тот… в общем, когда тот заработает?

«Произойдет конфликт геометрий. — Глаза Гретэка вращались как две луны в серых сумерках. — Атомы, составляющие тело человека, будут расколоты на миллиарды частиц…»

— Мне рассказывали, что мой дед погиб примерно таким же образом, — тихо произнес Толлер. — Наверное, это случилось мгновенно… он скорее всего даже ничего не почувствовал… правда, не думаю, что желал бы и себе такой же смерти.

«Пока мы будем держаться на должном расстоянии, нам ничего не грозит, — ответил Гретэк, оглядываясь по сторонам. — По крайней мере — от машины».

— Сколько времени осталось до того, как запустят Кса?

Несмотря на то что никакого хронометра у Гретэка не было, инопланетянин ответил мгновенно: «Почти семь минут».

— А через три минуты сработает эта штуковина… импеллер то есть. — Толлер удовлетворенно вздохнул и посмотрел на своих соотечественников. — По-моему, мы успели. А вы что скажете, друзья колкорронцы? Отпразднуем победу?

— Не знаю, как ты, но я бы не отказался от пары бокалов кейлианского черного, — радостно выкрикнул Стинамирт, и остальные весело поддержали его, захлопав в ладоши.

Вантара пододвинулась к Толлеру поближе и взяла его за руку. В свете зарождающегося рассвета лицо ее было бесподобно прекрасным, и Толлер внезапно подумал, что вся его предыдущая жизнь — не более чем прелюдия к этому моменту наивысшей справедливости. Он столкнулся с опасностями, достойными настоящего Толлера Маракайна, и не отступил перед ними,

не уклонился и не ушел в сторону, а теперь настало время вознаграждения…

— Я настолько увлекся самолюбованием — поздравлял себя с удачей, — что абсолютно забыл про тебя и твоих товарищей, которым мы столькими обязаны, — обратился он к Гретэку. — Вы сумеете вернуться на Дуссарру?

«Возвращение домой вряд ли представляет собой особую проблему, меня сейчас больше беспокоит другое. — Гретэк еще раз осмотрелся по сторонам, словно за каждым потонувшим в предрассветных сумерках кустиком мог скрываться смертельный враг. — Сейчас я больше всего опасаюсь того, что директор Заннанан пустит по нашим следам вадаваков. Естественно, мы сделали все, чтобы запутать след, но у Заннанана куда больше возможностей, чем у нас…»

— Кто такие вадаваки? — спросил Толлер. — Это что, какие-то яростные твари, от которых не скрыться?

«Нет. — В ответе Гретэка прозвучали грустные нотки. — Это дуссарриане, у которых при рождении были обнаружены повреждения областей головного мозга, связанных с восприятием и связью. Они не могут контактировать напрямую с другими дуссаррианами. Для нас это примерно

то же самое, что для вас глухота».

— Но неужели они так опасны?

«Они не подвержены отливам. И потому могут убивать».

— Ты хочешь сказать, — произнес Толлер, внезапно понимая причину грусти Гретэка, — что они чем-то похожи на нас?

«Сама концепция лишения жизни другого существа вызывает у обычного дуссаррианина большое отвращение».

— Наверное, здесь замешана не столько этика, сколько боязнь отдачи. — Толлер прекрасно понимал, что такими словами может оскорбить инопланетянина, который очень помог группе беглецов, но все-таки не смог удержать язык за зубами. — Кроме того, вы, благородные дуссарриане, намеревались уничтожить все население моей родной планеты. Неужели это не оскорбляло ваших нежных чувств? Или если трупы оставляешь далеко позади, то это нормально?

«Многие из нас рискнули собственными жизнями, чтобы спасти ваш народ, — возразил Гретэк. — Мы вовсе не совершенны, но…»

— Я прошу прощения за свою неблагодарность и дурные манеры, — перебил его Толлер. — Послушай, если ты так беспокоишься о вадаваках,

которые могут свалиться нам на головы буквально из ниоткуда, почему бы тебе не настроить импеллер так, чтобы он сработал побыстрее? Четыре минуты — это же целая вечность.

«Мы установили такое время, чтобы успеть отойти подальше. Но теперь, когда машина активирована, процесс нельзя ни ускорить, ни замедлить. Как нельзя ее выключить или изменить команду».

Стинамирт, который внимательно прислушивался к диалогу, вопросительно поднял руку:

— Но если машина не подвержена влиянию внешних факторов… если ее нельзя отключить… значит, мы добились своего! Ведь теперь никакой враг не сможет нам помешать!

«Если бы нам было отпущено немного побольше времени, мы могли бы снабдить импеллер системой защиты, которая делала бы его неуязвимым. — Глаза Гретэка на секунду закрылись. — А сейчас действие машины можно нейтрализовать, всего лишь опрокинув ее…»

— Что? — Стинамирт бросил на Толлера встревоженный взгляд. — И всего-то? И она не сработает?

Гретэк по-человечески печально покачал головой: «Импеллеру это не повредит, он все равно

выполнит свою задачу, но он должен находиться в горизонтальном положении, чтобы вектор его силы действия проходил либо через, либо неподалеку от центра планеты, иначе энергия будет расходоваться впустую».

— Я… — Толлер запнулся. Какой-то легкий холодок проник в его сознание, он почувствовал непонятное беспокойство, настолько мимолетное, что оно вполне могло оказаться плодом его воображения. Отстранившись от дискуссии, он поднял голову и внимательно оглядел окружающую местность. На первый взгляд ничего не изменилось. Поросшая травой равнина уходила за неровную линию горизонта, ближе к северу маячили невысокие холмы; неподалеку мирно светилась белая коробка импеллера, отражая нежные лучи раннего восхода; группка из дуссарриан и людей выглядела все так же нелепо — но почему-то Толлер встревожился.

Инстинктивно он посмотрел на небо; там, на фоне Мира, рядом с ночной стороной планеты, пульсировала желтая звезда. В тысячах миль над его головой плыл Кса.

Как только он понял, что это за звезда, до его сознания донесся слабый телепатический призыв — умоляющий, жалостный, измученный голос,

долетевший до него из зенита:

«Почему ты это делаешь со мной, Возлюбленный Создатель? Умоляю тебя, пожалуйста, не убивай меня».

Ощутив некоторое неудобство при мысли, что вторгся в чужое сознание, Толлер тихонько шепнул Гретэку:

— Кса сейчас… очень несчастлив.

«Нам повезло, что растущая сложность Кса позволила…» — Гретэк внезапно дернулся, будто пронзенный судорогой боли, и резко развернулся на восток. Остальные дуссарриане посмотрели туда же. Толлер обернулся в ту сторону, куда были устремлены их встревоженные взгляды, и сердце его подпрыгнуло. Он увидел, что на голой равнине внезапно появилось около пятидесяти фигур, облаченных в белые одеяния. Они высадились примерно в двух фарлонгах от импеллера, над ними быстро таял светящийся зеленым овал.

«Вадаваки здесь! — попятился Гретэк. — И так близко!»

Толлер опустил глаза на Гретэка:

— Они вооружены?

— «Вооружены?»

— Да! Оружие у них есть?

Гретэк дрожал всем телом, но его телепатический ответ был ясным и четким:

«В экипировку вадаваков входят энерваторы — приборы общественного успокоения, специально разработанные директором Заннананом. Энерваторы — это черные жезлы с мерцающими красными наконечниками. Прикосновение такого жезла причиняет невыносимую боль и на несколько минут парализует.

— Встречалось мне оружие и пострашнее! — фыркнул Толлер. Он сжал пальцы Вантары, отпустил ее руку и ободряюще обнял за плечи Стинамирта. — А ты что скажешь, Бэйтен? Научим этих нахальных пигмеев хорошим манерам, а?

«Прикосновение одного жезла вызывает боль и паралич, — добавил Гретэк. — Но у вадаваков в каждой руке по энерватору — одновременное прикосновение двух жезлов вызывает резкую боль, после чего наступает смерть».

— Вот это уже серьезнее, — мрачно пробормотал Толлер, рассматривая расплывчатое белое пятно на темно-зеленой равнине. Пока враги никаких действий не предпринимали. — И как быстро наступает смерть?

«Через пять секунд. Может, через десять. Зави-

сит от размеров и физической силы индивида».

— Ну, за десять секунд можно горы свернуть, — ответил Толлер. Во рту у него пересохло — он заметил, что вадаваки двинулись в их сторону. — Эх, если бы…

— Твой меч находится у директора Заннанана, его невозможно было изъять. Но один из наших людей снял с него голоматрицу, и нам удалось воссоздать точную его копию. — Гретэк кивнул одному из дуссарриан. Тот шагнул вперед, волоча за собой мешок из серой ткани. — Мы надеялись, что вадаваки не найдут нас — в таком случае мы бы уничтожили это оружие, не показывая его вам, — но теперь у нас нет выхода».

Дуссаррианин открыл мешок, и Толлер почувствовал дикую радость, когда увидел, что в нем лежат семь одинаковых мечей периода позднего Колкоррона. Он упал на колени и протянул руку к одному из столь знакомых клинков.

«Будь осторожен! — предупредил Гретэк. — Не дотрагивайся до лезвий голыми руками — мы сделали им микромолекулярные кромки, которые не тупятся, и в твою плоть они войдут с такой же легкостью, как в сугроб снега».

— Мечи! — Круглое личико Джерин исказилось от возмущения. — И что нам теперь прикажете

делать с этой кучей металлолома? Вы что, не могли скопировать наши пистолеты?

Гретэк снова покачал головой:

«У нас не было времени… их внутреннее устройство не совсем понятно нам… Все, что мы успели сделать за те краткие минуты, которые у нас оставались, — это произвести пять уменьшенных копий меча специально для женщин вашей расы, которые значительно слабее и меньше мужчин».

— Очень предусмотрительно! — Голос Джерин был пропитан сарказмом. — К вашему сведению, наши женщины спокойно могли бы…

— Враг приближается! — заорал что было сил Толлер. — Мы так и будем спорить или все-таки пойдем и примем бой?

Он указал туда, где светящиеся белые точки, представляющие вадаваков, распределялись по всей ширине поля. Враг надвигался, и светящиеся черточки обретали руки, ноги и лица, на которых читалось стремление убивать. Из-за горизонта появился краешек солнца, полоска ослепляющего огня. Поле боя, на котором ныне решались судьбы трех миров, озарилось роковым и мелодраматичным сиянием.

Толлер вытащил из мешка меч своей мечты и пару раз взмахнул им, чтобы убедиться, что ино-

планетные штучки не нарушили балансировку клинка. Почувствовав в руке знакомую тяжесть, Толлер немного успокоился — в нем снова ожил дух славного деда, — однако полностью избавиться от чувства страха ему не удалось. Семеро человек, из которых только один был обучен искусству обращения с мечом, должны были сражаться против по меньшей мере пятидесяти хорошо вооруженных инопланетян. Очутись в такой ситуации достославный прародитель Толлера, он бы непременно одержал победу — но, снова и снова прокручивая в голове приблизительный план близящегося сражения, Толлер понимал, что кто-то из его товарищей не выйдет из боя живым. Кто-то, если не все — а в таком исходе Толлер не видел победы. Это было ужасно, унизительно, отвратительно, мерзко…

Пока в его уме всплывали все новые и новые прилагательные, ему пришлось признать и другой не менее очевидный факт. Если в течение следующих двух-трех минут машине дуссарриан не будет обеспечена соответствующая защита, если она не исполнит своего назначения, то все люди на Верхнем Мире, все женщины и дети будут аннигилированы в невообразимой вспышке энергии. Именно этим — и ничем другим — он

должен руководствоваться в битве, которая ждет его впереди.

Толлер провел быстрый смотр своего небольшого войска — неужели и его лицо так бледно? Стинамирт и женщины разобрали мечи, молча признав его главенство, и теперь смотрели на него, ожидая дальнейших приказаний. Вполне вероятно, что их вера пришла из тех времен, когда Толлер на каждом углу хвастался своей сноровкой во владении клинком, — но сейчас ответственность, которую ему пришлось принять, несколько пугала. Его соратники понимали, что смотрят в лицо смерти, они откровенно боялись и в эту горестную минуту лелеяли единственную надежду, которая у них еще оставалась. В их глазах Толлер был воплощением мощи, но самого его мучили вина и сожаление. Про себя он четко осознавал, что не достоин их восхищения.

— Если мы двинемся навстречу врагу, они обойдут нас с флангов и перевернут машину, — услышал он свой собственный твердый и четкий голос. — Мы должны выстроить линию обороны вокруг черты безопасности и торжественно поклясться, что ни один из вадаваков не пройдет сквозь наш строй. Я еще многое хотел бы сказать… — Толлер встретился взглядом с Вантарой

и подавил внезапно возникшее желание протянуть руку и коснуться ее лица. — Но сейчас не время. Нас ждет важная работа.

Толлер развернулся и побежал налево. Наконец остановившись, он оказался точно между импеллером и наступающими силами вадаваков. Спустя несколько секунд по бокам от него встали остальные, инстинктивно рассредоточившись, чтобы ненароком не подвернуться под меч соседа. Вадаваки были в сотне ярдов и быстро приближались, шуршание травы под ногами явственно долетало до ушей защитников. В воздухе танцевал рой красных огоньков.

Увидев, что вадаваки вместо традиционных черных лохмотьев дуссаррианских граждан облачены в белые кольчуги, Толлер покрепче ухватился за рукоять. Доспехи инопланетян были сделаны из какого-то блестящего материала, который, несмотря на то что покрывал весь торс и часть ног и рук, казалось, ничуть не сковывал движения владельца. Бледные лица, выглядывающие из-под белых шлемов, придавали нападающим сходство с армией трупов, разбить которую невозможно, ибо ее воины уже мертвы.

Толлер поднял меч и приготовился к бою. «Умоляю тебя, Возлюбленный Создатель, — из

безбрежных небес донеслись до него слова Кса, — не убивай меня».

Один из вадаваков вырвался вперед. Избрав Толлера в противники и вытянув перед собой одинаковые как две капли воды жала черных жезлов, он ринулся на человека. Инопланетянин, должно быть, привык управляться с мирными невооруженными гражданами своей планеты, потому что голова его и торс остались незащищенными. Толлер обрушил меч на тоненькую шейку, и дуссаррианин, извергнув фонтан крови, рухнул прямо у его ног — теперь голову и тело инопланетянина соединяла лишь узкая полоска кожи. Жезлы, стукнувшись друг о друга, откатились в сторону.

Толлер наступил на них, круша ярко-красные огоньки, и в эту самую секунду на него напали еще двое вадаваков. У этой парочки, очевидно, просто не было времени, чтобы научиться чему-нибудь у погибшего товарища: нападали вадаваки бок о бок и жезлы держали так, что между ними была максимум пара дюймов. Толлер двумя ударами отсек им кисти — клинок разорвал белую броню, как бумагу. С искривленными в молчаливой агонии ртами инопланетяне упали на колени и согнулись над обрубками своих рук.

Не обращая внимания на раненых противников — они уже выбыли из строя, — Толлер поднял голову и окинул взглядом поле боя. Вадаваки кидались на людей с неослабевающей яростью, но Толлер с облегчением отметил, что пока все колкорронцы целы. Отсутствие фехтовального опыта сполна компенсировалось невероятной остротой лезвий — вадаваков рубили в клочья точно капусту. Линия обороны несколько отступила, но прорывов пока не было, и белые волны нападающих инопланетян подернулись теперь кровавой дымкой; вадаваки то и дело сталкивались друг с другом или спотыкались о своих же павших.

«Неужели такое возможно? — подивился Толлер. — Неужели никто из нас не погибнет? До того, как сработает импеллер, осталось совсем немного, и если вадаваки не изменят свою дурацкую тактику…»

Краешком глаза Толлер увидел, как мелькнуло что-то белое — один из инопланетян обошел оборону с фланга и бросился к прямоугольной коробке импеллера. Толлер мигом сорвался с места и побежал наперерез вадаваку, нагнав того только за чертой безопасности. Инопланетянин, резко затормозив, скользнул по траве и развер-

нулся навстречу Толлеру, молочные белки его глаз тускло мерцали из-под шлема. Жезлы энерваторов он сжимал, как мечи, то тыкая, то рубя мерцающими кончиками, тем самым пытаясь достать правую руку Толлера.

Толлер начал с того, что отрубил одну из угрожающих ему красных точек. Инопланетянин бросил испорченный жезл, перекинул оставшийся энерватор в правую руку и снова бесстрашно бросился в атаку. Толлер — прекрасно понимая, что находится в зоне действия импеллера, — решил закончить вихрем неотразимых ударов. Он собирался сделать очередной выпад, когда вдруг услышал за спиной какой-то подозрительный звук. Он развернулся как раз вовремя, чтобы увидеть, как второй вадавак бросает в него свой энерватор. Толлер попытался было увернуться и избегнуть яростно светящегося кончика жезла, но все-таки энерватор задел его. Внутри груди взорвался вулкан боли. Толлер, задыхаясь, упал на колени. Смакуя одержанную победу, два его противника с некоторой ленцой приблизились и нависли над ним, угрожающе воздев жезлы.

Толлера предупредили, что второе касание одного из красных огоньков несет с собой гибель, а вадаваки, очевидно, решили подстраховаться

и ткнуть его несколько раз. Но Толлер вовсе не собирался безропотно принимать смерть, во всяком случае, сейчас, когда на кону стоит судьба родной планеты. Отрешившись от ужасной боли, волны которой прокатывались по всему телу, он отчаянным усилием взметнул вверх меч, надеясь защититься от опускающихся жезлов. К его величайшему изумлению, руки легко подчинились и клинок пошел без особых усилий.

Вадаваки, поняв свой просчет, начали энергично тыкать в него энерваторами, но добрый меч уже прикрыл своего хозяина. Черные жезлы раскололись на части и отлетели в сторону в ту же секунду, когда Толлер поднялся на ноги. Один из инопланетян отшатнулся и кинулся прочь; другого задержал клинок. Толлер вытащил меч из бьющегося в конвульсиях тела и бросился обратно в гущу битвы. Ноги его тут же заныли, но боль довольно быстро унялась. Дуссарриан-ский энерватор оказался весьма сомнительным оружием против огромного, отличающегося отменным здоровьем человека.

Это показалось Толлеру благоприятным знамением, но, опять ворвавшись в гущу битвы, он сразу заметил, что за минувшие мгновения ситуация успела измениться в худшую сторону. Одна

из женщин лежала на земле, а столпившиеся вокруг вадаваки толкали ее тело мерцающими красным энерваторами. Испугавшись, что этой неподвижной фигурой может оказаться Вантара, Толлер с хриплым воплем ярости бросился на инопланетян. Он подскочил к ним одновременно со Стинамиртом, застав вадаваков врасплох. В течение невероятно короткого мига — за несколько мимолетных секунд гнева, когда перед глазами встает красная пелена с мельтешащими яркими точками, — двое людей раскрошили на мелкие кусочки по меньшей мере пятерых врагов.

На земле лежала капрал Традло. Глубоко в горло ей был загнан энерватор, ее прекрасные белокурые волосы окрасились кровью. Она была мертва.

Толлер поднял глаза и увидел, что оставшиеся четыре женщины, разбившись на пары, продолжают отчаянно сражаться. Слева от него Джерин и Мистекка наседали на четверых вадаваков и вскоре, по всей видимости, должны были расправиться с противниками; справа Вантара и Арванд отбивались от окружившей их со всех сторон толпы инопланетян.

Подивившись небрежному отношению вадаваков к защите собственных флангов, Толлер

кивнул Стинамирту, и вдвоем они вклинились в гущу облаченных в белые доспехи фигур. И снова не прошло и пары секунд, как колкорронцы расправились с превосходящими силами противника, нанося чудовищные удары, которые либо убивали вадавака на месте, либо откидывали в сторону, и тот падал, извергая реки крови.

На месте поверженных врагов вырастали новые, но Толлер уже чувствовал, что победа колкорронцев не за горами. Вадаваки, не обладая даже самыми примитивными понятиями о тактике и стратегии ведения боя, продолжали упрямо бросаться в мясорубку, хотя никакого преимущества это не давало, — таким образом, их ряды очень быстро редели. Мгновенно оценив обстановку, Толлер увидел, что на ногах осталось меньше половины вадаваков, да и те сражались как-то медлительно и неуверенно.

Примерно через минуту импеллер должен высвободить энергию, которая сместит планету, и тогда воинам директора Заннанана вообще не будет смысла продолжать бой. Им следовало отступить сейчас и тем самым спасти свои жизни. Почувствовав прилив оптимизма, Толлер рискнул бросить взгляд в сторону Гретэка и его друзей-дуссарриан, ожидая от них подтвержде-

ния, что машина вскоре сработает. Каково же было его удивление, когда он увидел, что союзники испарились — и только быстро затухающая зеленая полоска на фоне утреннего неба доказывала, что когда-то они стояли на этой земле.

Он на секунду отвлекся, и расплата последовала незамедлительно: что-то коснулось его левого плеча, и внутри снова взорвалась боль, а спустя еще мгновение энерватор уткнулся ему в левое бедро. Его дважды ударили жезлами, но странное дело — на этот раз эффект был менее ошеломляют, и Толлер даже сумел удержаться на ногах. Его противник, который, видимо, ожидал быстрой и мучительной смерти своей жертвы, изумленно взирал на Толлера, а тот тем временем нанес неуверенный удар мечом, метя в шею вадавака. Однако из-за частичного паралича Толлера клинок не достиг цели и лишь слегка скользнул по горлу инопланетянина, вскрыв одну из артерий. Вадавак прижал руку к груди и торопливо попятился — чтобы напороться прямо на меч, который держала высокая темноволосая Мистекка.

— Эти кинжалы — отличные штуковины, — крикнула она Толлеру, возбужденно блестя глазами, и небрежно оттолкнула умирающего инопланетянина в сторону. — Теперь я начинаю

понимать, почему ты все время таскал с собой меч.

— Не отвлекайся! — Не успел Толлер выкрикнуть эти слова, как услышал вопль Стинамирта. Он обернулся и увидел, что четыре вадавака, окружив его друга, пытаются достать юношу своими жезлами. По крайней мере один из энерваторов достиг цели.

— Держись, Бэйтен! — заорал Толлер и бросился вперед. Вслед за ним неслись Мистекка и Джерин. Сметающим все на своем пути вихрем они налетели на атакующих Стинамирта инопланетян, и спустя мгновение преимущество снова было на их стороне. Стинамирт получил несколько ударов энерватором и сейчас оседал на землю. Арванд отчаянно пыталась удержать его. Толлер воспользовался передышкой, чтобы снова оглядеться, — и с изумлением заметил, что у людей больше не осталось противников. Из атакующих сил вадаваков в непосредственной близости находилось всего двое, которые еще держались на ногах, да и теми уже занялись Джерин и Мистекка.

Три других оставшихся вадавака, впервые получив мощный и действенный отпор, беспорядочно удирали туда, где они пять минут назад

материализовались. С чувством огромного облегчения Толлер отметил, что все враги валяются на земле, представляя собой изредка шевелящийся бело-красный ковер. Жаль, конечно, что один из колкорронцев погиб, но…

— Толлер, сзади!

Но предупреждение Джерин запоздало. Толлер вдруг услышал какой-то шорох поблизости и сразу понял, что, будучи слишком самоуверенным, ошибался, отказывая хлипким вадавакам в истинно воинском духе. Он ощутил легкое касание в районе левой икры. Боли не было, однако только что он получил самое серьезное ранение за всю свою жизнь. Толлер опустил глаза и увидел, как лезвие колкорронского меча, принадлежавшего раньше Традло, глубоко погрузилось ему в ногу, дойдя почти до кости. Он рубанул своим клинком раненого вадавака, который, притворившись мертвым, лежал на земле и только ждал удачного момента для удара. Инопланетянин откатился в сторону, а там его достал меч Джерин.

— Мы должны прикончить их, — крикнула Джерин. — Никакой пощады!

— И держитесь подальше от машины, — предостерег Толлер, удивляясь, почему Вантара не берет командование в свои руки. — Она вот-вот

должна сработать.

Джерин кивнула и осмотрелась по сторонам, чтобы убедиться, что никого рядом с машиной нет. В лучах восходящего солнца коробка импеллера переливалась подобно свежевыпавшему снегу.

— А сейчас мы займемся твоей ногой, — обратилась она к Толлеру.

— Со мной все… — Толлер посмотрел вниз и почувствовал легкое головокружение. На икре раскрылась широкая алая рана. По лодыжке стекала кровь и падала на траву, а в глубине пореза виднелась белая кость. Он попытался сдвинуться с места, но нога его не слушалась.

— Ее надо немедленно зашить, — чеканя слова, заявила Джерин. — Кто-нибудь, подайте мне полевую аптечку.

Толлер позволил уложить себя на траву рядом со Стинамиртом, который уже начал приходить в сознание. Его тошнило, и он с радостью воспользовался возможностью хоть на время взвалить ответственность на чужие плечи. Почувствовав боль от иглы, Толлер стиснул зубы, положил подбородок на сжатые в замок руки и попытался отвлечься от боли. Он вспомнил об импеллере. Что будет, когда машина сработает? Раздастся

взрыв или с неба посыплются молнии? И почему эта проклятая коробка до сих пор бездействует?

— Как ни крути, с момента нашего прибытия прошло больше четырех минут, — обратился он к собравшимся вокруг женщинам, которые занимались теперь его ногой. — Что скажете? Вы что-нибудь заметили?

Ответил на вопрос Толлера Стинамирт, устремивший глаза к небу.

— Не знаю, как насчет нашей замечательной коробки, Толлер, — произнес он отсутствующим голосом, — но там, наверху, определенно что-то происходит.

Он указал в зенит, и колкорронцы задрали головы. Толлер изогнулся, переворачиваясь, и невольно охнул, потревожив раненую ногу. В самом центре неба висел огромный диск Мира, а в центре его пульсировала желтая звездочка, в которой люди сразу узнали Кса. Но перемены начались задолго до того, как поднял голову Толлер.

Кса стал гораздо ярче — теперь он напоминал миниатюрное солнце, — и его пульсация настолько участилась, что превратилась в единый лучик желтого цвета. Толлеру пришло в голову, что он слишком увлекся импеллером Гретэка и

битвой с вадаваками и абсолютно забыл о другом, огромном, импеллере, который парил сейчас в зоне невесомости. Внимание людей, сосредоточившихся на далеком Кса, распахнуло настежь какие-то телепатические ворота…

«Поверить не могу, что ты все-таки решился на это, Возлюбленный Создатель! — доносились с позолоченного неба пронизанные страданием вопли. — После всего того, что я для тебя сделал, ты намерен приблизить момент моей смерти! Умоляю тебя, Возлюбленный Создатель, позволь мне провести последние минуты жизни в твоем драгоценном обществе…»

— Что творится? — прорычал Толлер, вырывая иголку из пальцев Джерин и усаживаясь на траве. — Гретэк сказал, что эта проклятая коробка закончит свое дело задолго до того, как Кса… задолго до того, как Дуссарра сможет перенестись в другую галактику… но я не знаю… — Он вдруг замолк, на лбу у него выступил холодный пот, когда он понял, что сейчас он сам, все его знакомые и друзья и вся его родная планета находятся под угрозой мгновенного уничтожения.

— Может быть, с машиной Гретэка что-то случилось, — приподнялся на локте Стинамирт. — Он сам говорил, что импеллер был собран в большой

спешке. Дуссарриане тоже не застрахованы от ошибок, и, наверное, какие-то неисправности вкрались в механизм отсчета времени… — Голос Стинамирта затих, а глаза его расширились. Дрожащим пальцем он показал куда-то за спину Толлера.

Толлер обернулся и яростно выругался. Такое зрелище было способно лишить его самообладания даже на фоне поразительных, эпохальных событий. Рядом с коробкой импеллера появилась блестящая белая фигура вадавака, который, должно быть, спрятался в траве и последние хаотические мгновения битвы переждал в укрытии. Похоже, благодаря профессиональной тренировке он стал куда сильнее обычного дуссаррианина, потому что на глазах у ошеломленных людей вадавак наклонился, подсунул руки под импеллер и хоть и медленно, но все же выпрямился.

Импеллер содрогнулся и упал набок. Секундой спустя, словно от удара сработало какое-то реле, внутри белой коробки раздался механический визг.

Толлер попытался встать, но левая нога отказалась держать его, и он, сморщившись от боли, рухнул обратно на траву.

— Нам конец! — завопил он. Не имея возможно-

сти сдвинуться с места, он испытывал ужасные, изощренные мучения. — Машину нужно вернуть в прежнее положение — иначе все погибнет!

Он посмотрел на женщин, которые стояли перед ним, надеясь, что они исполнят то, чего не может исполнить он, но Мистекка и Арванд продолжали непонимающе таращить глаза, окаменев от страха при виде новой опасности, а Вантара упала на колени, закрыла лицо руками и беспомощно всхлипнула.

— С вас повышение по службе! — крикнула Джерин и, вскочив на ноги, схватила меч и устремилась к импеллеру. Она неслась по траве с невиданной прытью, которой позавидовал бы профессиональный спринтер, — даже сам Толлер, будь он в добром здравии, вряд ли бежал бы быстрее.

Одинокий вадавак, выказав значительно больше мужества и упрямства, нежели его удравшие товарищи, и не думал спасаться бегством. Наоборот, он кинулся навстречу Джерин и, когда до нее оставалось всего несколько шагов, нырнул ей под ноги. Она все-таки достала его скользящим ударом меча — ярко-красные брызги окропили траву, — но инопланетянину удалось ухватить ее за голень. Джерин рухнула на землю. На какой-то

момент они скрылись из виду, и у Толлера даже во рту пересохло от волнения, но вскоре Джерин снова вскочила на ноги и ринулась наперегонки с собственной тенью.

Визг белой коробки, казалось, стал еще громче, стоило девушке добраться до цели. Джерин ухватилась за край и попыталась перевернуть машину, но тщетно. Тогда она обогнула импеллер и, склонившись за ним, попыталась получше ухватиться за тяжелый корпус. С томительной медлительностью, разрывающей нервы, прибор занял прежнее положение.

Джерин мгновенно выскочила из-за него и, запрокинув голову, изо всех аил помчалась назад, к парализованным страхом колкорронцам. Она преодолела уже примерно треть расстояния, когда коробка внезапно замолкла. Сумасшедшие визги сменились новой, еще более ужасной волной истерии, донесшейся до сознания людей из далекой точки на небесах:

«Не убивай меня, Возлюбленный Создатель! Не…»

Толлер, чье лицо превратилось в нечеловеческую маску, перевел взгляд с Джерин на белую коробку и увидел, как очертания импеллера начали искажаться. Он замерцал, в разные стороны

разлетелись бледные отражения машины, наслаивая многочисленные варианты реальности, поглотившей пространство и время.

Джерин бежала через переливающуюся матрицу того, что было и что могло быть. Толлеру казалось, что она выкрикивает его имя. Стиснув зубы от невыносимой боли, он чудом поднялся на ноги и попытался кинуться ей навстречу.

Тут начал содрогаться и вибрировать весь небосвод. От Кса полетели пульсирующие концентрические кольца режущего глаз сияния. Достигая эманации, излучаемых белой коробкой, они сталкивались с ними, перемешивались…

«Слишком много всего происходит», — погружаясь в пучины ужаса, успел подумать Толлер.

И тут навалилось все разом…

Глава 19

Глубокая, бархатная и бесконечная тьма — Толлер никогда не видел такой темной ночи — внезапно окутала сцену, словно на целую планету набросили огромное светонепроницаемое одеяло. Небесная чернота казалась еще более непроглядной благодаря тому, что импеллер, свершивший свое пространственное колдовство,

теперь призрачной иллюминацией заливал притихшее поле боя.

Толлер замер на месте и отчаянно мигал глазами, пытаясь приспособиться к необычной обстановке, когда Джерин налетела на него и, ухватившись за его руки, остановилась. На краткий миг она приникла к нему, все ее тело дрожало. Восстановив дыхание, она выпрямилась и отступила на шаг. Толлер даже подумал, что сейчас она отсалютует ему по-военному и отчитается об успехах при прохождении особенно коварной полосы препятствий. Вантара, стоящая неподалеку, придвинулась к Толлеру и нежно взяла его за руку.

Толлер не почувствовал ее касания — его внимание было поглощено невероятной пустотой небосвода. Сначала у него сложилось впечатление, что темный небесный полог однообразно пуст, но, когда его глаза немного привыкли, он начал различать холодные далекие огоньки света, чем-то похожие на звезды. По сравнению с привычной россыпью светил эти звезды были тусклыми и редкими. Свет был настолько скуден, что прошло несколько секунд, прежде чем Толлер стряхнул с себя оцепенение и понял, чего же именно не хватает в небе.

Планета-сестра куда-то исчезла.

Вместо нее на куполе небосвода царила лишь жалкая горсточка холодных огоньков непонятных очертаний.

Стинамирт, наконец пришедший в себя, поднялся на ноги и встал рядом с Толлером.

— Все было бесполезно, Толлер, — проговорил он. — Нас выбросило из галактики. Это не наша система.

Толлер кивнул, не полагаясь на собственный голос. Он никак не мог поверить в эту черную вселенную, которая распростерлась перед ним. «Разумеется, нас выбросило, — сказал он сам себе. — Так вселенная будет выглядеть, когда постареет…»

— Темно, — прошептала Вантара, прижимаясь к Толлеру. — Мне все это не нравится — и мне холодно.

— В таком случае, — сказал Толлер, решительно высвобождаясь из ее объятий, — предлагаю начать собирать топливо для костра. Судя по всему, до рассвета еще далеко — если рассвет вообще когда-нибудь наступит.

— Конечно, наступит! — капризно заявила Вантара, раздосадованная его символическим жестом. — Как может не наступить рассвет? Что

за глупость!

С жалостью в сердце Толлер понял, что она не догадывается, даже понятия не имеет о том, какие важные события только что произошли. Картина мира, сложившаяся у него в уме после телепатических бесед с Дививвидивом и Гретэком, оставалась весьма обрывочной и туманной, но всем своим существом он ощущал, что Верхний Мир — вместо того чтобы подвергнуться аннигиляции — был закинут в какую-то невероятно далекую область галактики.

А «вселенная», о которой он думал, оказалась вовсе не той маленькой, упорядоченной группкой звезд, чей образ вставал перед ним раньше, когда колкорронские ученые использовали сей термин. Это была весьма путаная, невообразимо сложная и доводящая до отчаяния своей неуловимостью философская концепция, которую Дививвидив называл пространственно-временным континуумом. Во время телепатических уроков Толлер ухватил суть этого понятия, но, несмотря на все усилия, его понимание континуума потускнело, угасая подобно смутному воспоминанию о сладком сне.

И вот минуло несколько дней, а он уже все забыл, и лишь какие-то жалкие обрывки знаний

еще копошились у него в голове. Не способный облечь свои мысли в слова, он и секунды не сомневался, что невероятно могучие силы, задействованные Кса во время смертельной агонии, могли переместить Верхний Мир не только в пространстве, но и во времени, закинув куда-нибудь в далекое будущее параллельного космоса.

Он попытался вспомнить причины своей любви к Вантаре и не смог — сейчас, глядя на ее прекрасное личико, искаженное гримасой раздражения, он чувствовал, что между ними разверзлась непреодолимая пропасть. Но она была слишком эгоистичной и потому не могла разделить беспокойства Толлера. Как-то раз, во время долгого полета к Дуссарре, Толлер спросил у Дививвидива, почему тот так уверен, что переместительное устройство не забросит планету в глубины межзвездного пространства, где «легкой» корректировки будет недостаточно, поскольку рядом не окажется ни одного светила. Дививвидив, вероятно, не найдя достойного ответа, отделался всяческими премудростями — «наслоение вероятностей» и «трудные для понимания самогенерирующиеся возможности» Кса, который в финальной стадии должен иметь дело с «зонами биологической активности» и

«орбитальной динамикой».

И теперь Толлер спрашивал себя, действительно ли за пассивной громадой планеты скрывается солнце. Либо нормальный восход должен наступить еще через несколько часов, либо Верхний Мир станет постепенно остывать, а его обитатели будут вынуждены существовать в вечной черноте. Получить ответ можно было только одним способом — ждать. А ждать в темноте не имело смысла…

— Почему никто не собирает хворост? — весело заорал он, отворачиваясь от Вантары. — Давайте найдем местечко поуютней — и подальше от этих инопланетных трупов — и запалим добрый костер, который согреет нас в эту ночь.

Приободрившись от того, что нашлось хоть какое-то занятие, Стинамирт, Мистекка и Арванд помчались к зарослям кустов, чьи округлые очертания постепенно проявились в звездном свете. Вантара смерила Толлера долгим взглядом, который, как он догадался, должен был выражать неизмеримое презрение, затем отвернулась и медленно пошла вслед за остальными, оставив его наедине с Джерин.

— Неплохо было бы наложить на твою ногу еще несколько швов, но очень мало света. — Дже-

рин мельком взглянула на импеллер, который медленно угасал, превращаясь в прямоугольный серый блок. — Я тебя сейчас перевяжу, а утром закончу.

— Спасибо, — кивнул Толлер, внезапно поняв, что абсолютно не способен передвигаться без посторонней помощи. Рана, хоть и серьезная, смотрелась на его могучем теле незначительной царапиной, но он вдруг обнаружил, что весь дрожит и чувствует себя больным и разбитым. Толлер терпеливо ждал, пока Джерин наложит ему на икру бинт, извлеченный из полевой аптечки.

— Вот где пригодилось мое фермерское воспитание, — сказала она, туго затягивая узел.

— Благодарю покорно! — Толлер говорил с напускной сварливостью, радуясь возможности отвлечься от беспокойств по поводу солнца. — Утром приколотишь к моим копытам новые подковы, а пока, будь любезна, помоги мне наконец добраться до костра.

Джерин поднялась, обхватила его рукой за талию, и они вместе направились к уже замерцавшему в непроглядной темноте оранжевому огоньку. Идти по высокой траве оказалось довольно трудно, поэтому Толлер облегченно вздохнул,

когда Джерин остановилась, давая возможность ему и себе перевести дух.

— Теперь я точно заслужила повышение, — отдышавшись, заметила она. — Ты немногим легче моего любимого синерога.

— Я прослежу за тем, чтобы… — Толлер запнулся. Он не имел права строить планы на будущее, которого могло и не быть. — Ты повела себя самоотверженно, ринувшись к машине. Меня аж в жар бросило, когда я подумал, что ты не успеешь выбраться.

— С чего это ты так беспокоился о моей судьбе? — пробормотала Джерин. — Ведь я только выполняла свои обязанности.

— Ну, наверное, потому… — Толлер улыбнулся, сообразив, какую древнюю игру ведет с ним Джерин. Они все стояли, окутанные тьмой, и вдруг эта игра стала значить для него куда больше, чем все страхи за будущее планеты. Он притянул ее к себе, и они слились в страстном поцелуе.

— Графиня может увидеть нас, — подначила Джерин, оторвавшись от его губ. Он чувствовал теплое дыхание девушки на своем лице. — И графине это не понравится.

— Какой графине? — изумленно переспросил Толлер, и они с Джерин, прильнув друг к другу в

самом центре темной-темной ночи, безмятежно рассмеялись.

Толлер даже не надеялся, что ему удастся заснуть. Раненая нога начала отвратительно ныть, не умолкая ни на секунду, да и в любом случае он просто не мог уснуть и позабыть, что, быть может, его планета сейчас затеряна в просторах беззвездного космоса. Но костер приятно припекал, рядом, положив руку ему на грудь, посапывала Джерин, и он понял, что устал больше, чем сам о том подозревал…

Он растерянно открыл глаза, пытаясь определиться, где он очутился. От костра остались подернутые белым пеплом уголья, но их света как раз хватало, чтобы различить вокруг спящие тела товарищей, — и внезапно у него в висках снова застучал очень важный и неотложный вопрос. Он резко приподнялся — Джерин у него под боком что-то недовольно пробурчала — и осмотрел горизонт.

Из-за кромки земли выглянула слабая, но легко узнаваемая полоска пурпурного света.

На глазах у Толлера проступили слезы, когда он понял, что за чудесный, изумительный свет пробивается к ним. Он облегченно вздохнул и снова погрузился в целительный сон.

Глава 20

Королева Дасина перенесла еще один удар, который на этот раз оказался для нее роковым.

Когда вести о свалившейся на планету трагедии распространились из Прада по городкам и деревенькам Верхнего Мира, простой люд — и так уже перепуганный до смерти необъяснимой переменой на небосводе — еще больше замкнулся. Настроение у всех было подавленное. Снова подняли головы религиозные фанатики, утверждавшие, что болезнь королевы была предсказана знамениями, которые преобразили небеса над планетой. И даже те, кто обычно не обращал внимания на всякие предрассудки и пересуды, были потрясены тем в высшей степени странным явлением, которое случилось на рассвете три дня назад.

Те, кто привык вставать спозаранку, описывали случившееся в один голос. Сначала они увидели внушающую ужас яркую желтую точку, похожую на миниатюрное солнце. Она внезапно появилась в зените, прямо в центре огромного диска Мира, и не успели глаза привыкнуть к этому неожиданному сиянию, как гигантские

концентрические круги начали расходиться по рассветному небу, пульсируя и переливаясь всеми цветами радуги.

А затем свершилось последнее невероятное действо этой космической драмы — небо… умерло.

Это слово — «умерло» — повторялось и повторялось на всех углах, срываясь с губ необразованных простолюдинов, которые всю свою жизнь провели под небесами, залитыми светом и переполненными всевозможными астрономическими явлениями.

Небо, казалось, умерло, когда Мир вдруг исчез, а вместе с ним исчезли и Великое Колесо, и мириады серебряных спиралек поменьше; бесчисленные тысячи звезд, самые яркие из которых складывались в ствол Дерева; неверные полоски таинственного свечения, подобно косам раскинувшиеся между галактиками; кометы, чьи мерцающие развернутые веера украшали вселенную; шустрые метеоры, оживлявшие ночной купол и шнырявшие от звезды к звезде.

Все это исчезло в одну секунду, и теперь небеса казались какими-то омертвелыми — в основном из-за тех холодных, одиноких и бесконечно далеких точек, которые, в сущности, не освещали

небо, а лишь усиливали впечатление пустоты и мрака.

Толлер Маракайн, опершись на костыли, задержался на южном балконе своего дома, любуясь закатом. Перед ним на широкой балюстраде стоял бокал с бренди, но на время Толлер совершенно забыл о нем, увлекшись игрой небесных красок, которые становились все гуще и все мрачнее. Взглянув на чуждый темнеющий небосвод, он подавил невольную дрожь, но сейчас его беспокоило вовсе не исчезновение планеты-сестры, которой следовало привычно нависать над головой. Он достаточно времени провел «вне» Верхнего Мира — в местах, где большинство обитателей даже не могли представить детальную картину иной планеты у себя над головой, — и поэтому быстро привык к изменившемуся небу.

Признавая, что его состояние отчужденности вызвано абсолютной пустотой ночного неба, Толлер решил отнестись к вопросу философски, с позиции здравой логики, и таким образом попытался избавиться от неприятного ощущения. Какая разница, спрашивал он себя, содержит равнодушное, неприветливое ночное небо миллиард звезд или всего лишь горстку? Ведь количество зерна, собранного во время жатвы, от этого не

изменится?

Но беда в том, что все эти ухищрения отнюдь не помогали обрести прежнее чувство уверенности. Толлер понятия не имел, какая участь постигла Мир и Дуссарру, но одно знал наверняка: этих планет больше не существует. Однако он четко осознавал и другое — Верхний Мир, как метко выразился Стинамирт, «был выброшен» в абсолютно чужую область пространственно-временного континуума, и было в ней что-то такое, от чего дух захватывало, как при падении в воздушную яму. Верхний Мир очутился в гниющей вселенной, древней и холодной… а потому возникал следующий вопрос: сможет ли человек — индивидуально и коллективно — сохранить прежний образ жизни?

Вообще-то не было никаких причин, запрещающих мужчинам и женщинам Колкоррона жить таким образом, как всегда жили их предки, но могло случиться и так, что чувство изоляции, которое испытает человек, перенесенный на окраину черных просторов бесконечности, изменит лик расы.

Мир и Верхний Мир — планеты-сестры, находившиеся в столь крепкой связке, что даже имели общую атмосферу. А что, если некий космический

Творец специально создал их такими, чтобы подвигнуть их обитателей на скорейшее покорение иных миров? Стоило людям совершить первый отчаянный шаг и перелететь с одной планеты на другую, как перед ними должна была раскрыться вселенная, усыпанная всевозможными сокровищами и звездами — на которых наверняка существовала другая жизнь, — и человек, обладающий тягой к приключениям и романтической жилкой, не устоял бы перед искушением. Сограждане Толлера были воспитаны небесным окружением так, чтобы смотреть вовне, чтобы верить, что будущее заключается в движении, в проникновении в щедрую и радушную вселенную, но что люди чувствуют сейчас? Найдется ли теперь герой с подобным видением мира и достанет ли ему мужества посмотреть на далекие ледяные огоньки звезд нового неба и поклясться, что когда-нибудь эти звезды будут принадлежать человеку?

Устав от абстрактных умственных построений, Толлер повернулся спиной к золотисто-алому закату и глотнул бренди. Сдобренный пряностями и маслом подогретый напиток живительным огнем разлился по жилам, успешно прогоняя холод сумерек. Толлер смаковал бренди и наблюдал за

отцом и Бартаном Драмме, которые суетились вокруг установленных на балконе телескопов. В его глазах эти двое пожилых людей стали гранитными опорами интеллектуальной стойкости и здравого смысла в постоянно меняющейся вселенной, он уважал их и преклонялся перед ними. Они обсуждали странную научную аномалию, причудливое нарушение в структуре новой реальности, заметное пока лишь единицам.

— Ерунда какая-то, — говорил Кассилл Маракайн. — Если брать государственные заводы в их совокупности, то без преувеличения можно сказать, что непосредственно мне сейчас подчиняются практически все ведущие инженеры и технологи. Так вот, большую часть своего времени они проводят у самых точных измерительных приборов, которые только были придуманы нами, — но ни один из них ничегошеньки не заметил!

— Попытайся быть честным, — пробормотал Бартан. — В отношениях круга к кругу ничего не изменилось, и большинство твоих…

Кассилл покачал седеющей головой:

— Никаких оправданий, старина! Мне рассказал об этом скромный рабочий с кардапи некого пивоваренного завода — обыкновенный

бочар! — который еле-еле пробился через все эти проклятые барьеры, несмотря на мои отчаянные протесты, понаставленные бюрократами вокруг моего кабинета. Разумеется, я перетащил его с прежнего места к себе в штат, где он…

— Послушай, отец, — встрял Толлер, чье любопытство с каждой минутой все больше разгоралось. — Чего это тебя так взволновали всякие круги, окружности, колеса и прочие округлые фигуры? Что такого загадочного и необычного может скрываться в обычном круге?

— Как и любая другая геометрическая фигура, круг всегда обладал определенными свойствами, но теперь эти свойства внезапно изменились, — серьезно сказал Кассилл. — До сих пор, как тебе прекрасно известно, длина окружности равнялась ровно трем ее диаметрам, А теперь — если хочешь, можешь даже проверить, — отношение длины окружности к диаметру немного больше, чем один к трем.

— Но… — Толлер попытался усвоить эту мысль, но ум его не справился с задачей. — И что это значит?

— Это значит, что мы очень далеко забрались от дома, — объяснил Драмме и скривил губы, намекая на то, что изрек великую мудрость.

— Да, но как это отразится на нашей жизни? Снимая колпачок с телескопа, Кассилл презрительно фыркнул:

— Сразу видно — человеку никогда не приходилось зарабатывать себе на хлеб коммерцией или производством! Нам придется проектировать новые конструкции, перенастраивать заново многие машины, а это обойдется государству в кругленькую сумму. Приплюсуй сюда канцелярские и бухгалтерские расходы, расходы на…

— Канцелярия-то тут при чем?

— А ты сам подумай, Толлер. У нас на руках двенадцать пальцев, поэтому дюжина лежит в основе нашей системы счета. Это да плюс то, что длина окружности раньше равнялась ровно трем ее диаметрам, существенно упрощало многие выкладки. Однако вскоре все изменится, нас поджидает множество трудностей — я уж не говорю о том, что даже обыкновенным бочарам придется учиться делать более длинные обручи для бочек. Возьмем, к примеру…

— Ты лучше скажи мне, — быстро перебил его Толлер, забеспокоившись, что отец сейчас завязнет в одном из обычных для него отступлений и разговор затянется надолго, — каково новое соотношение? По крайней мере это мне следует

знать.

Кассилл многозначительно посмотрел на Бартана:

— По этому поводу пока существует множество разногласий. Я был слишком занят — все эти печальные события во дворце и так далее, — чтобы лично провести измерения. Кое-кто из моего штата заявляет, что новое соотношение — один к трем и одной седьмой. Но это, разумеется, ерунда…

— Почему ерунда? — разгорячился Бартан.

— Потому что, мой старый друг, в мире чисел должна присутствовать естественная гармония. А число три и одна седьмая ни с чем не ассоциируется. Ничуть не сомневаюсь, когда будут завершены все расчеты, выяснится, что новое соотношения равняется, ну, предположим…

Толлер мигом потерял интерес к обсуждению. Дискуссия обещала вылиться в очередное долгое препирательство — отец и Бартан Драмме частенько спорили друг с другом и получали от этого огромное удовольствие. Он еще раз вспомнил о Джерин и пожалел, что ее нет рядом. Она уехала навестить свою семью в деревне Диварл и должна была вернуться только завтра. Утомившись стоять у балюстрады, Толлер подковылял

к кушетке, опустился на нее и положил рядом костыли. Теперь, когда начался процесс заживления, нога стала неповоротливой и на каждое неловкое движение отзывалась мучительной болью. Толлеру пришлось учиться уживаться с такой ногой, постоянно изобретать всякие способы, как обмануть ее и не вызвать новых приступов. Это ужасно изматывало Толлера, и потому он с радостью воспользовался возможностью прилечь и передохнуть.

— Сынок, может, тебе пора отправляться в спальню и лечь в постель? — подойдя к кушетке, мягко спросил Кассилл Маракайн. — Эта рана куда более серьезна, чем ты думаешь.

— Нет, пока нет, я хочу еще немного побыть с тобой, — улыбнулся отцу Толлер. — Знаешь, я тут вспомнил, что, когда был еще маленьким мальчиком, мы чуть ли не каждый день обменивались подобными фразами. Или ты и на этот раз не посчитаешься с моими желаниями и все равно отправишь меня в кровать?

— Ты уже вырос для такого обращения. Кроме того, я занят и не хочу, чтобы меня отвлекали постоянными просьбами принести стакан воды.

— И медовой соломки, — крикнул с дальнего конца балкона Бартан. — Медовую соломку не

забудь.

— Медовая соломка! — приподнялся на локте Толлер. — Это то, что я так…

— Именно, хотя это может показаться весьма странным пристрастием для человека, которого уже начали называть Убийцей богов, — кивнул Кассилл. — А, ты же, наверное, ничего не знаешь? Можно только догадываться, какие еще слухи распространяет твой друг Стинамирт, но мне передали, что уже каждая таверна в городе бурлит и обсуждает то, как ты слетал на расположенную за кромкой небес землю и прикончил там тысячу богов… или демонов… или и тех, и других, чтобы спасти Верхний Мир от гибели в пасти громадного хрустального дракона.

Кассилл на секунду замолчал, и лицо его омрачилось.

— Теперь, все тщательно взвесив, — снова заговорил он, — я понял, что даже самый заурядный пахарь, накачавшийся элем, может объяснить происшедшее ничуть не хуже — а вероятно, даже и лучше меня. Толлер, все те вещи, которые тебе объясняли посредством разума и без помощи речи… Ты уверен, что абсолютно не помнишь — совсем-совсем ничего — о том, что подразумевалось под термином «пространство-время»? Мне

бы очень хотелось узнать, почему эти два слова, абсолютно не связанные логически, ни с того ни с сего используются вместе.

— Я ничем не могу помочь тебе, — вздохнул Толлер. — Когда Дививвидив говорил внутри моей головы, мне казалось, что я понимаю каждое его слово, но на самом деле все развеялось как дым. Я практически ничего не помню. Тянусь за понятием, а натыкаюсь на пустоту. Причем не на настоящую пустоту — а знаешь, как бы на эхо, будто какие-то массивные двери только что навеки захлопнулись передо мной, а я слишком медлил и в итоге опоздал. Прости, отец, — я бы и рад помочь…

— Да ничего — мы и сами, собственными силами, когда-нибудь справимся с этой задачей. — Кассилл сходил за толстым одеялом и накинул его на Толлера. — Ночи здесь холодные.

Толлер кивнул и устроился поудобнее, наслаждаясь отцовской заботой и отсутствием груза ответственности на собственных плечах. Нога чуть заметно ныла, а врачи предупредили его, что дело может закончиться хромотой, но это тем более давало ему право по-детски понежиться в уютном тепле, спрятаться, как ребенку, под одеяло, которое — получше всяких доспехов — за-

щитит от всех напастей внешнего мира.

Пригревшись и уже проваливаясь в дрему, Толлер попытался определить свое положение в незнакомой вселенной. Столько всего потеряно. Королева умирает, не в силах понять и смириться с тем, что планеты, где она родилась — и куда она так страстно стремилась вернуться, — больше не существует. Ее мечта о едином народе, населяющем оба мира, разбилась в один миг. Это была хорошая мечта, мечта, которой Толлер только симпатизировал, но теперь уже не будет длинных верениц небесных судов, загруженных всевозможными товарами и книгами, курсирующих на невидимой привязи между Миром и Верхним Миром. Вместо этого будет… а что, собственно, будет?

Страшная усталость охватила его, он даже не подозревал, что настолько измотан; сейчас у него просто не было сил бороться с хитрыми, то и дело ускользающими загадками будущего. Толлер задремал, а очнувшись, взглянул на небо и обнаружил, что оно совсем потемнело и многочисленные точечки звезд светят куда ярче, чем он думал. Балкон также погрузился в темноту; отец и Бартан Драмме возились с телескопами и, периодически отвлекаясь от окуляров, делали

какие-то заметки и обменивались друг с другом результатами наблюдений.

Толлер какое-то время прислушивался к шорохам ночи, к тихой беседе между отцом и Бартаном… снова погружался в дрему, куда-то уплывал… улавливая случайные фразы, доносившиеся до него… и постепенно его настроение начало меняться. Он неожиданно понял, что, потрясенный схваткой и чрезвычайно ослабев, позволил новому небу подчинить себя — и оно до сих пор подавляло его. Он задавался вопросом, найдется ли среди колкорронцев такой герой, который осмелится бросить вызов равнодушной черной пустоте, но — вот ведь незадача! — был ослеплен собственным пессимизмом, не увидел, что такие герои находятся прямо у него под носом.

Кассилл и Бартан — почти старики, чей вклад в прежний порядок вещей был куда значительнее, чем его собственный, а причин желать перемен у них гораздо меньше, но разве они опустили руки и замкнулись в себе, оплакивая прошлое? Нет! Они с готовностью обнажили мечи — клинки умов — и в настоящий момент спокойно, без ложной патетики, закладывали, ни больше ни меньше, основы новой астрономии!

Колеблясь на грани между сном и явью, Толлер улыбнулся.

Его отец и Бартан Драмме старались говорить как можно тише, чтобы не побеспокоить отдыхающего Толлера, но шепот пробирался в квазиреальности дремлющего мозга и привлекал больше внимания, чем самый громкий крик… пока что в местной системе обнаружено пять планет, Бартан… если считать ту, двойную планету за одну… раз уж за столь короткое время нам удалось обнаружить целых пять миров, вполне вероятно, что могут найтись и другие, как ты думаешь?.. «я должен немедленно подняться с этой кушетки и принять участие в обсуждении…» вряд ли такое возможно — кремового цвета планета, окруженная громадным кольцом… «но я сегодня уже достаточно сделал…» только подтверждает твои первоначальные расчеты, Кассилл… примерно двадцать градусов, а это означает, что теперь на Верхнем Мире установятся времена года… «утром приедет Джерин, и с ее помощью я скоро встану на ноги…» люди, в особенности фермеры, должны подготовиться к тем переменам, которые повлечет смена времен года… «время и бремя, бремя и время…» у меня есть любопытное предчувствие насчет той планеты с кольцом,

Бартан, — она такая необычная, такая странная, что наверняка сыграет немалую роль в нашем будущем…

Толлер наконец погрузился в глубокий и целительный сон.

Когда он проснулся, на балконе уже никого не было, а это означало, что время близилось к утру. Он обнаружил, что его укрыли еще несколькими одеялами, чтобы защитить от ночных холодов, которые к рассвету заметно крепчали. Небо выглядело точно так же, как при первом знакомстве. Над головой были разбросаны незнакомые созвездия, а на восточном горизонте показались отблески перламутрового цвета, затмевающие самые слабые звезды.

На этот раз внимание Толлера привлекла яркая двойная планета, взошедшая над сияющей полоской надвигающегося рассвета. Не раздумывая, он отбросил одеяла и с трудом поднялся на ноги, выругавшись про себя, когда рана в икре ответила на его порыв приступом тупой боли. Он подобрал костыли и по выстланному плиткой полу подковылял к ближайшему телескопу. Костыли путались под руками и мешали ему должным образом настроить прибор, но вскоре он справился с задачей и приник к окуляру.

Посреди бархатной черноты вселенной висел мерцающий диск, вокруг которого крутилась огромная луна. Сам мир оказался голубого цвета, что сулило присутствие на нем воды. Увлеченный лучистым зрелищем, Толлер вдруг почувствовал, как какой-то сверхъестественный холодок пробежал вдоль его позвоночника.

— Может быть, ты и прав насчет этой планеты с кольцом, отец, — прошептал Толлер. — И все-таки интересно…